

Литературная Грузия

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

1-6

2007

Издательство «Интелекти»

Тбилиси

Журнал издан при содействии «Союза грузин в России», Главной редакции по странам СНГ и Балтии агентства РИА-«Новости» и «Кавказского центра стратегических исследований»

Главный редактор ЗАЗА АБЗИАНИДЗЕ

Художник ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ

Над номером работали:

Лиана Татишвили, Ирина Зурабашвили, Майя Мерабишвили,

Георгий Чарквиани

Компьютерное обеспечение и техническое редактирование:

Евгения Орлова, Нино Рехвиашвили, Карина Котомина,
Дмитрий Масхарашвили, Тамара Гвианишвили

На обложке фотографии известных деятелей грузинской эмиграции. Первый ряд сверху, слева направо: Григол Робакидзе, Шалва Амирэджиби, Георгий Гамкрелидзе; второй ряд: Григол Перадзе, Нино Салиа, Калистратэ Салиа; третий ряд: Симоника Бережиани, Виктор Нозадзе и Давид Марджанишвили.

Вместо предисловия	4
РУСУДАН ДАУШВИЛИ. Грузинская эмиграция	7
Кого прочли эмигранты в грузинские цари?	33
ГРИГОЛ ПЕРАДЗЕ. Оглядываясь назад	44
ГРИГОЛ РОБАКИДZE, ШАЛВА АМИРЭДЖИБИ, СИМОНИКА БЕРЕЖИАНИ, ГЕОРГИЙ КИПИАНИ, ГЕОРГИЙ ГАМКРЕЛИДZE. Стихи.	
Перевод Владимира Саришвили	74
ГРИГОЛ РОБАКИДZE. Мысли о Толстом	89
Из эпистолярного наследия	90
ЛАЛИ ЦОМАИА. «Желаю Вам солнечного счастья, ибо Вы – от солнца...»	93
РУСУДАН НИШНИАНИДZE. Григол Робакидзе	95
Строки из-за границы	107
ГУРАМ ШАРАДZE. Калистрате и Нино Салиа	127
ОТАР ДЖАНЕЛИДZE. Обманутая надежда	134
НОДАР КАКАБАДZE. «В Грузии и смерть – счастье!»	147
НИКО ДЖАВАХИШВИЛИ. Гражданская война в Испании и грузинская эмиграция	163
ТАМАЗ САНИКИДZE. Встреча на Монпарнасе	174
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE. Ограбление по-грузински	187
ТАТЬЯНА НИКОЛЬСКАЯ. «Блокадная тетрадь» Тамары Кипиани	198
Коротко об авторах	206

14281

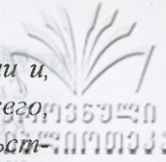

Наверное, символично, что у журнала, посвященного драматической участи грузинской эмиграции, в свою очередь, сложилась непростая судьба: «Эмигрантский» номер «Литературной Грузии» должен был выйти в начале 2004 года. Однако, поскольку государственное финансирование прекратилось, а частные субсидии не нашлись, он так и остался в памяти редакционного компьютера... К счастью, волею судеб (а если конкретнее – при содействии «Союза грузин в России», Главной редакции по странам СНГ и Балтии агентства РИА-«Новости» и «Кавказского центра стратегических исследований») заново рожденный журнал ознаменовал 50-летие со дня своего основания выходом в свет долгожданного номера.

Если в одном из предыдущих номеров «Литературной Грузии» (2003 г. № 1-3), посвященном 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга, мы, по мере сил, старались воссоздать историческую ретроспективу грузинской диаспоры в России, то, на этот раз, основное наше внимание уделено грузинской эмиграции в Европе, оказавшейся там после «советизации» Грузии в феврале 1921 года и лишь таким образом избежавшей грядущего «революционного террора». Впрочем, не забыты ни оказавшаяся в России часть грузинской эмиграции, ни живущие ныне там наши соотечественники.

Когда правление Временного правительства в России сменилось большевистским режимом, Грузия провозгласила себя самостоятельной, независимой республикой. К власти пришла социал-демократическая партия, то есть революционеры, марксисты, но вместе с тем непримиримые враги большевиков. Менее трех лет просуществовала основанная ими Демократическая республика,

затем страна подверглась большевистской оккупации и, понятно, часть населения эмигрировала. Прежде всего, разумеется, покинули родину руководители правительства, члены Учредительного собрания, штаба армии, а также некоторые общественные деятели, представители культуры, литературы и искусства вместе с семьями. Предполагается, что число первых эмигрантов составляло 3-4 тысячи человек, и большинство из них в конечном итоге осело во Франции. Но кроме того грузинские колонии, землячества и ассоциации образовывались в Германии, Чехословакии, Бельгии, Швейцарии, Персии, Маньчжурии, США, Канаде, Аргентине, Чили, Англии, Италии и т.д.

По мнению многих великих художников, искусство и политика, литература и политика никак не должны быть связаны; желательно, чтобы они вообще не имели точек соприкосновения. Недаром Пушкин писал: «...Мы рождены для вдохновения, для звуков сладких и молитв»... Однако об этом можно только мечтать, что прекрасно было известно самому Пушкину. Искусство, тем более эмигрантское, вряд ли обойдется без политики. Естественно, что и грузинская эмигрантская литература была максимально политизирована. Кто-то вероятно скажет – к сожалению, кто-то – к счастью.

Грузинская эмиграция, как уже отмечалось, была немногочисленной. Но свой неповторимый след в истории современной грузинской литературы и искусства XX столетия она, конечно же, оставила. В этом номере нашего журнала идет речь о судьбах грузинской эмиграции, о жизненных невзгодах, которые встречались на ее пути, о вкладе, внесенном ею в грузинскую культуру.

Как и в любом такого рода сборнике, немало внимания уделено творчеству писателя Григола Робакидзе – мэтра грузинского Авангарда. Наряду с его произведениями и

перепиской публикуются стихи Шалвы Амирэджоби, Симона Бережиани, Георгия Гамкрелидзе, *Георгий* Кипиани. Думается, читатель не останется равнодушным к мужественному и своеобразному звучанию их лирических голосов.

Безусловно, большой интерес представляют записки основателя православной грузинской общины в Париже, замечательного церковного деятеля и ученого, архимандрита Григола Перадзе, трагически погибшего в застенках гестапо.

Долгие годы было позабыто имя эмигрировавшего во Францию живописца Феликса Варламишвили (Варла). Этот пробел восполняет статья искусствоведа Тамаза Саникидзе, посвященная столетию художника.

Русско-грузинские связи представлены двумя материалами: проникновенным откликом Татьяны Никольской на «Блокадную тетрадь» Тamarы Кипиани – трагическую исповедь, которой еще предстоит всеобщее признание. Второй материал принадлежит перу главного редактора журнала «Дружба народов» Александру Эбаноидзе – это полный грусти юмора документальный рассказ, высвечивающий еще одну грань таланта прекрасного прозаика.

Таково, вкратце, содержание представленного вашему вниманию номера нашего журнала, которое, в свою очередь, продиктовало символически-патетическую концовку этого предисловия: «Надеемся, что возродившаяся «Литературная Грузия» не разделит печальную участь возвратившихся на родину в послевоенные годы грузинских эмигрантов!»

Так или иначе, журнал перед вами. Читайте!

ГРУЗИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Введение в проблему

Число эмигрантов первой волны составляет приблизительно три-четыре тысячи человек. Все они оказались в эмиграции в разное время и по разным причинам.

В марте 1921 г. после оккупации Грузии в Стамбул прибыл первый большой поток беженцев – руководители и члены правительства Независимой Грузии, Учредительного собрания, политических партий, штаб грузинской армии и гвардии, военные лица, курсанты юнкерской школы, представители культуры, искусства и другие общественные деятели, а также члены их семей. В конце 1921 г. посольство Грузии с помощью Лиги наций и Американского комитета начало переправлять беженцев из охваченного пламенем гражданской войны Стамбула в Европу, хотя там, в Турции, все еще оставалось много беженцев.

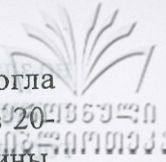
Из-за нового режима в Грузии в нее не смогли или не захотели вернуться работавшие в период ее независимости за границей дипломаты, экономические и военные советники, сотрудники «Российско-персидского нефтяного товарищества», магниевого производства «Чемо» и других подобных обществ, промышленники, бизнесмены, ученые, деятели искусств, находящиеся на гастролях или стажировке, художники, певцы, актеры, до 200 студентов.

Часть грузин, тайно перешедших в 1921-22 гг. границы с Турцией и Персией, нашла убежище в этих странах и в Европе. Часть оказалась в Маньчжурии, в Харбине. В 1922 г. советская власть выпустила из Метехской тюрь-

мы 62 человека – представителей интеллигенции – и выслала их за границу. Часть освобожденных из тюрьмы заключенных – руководители партий социал-демократов (меньшевиков), социал-федералистов, национал-демократов, анархистов и социал-революционеров – в начале 1923 г. вновь была арестована и выслана, иные эмигрировали за границу в 1923 г. после того, как был расстрелян военный центр Комитета независимости.

После поражения восстания 1924 г. и последовавших за ним репрессий в Турцию и Иран устремился второй большой поток эмигрантов. Тайными тропинками пробрались в Турцию предводитель восстания Какуца Чолокашвили с остатками своего отряда, руководители военного совета Комитета независимости и другие участники восстания. В 1924-25 гг. из-за непрекращающихся репрессий Грузию покинули последние участники восстания. Массовую эмиграцию из Месхети и других уголков Грузии в 1929-30 гг. вызвала коллективизация и конфискация земель. Вплоть до 30-х годов оставалась возможность не только тайно пересечь границу Турции, Ирана и далее Китая, но и выехать за границу официальным путем – на учебу, работу, гастроли или лечение.

Таким образом, множество грузин разного возраста, профессии и партийной принадлежности с 1921 по 1930 гг. вынуждены были оставить Грузию и рассеяться по разным странам. Именно они составили первую волну грузинской эмиграции. К счастью, в большинстве стран существовали открытые в период независимости Грузии грузинские консульства и представительства, которые заботились о размещении беженцев и создании для них элементарных условий.

После Первой мировой войны Европа не могла удовлетворить работой всех желающих, поэтому в 20-30-х гг. в тех странах, где компактно проживали грузины, стали образовываться грузинские колонии, землячества и ассоциации: во Франции (Париж, Сошо-Оденкур, Монпелье, шахты Орни, Гренобль, Понтемар, Марсель, Лион, Бордо), в Германии (Берлин, Кёльн, Мюнхен), в Польше (Варшава), в Чехословакии (Прага), в Бельгии, Швейцарии, Персии, Маньчжурии (Харбин), в США, позднее – Канаде, Аргентине, Чили и т.д.

Больше всего грузинских эмигрантов оказалось во Франции. Часть правительства Грузии поселилась сначала недалеко от Парижа в Левиле, где был куплен довольно большой участок земли и двухэтажный шато. Большинство беженцев селились в Париже и его окрестностях – Валентине, Линасе, Арпажоне, Сошо-Оденкуре. Соответственно самое большое землячество было в Париже, в 1930 г. оно объединяло до 1000 членов и в разное время его возглавляли Вахтанг Гамбашидзе, Давид Схиртладзе и Георгий Журули. Параллельно с землячеством была создана «Ассоциация живущих во Франции грузин», возглавляемая бывшим министром просвещения Грузии Ноэ Цинцадзе. В 1938 г. на деньги, собранные среди эмигрантов по всему миру, близ Левилия была куплена земля под грузинское кладбище, куда перевезли и захоронили останки эмигрантов со всего света.

В Сошо-Оденкуре грузины работали на заводе «Пежо». Грузинскую ассоциацию на протяжении ряда лет возглавлял Владимир Бакрадзе, имевший тесную связь с другими землячествами. К концу 20-х годов число грузин там сократилось. Несмотря на это, в 1933 г. было построено

но здание под книгохранилище и читальный зал. В 1937 г. землячество насчитывало лишь 40 членов, а в других городах грузин было еще меньше.

В Англии проживала лишь небольшая часть эмигрантов. В 1870-х гг. там находился известный анархист Варлам Черкезишвили, который после оккупации Грузии вновь вернулся в Лондон и оттуда продолжил борьбу за ее независимость. Со времен Первой мировой войны в Лондоне жил Андриа Гугушвили, выполнявший в период независимости обязанности секретаря грузинского консульства. После советской оккупации он остался в Лондоне и долгое время был секретарем Исторического общества Грузии и основанного Дэвидом Лангом журнала «Georgica».

В 1922 г. из Метехской тюрьмы в Германию была выслана группа грузин, где они встретили своих соотечественников – беженцев и студентов. В 1926 г. в Берлине проживали 257 грузин. В Германии, как побежденной в Первой мировой войне стране, было сложно найти работу, поэтому уже в 30-е гг. число грузин в Германии не превышало 60 человек, зато налицо были заметные успехи их в области культуры. Кафедру востоковедения Берлинского университета возглавлял известный грузинский ученый и политический деятель Михако Церетели, кафедру грузинского языка и литературы – Георгий Накашидзе, кафедру гидравлики и гидродинамики университета в Бреслау – Иванэ Никурадзе. Берлинским институтом электронов и ионов руководил Александр Никурадзе, который в то же время был директором института исследований континентальной Европы. В Берлинском высшем техническом училище Шарлотенбурга работал доктор

Кирилэ Векуа, Институте восточной Европы – доктор Григол Диасамидзе, на юридическом факультете Берлинского университета – доктор Нико Накашидзе, в Гамбургском университете – доктор Кита Чхенкели, в Институте восточной Европы в Бреслау – профессор и директор центра советологии Михаил Ахметели, на медицинском факультете университета в Галле – приват-доцент Севериан Буадзе. На немецком языке издавал свои сочинения Григол Робакидзе, вел докторскую практику в Германии Георгий Магалашвили, уважением немецкого общества пользовались писатель Шалва Амирэджиби, редактор газеты «Клдэ» (Скала) Шалва Карумидзе, директор «Грузинского офиса», бывший посол Владимир Ахметели, основатель грузинской типографии в Берлине и Мюнхене Арчил Метревели, известные ученые Георгий Кереселидзе, Акакий Папава, Михаил Каухчишвили, Михаил Цулукидзе, Давид Гамбашидзе, Титэ Маргвелашвили и др. В 1922 г. Гуго Диасамидзе основал грузинское землячество в Берлине. В последующие годы колонией руководили Георгий Кереселидзе, Давид Сагирашвили, Симон Гегелашвили, Титэ Маргвелашвили и др. К началу Второй мировой войны число грузин резко возросло за счет беженцев из Восточной Европы и других стран. Более малочисленными были землячества в Мюнхене и Кёльне.

Большую группу грузин приняла Италия. Итальянский консул Франзони, женатый на грузинке Маринэ Мачабели, после оккупации Грузии нанял корабль и привез в Италию родственников жены (Багратиони, Мачабели, Вачнадзе и представителей других известных аристократических фамилий). Наследник царского престола Грузии Ираклий Багратиони-Мухранский после женитьбы на итальянской графине Марии-Антуанетте Паскуини по-

селился в Италии. Здесь же обосновались и близкие члены его семьи. В Риме работали известный ученый, священник Михаил Тамарашвили, бывший член парламента Грузии, представитель грузинской церкви при папском дворе Рафизл Иваницкий-Ингило, в Неаполе в Институте востоковедения руководил кафедрой грузинского языка профессор Шалва Беридзе.

В декабре 1921 г. в Польшу из Стамбула прибыли 25 грузин-юнкеров, а в 1922 г. – 13 юнкеров из афинской военной школы. Осенью 1922 г. Польша приняла большую группу грузинских офицеров с семьями – 5 генералов: Георгия Казбеги, Владимира Бакрадзе, Александра Закариадзе, Александра Чхеидзе, Александра Кониашвили и 30 офицеров: майоров – Давида и Бидзину Кутателадзе, Дмитрия Шаликашвили, Константина Териашвили, Александра Козиашвили, Ладоси Сиамашвили, Александра Алавидзе, Георгия Павленишвили, Артема Аронишидзе, Александра Кипиани, Давида Мачавариани, капитанов – Левана Квалиашвили, Михаила Канделаки, Василия Инджия, Давида Вачнадзе, Зенона Мамаладзе, Михаила Русиашвили, Давида Климиашвили, Иванэ Кавтарадзе, Давида Чкония и др. Президент Пилсудский и поляки горячо сочувствовали грузинам, они создали беженцам наилучшие условия, обеспечив их жильем и работой. В период своей независимости Грузия приняла курсантов и преподавателей польского военного училища и как гостей освободила их от ежедневных расходов и платы за учебу. Это было подтверждением той симпатии, которая возникла между двумя народами еще в XIX в. На этот раз свободная Польша протянула представителям потерявшего независимость дружеского народа руку помощи и дала им

убежище. По окончании военного училища грузинские юнкера получили офицерский чин и были командированы в разные полки. 80 грузинских военных, окруженных вниманием общества и правительства Польши, преданно служили стране, ставшей их второй родиной. После Франции самая большая группа эмигрантов оказалась в Польше. Землячество также было весьма многочисленным, в разное время им руководили Симон Мдивани, Иванэ Салакая, Ростом Казбеги, Котэ Имнадзе. Кавказский, украинский и туркестанский комитеты в Польше объединились в клуб «Прометей», что способствовало их особому сближению и согласованности действий.

Подобно Германии, в 1922 г. высланных грузин приняла и Чехословакия. Спустя два года после оккупации Грузии число грузин, живших там, достигло 60-70 человек. С целью упорядочить жизнь одной из групп грузинских офицеров, поселившихся в Праге, в 1922 г. было создано «Общество помощи грузинским гражданам», председателем которого первоначально был Емельян Ломтатидзе, затем Арзакан Эмухвари и Иванэ Карцивадзе. Было учреждено также и «Общество грузинских эмигрантов». Благодаря президенту Масарику и эта страна, подобно Польше, стала для эмигрантов второй родиной. Сочувствовал грузинам и президент Бенеш. И в Чехословакии, как и во Франции, было создано «Общество помощи друзей Грузии» под руководством председателя сената Ф.Соукупа. Рост экономики в Германии и Франции в 30-е гг., большая потребность в рабочей силе стали причиной эмиграции грузин из Чехословакии в эти страны. Поэтому в 1936 г. в ней оставалось до 20 грузин. Оккупация же страны Гитлером вынудила и их искать убежища на Западе.

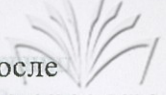

В Бельгии существовала немногочисленная колония – до 40 грузинских семей. Здесь жили и работали историк Маркоз Тугуши, музыкант Елена Церетели, Русудан Кипиани, Ираклий Отхмезури, Вахтанг Лазаришвили, правовед Ираклий Джапаридзе. В 1935 г. в брюссельской газете «Matin» печатались интересные статьи о Кавказе бывшего офицера Ираклия Цагурия.

Часть беженцев-грузин из Стамбула приняла Греция. После военного переворота в 1922 г. они перебрались из Афин в Польшу. Оставшуюся в Турции часть грузин под давлением Советского Союза в 1936 г. вместе с русскими эмигрантами выслали на остров Сира. Греция предоставила им убежище на полгода. Оттуда их собирались отправить в Парагвай, т.к. из-за кризиса беженцев не принимало ни одно европейское государство. В Греции они встретили немало греков, уехавших из Грузии на родину, хорошо говоривших по-грузински и также остро переживавших свой переезд. Землячества и частные лица оказали этой части грузинских беженцев большую материальную и моральную поддержку на местах, некоторые из них выехали в Западную Европу.

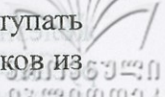
После поражения революции 1905-1907 гг. часть грузинских беженцев спасалась от последовавшей за ним реакции в Швейцарии. Основанный там Петром Сургуладзе и братьями Кереселидзе после Первой мировой войны «Комитет независимости» объединил и других эмигрантов-грузин. После оккупации Грузии часть их вновь вернулась в Женеву, где постоянным представителем при Лиге Наций был Харитон Шавишвили.

В Харбине, основанном русскими в Маньчжурии в 1898 г. при строительстве Китайско-Восточной железной дороги, проживало 3-4 тысячи грузин – служащих

железной дороги и граждан, оставшихся там после русско-японской войны 1904-1905 гг. Немало спасшихся от репрессий грузин присоединилось к этой колонии после революции 1905-07 гг., оккупации Грузии в 1921 г. и вооруженного восстания 1924 г. В 1927 г. в Харбине и его окрестностях проживало 100-150 грузинских семей, имевших тесную связь с соотечественниками, живущими во Франции и Америке. Состоятельные харбинские грузины оказывали материальную помощь грузинским эмигрантам в Европе. При землячестве, основанном в 1908 г. и на протяжении ряда лет руководимом Ивлианом Хаиндрава, имелась грузинская школа, клуб, библиотека под началом Е. Ахвледиани. Общество взаимопомощи помогало вновь прибывшим в устройстве и поиске работы. Самым сплоченным и богатым обществом за рубежом было именно грузинское харбинское общество. После оккупации Харбина Японией в 1931 г. множество грузин отправились в Шанхай. Вторая волна эмиграции обрушилась на Харбин в 1935 г., когда Советский Союз продал Китайско-Восточную железную дорогу, и большая часть служащего персонала (15000) вынужденно оказалась в эмиграции, часть же – в советских концентрационных лагерях. В 1937 г. Япония захватила Шанхай. Часть тамошних грузин направилась в Европу, часть – в Америку и Австралию.

Первые грузины в США появились в 60-е гг. XIX в. – во время гражданской войны в армии Линкольна сражались Эристави и Грузинов. В 80-е гг. в Америке оказался бежавший с каторги убийца ректора духовной семинарии Чудецкого Лагиашвили. Тогда же оказался там 14-летний паренек Иванэ Махарадзе, первоначально присоединившийся к рачинским пекарям, дата эмигра-

ции которых не установлена, а затем начавший выступать в цирке и не раз привозивший в Америку всадников из Грузии.

В XX в. начинается массовая эмиграция. В 1905 г. в Америку по контракту прибыла группа конных всадников из 50 человек под руководством Ноэ Инцкирвели для выступлений в цирке, часть ее осела в штате Колорадо. В тот же период американские промышленники привозят на строительство железной дороги из Горной Рачи и Алагира группы по 50, 80 и 100 человек. Очень многие из них не смогли вернуться на родину и поселились в Сиэтле и его окрестностях. В последующие годы к ним присоединились небольшие группы. Число эмигрантов пополнилось после оккупации Грузии в 1921 году. Кризис и напряженная политическая обстановка в 30-х гг. вынудили многих эмигрантов переселиться из Европы и Маньчжурии в Америку. Первого декабря 1931 г. в Янкерсе в доме Павле и Тamar Кварацхелиа по инициативе Вано Кобахидзе, Васо Думбадзе и Георгия Мачабели было основано грузинское землячество. В 1951 г. в Нью-Йорке была куплена земля и построен двухэтажный дом с подвалом и гаражом, где проводились заседания, встречи и различные мероприятия. Землячество помогало новоприбывшим и малоимущим не только в Америке, но и в охваченной кризисом Европе.

В развитие экономики и культуры Америки внесли свою лепту и грузины – стеклопромышленник, миллионер Джордж (Георгий) Коби – Кобахидзе, продукцией которого во время Второй мировой войны пользовались медицинские и военные ведомства не только Америки, но и ее союзников. После войны он одним из первых изготовил электросвечи для новогодней елки и стек-

49369-00
303-0101033

лянные игрушки. В 70-е гг. у него еще оставались два больших стеклопроизводства в Массачусетсе и Род-Айленде. Бывший посол Грузии в Италии миллионер Георгий Мачабели, переселившийся в Америку в 1922 г., создал фирму «Принц Мачабели», изготавливающую кремы. Она с успехом преодолела кризис 30-х гг. и по сегодняшний день остается среди лидеров парфюмерной промышленности Америки. Успехов в этой области добился и Арчил Гуриели. Приехавший из Маньчжурии в Америку, бывший консул Грузии в Китае, врач Николоз Джишкариани в 1941 г. представил Американскому научному обществу новый препарат «Гемодин», лечащий нервные заболевания и анемию. Препарат вскоре приобрел популярность и многим сохранил здоровье и жизнь. Н.Джишкариани скончался неожиданно и не оставил продолжателей своего дела. Американцы приобрели препарат, изменили его название и пустили в производство.

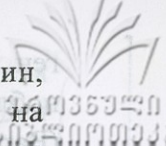
Во время Второй мировой войны не только американцы, но и союзники, в том числе и Советский Союз, широко использовали в авиации оружие уничтожения нового типа «Тандерболт», конструктором которого являлся известный специалист по аэродинамике, вице-президент крупнейшей американской авиационной компании «Рипаблик» Александр Картвелишвили. Прославились в авиационной промышленности конструктор «Биплана» Михаил Григорашвили и инженер «Боинга» Вальтер Рехвиашвили. В 40-х гг. в Америке бестселлером стала книга грузинского эмигранта, писателя и скульптора Джорджа (Георгия) Папашвили «Все может случиться», по которой в 1951 г. в Голливуде был снят фильм.

18281

В разное время прославились: один из основоположников американской хореографии Джордж Баланчин (Георгий Баланчивадзе), балерина Тамар Туманишвили, пианист Ираклий Орбелиани, скульптор Ладо Гуджабидзе, писатель Сандро Небло (Папуашвили), историк Теймураз Багратиони, инженер Тевдорэ Лобжанидзе, врачи Гиви Габлиани и Гиви Кобахидзе, борец Кола Квариани, дети полномочного посла и министра независимой Грузии Акакия Чхенкели – американский корреспондент радио «Свобода» Алекс Чхенкели и переводчик штаб-квартиры ООН Тамар Чхенкели, ее коллега в ООН, главный советник и переводчик Мосе Шанидзе, вице-мэр Нью-Йорка Константинэ Сидамон-Эристави, генерал Джон-Малхаз Шаликашвили и др. Значительный вклад в американскую науку внесли Кирилэ Туманишвили, византолог Джорджтаунского университета в Вашингтоне, Гедеван Асатиани, профессор центра хирургии Кливленда, Павле Кварацхелиа, специалист в области защиты растений и агрокультуры Корнельского университета Итаки, Вахтанг Джобадзе, управляющий департамента истории искусств университета в Юте, Александр Григолиа, антрополог Пенсильванского университета, Давид Джапаридзе, профессор Принстонского университета, Георгий Накашидзе – Колумбийского университета, специалист по аэродинамике Гарвардского университета и строитель Отар Залдастанишвили, спроектировавший несколько крупных аэропортов, в том числе Бостонский аэропорт, высотные здания не только в Америке, но Европе и Азии, а также целый город в Саудовской Аравии, его брат бизнесмен Гиви Залдастанишвили и др.

После Второй мировой войны большая часть грузин, попавших в плен либо добровольно перешедших на сторону немцев, не смогла вернуться обратно и под страхом репатриации перебралась в Америку и Австралию. Появились новые землячества в Канаде, Аргентине, Бразилии, Чили, Венесуэле и других странах Латинской Америки.

Хотя грузинская эмиграция не была многочисленной и богатой, ее представители, тем не менее, сумели стать достойными гражданами тех стран, где им пришлось осесть, и прославить свой народ.

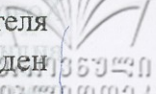
Эмигрантские организации

В 1920-30-е гг. кроме политических организаций создавались благотворительные, профессиональные и культурно-просветительные организации, сыгравшие большую роль в консолидации эмиграции и сохранении грузинского менталитета.

После оккупации Грузии за границей оказалось до 200 студентов, отправившихся на учебу за государственный либо собственный счет. 19 июля 1921 г. в Париже в помощь им был создан «Специальный ликвидационный комитет по организации помощи студентам», в председатели которого был приглашен заместитель председателя Учредительного собрания Независимой республики Грузия (1918-21), национал-демократ, известный ученый Эквтимэ Такашвили, секретарем – Сосипатре Асатиани, а членами – государственный министр Акакий Чхенкели и профессор Зураб Авалишвили. К тому времени на различных факультетах высших учебных заведений Германии (Берлин, Мюнхен, Марбург, Хайдельберг, Нюрнберг, Фрайбург, Галле, Эрланген, Тубин-

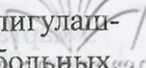
ген, Геттинген, Ганновер, Йена), Франции (Париж, Гренобль, Марсель), Чехословакии (Прага, Брно), Польше (Варшава), Бельгии (Брюссель) училось 97 студентов — 92 юноши и 5 девушек. После оценки положения студентов были составлены списки нуждающихся и представленных к стипендии студентов, а также выделены соответствующие суммы. По окончании учебы часть студентов вернулась на родину, часть же предпочла остаться. Среди них были известные впоследствии деятели науки и культуры — эмигранты Виктор Нозадзе, Кита Чхенкели, братья Иванэ и Александр Никурадзе, Исидорэ Манцкава, Георгий Гамкрелидзе, Симон Бережиани, Вахтанг Гамбашидзе, Михаил Мухелишвили, Александр Картвелишвили, Кирилэ Векуа, Николоз Чумбуридзе, Барнаб Гелазония, Шота Николадзе, Константинэ Кобахидзе, Георгий Джакели, Георгий Накашидзе, Давид Берекашвили и др.

Необходимо было заботиться и о новом поколении, выросшем в эмиграции за прошедшие десять лет. В 1933 г. заместитель директора «Офиса беженцев» Алекс Мдивани решил назначить студентам стипендии. Комитет представил ему список студентов со всеми данными. Было отобрано 15 человек. Стипендию назначили также закончившему медицинский факультет Сорбоннского университета Гоги Чачиашвили, чтобы он смог защитить докторскую диссертацию. Алекс Мдивани отправился в Шанхай, где также назначил стипендию грузинским студентам, учащимся в Харбине. В 1935 г. он погиб в автокатастрофе и дело со стипендиями расстроилось. Комитет с большим трудом оказывал студентам помощь. Финансирование происходило через семьи, частных лиц и меценатов.

3 марта 1929 г. в Париже по инициативе председателя грузинской легации Акакия Чхенкели был учрежден «Комитет помощи грузинам, больным туберкулезом», поскольку это заболевание получило широкое распространение среди грузин. От него скончались молодые Миша Кахиани, Кукури Кекелидзе, художник Шалва Кикодзе, пианист Вахтанг Гурамишвили, музыкант Ираклий Джабадари и др., многие больные нуждались в лечении. Почетным председателем Комитета избрали Ак. Чхенкели, председателем – Елену Абхазу, заместителями – Инну Жордания и Давида Схиртладзе, секретарем – Антона Жоржолиани, казначеем – Елену Деканози, членами – Софию Багратиони-Мухранскую, Тамару Варт-Хауз, генерала Григола Эристави, врача Якова Хочолава. Комитет имел связи с подобными обществами Франции, он также входил в международный антитуберкулезный союз, а в качестве эмблемы использовал международный так называемый красный крест Лорена. У общества не было первоначальной суммы, фонда и постоянного дохода, содержать собственный санаторий оно не могло, поэтому пожертвования собирались со всей грузинской эмиграции, хотя Комитет заботился лишь о больных, проживавших во Франции. Основным источником дохода являлись благотворительные вечера, приносящие большую прибыль.

Комитет курировал 40 больных разной категории, финансировал их лечение в санаториях, больницах, на дому. Снабжал лекарствами, продуктами питания, деньгами для лечения и оказывал моральную поддержку. Менее обеспеченные грузины помогали таким больным продуктами, медикаментами и личным уходом. Среди членов комитета были врачи Давид Гамбашидзе, Николоз

Хочолава, Антон Жоржолиани-Джгаркава, А. Элигулашвили. И хотя невозможно было спасти всех больных, самоотверженные усилия членов Комитета, их внимание и забота о соотечественниках облегчали эмигрантское бытие, отмеченное одиночеством и неприютностью.

Мировой экономический кризис 30-х гг. тяжело ударил и по грузинской эмиграции. Многие потеряли работу, а те, кто жил до того в нужде, оказались в еще более тяжелом положении. В чуть лучших условиях находились грузины в Германии, где они получали помощь от немцев, позволяющую им существовать. Особенно тяжело пришлось грузинам во Франции, где более всего ощущались последствия кризиса. 7 января 1932 г. в Париже был создан «Комитет помощи безработным грузинам», которых к тому времени насчитывалось 78 человек.

Совместная и согласованная деятельность «Комитета помощи грузинам, больным туберкулезом» и «Комитета помощи безработным грузинам», самоотверженная работа их членов, поддержка со стороны других международных или грузинских организаций, рядовых грузин, материальная помощь из Америки, Харбина, других стран сохранила и продлила жизнь во время экономического кризиса и депрессии 30-х гг. многим грузинским эмигрантам.

В 1934 г. по инициативе Иосифа Гобечия была создана «Ассоциация грузинских инженеров и техников», целью которой было установление связи с заграничными инженерами-техниками, изучение различных научных и практических вопросов, развитие техники и индустрии в Грузии, изучение возможностей индустриальной эксплуатации ее природных богатств, помощь членам ассоциации в исполнении работы, изучение технических

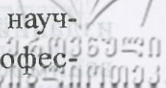

изданий, создание книгохранилища, сближение и взаимосвязь с другими подобными зарубежными организациями, создание информационного бюро в помощь молодежи, подготовка докладов по актуальным вопросам и т.п. Опираясь на европейскую научную мысль, эмигранты пытались изучать таким образом грузинскую действительность, подготовить и вырастить профессиональные кадры специалистов для своей страны в надежде на восстановление независимости Грузии.

В 1928 г. Дмитрий Шаликашвили основал «Союз юнкеров». Юнкера в разное время издавали журналы в Польше и Париже. Самым значительным был журнал «Мхедари» (Всадник) под редакторством Николоза (Кукури) Тохадзе.

25 февраля 1928 г. полковник Давид Вачнадзе создал «Братство грузинских всадников», которое вскоре распалось, а его члены объединились в «Общество бывших грузинских воинов». 8 января 1933 г. на учредительном собрании был принят устав и избрано правление: председатель – полковник Виктор Цхакая, члены – майоры Соломон Залдастанишвили, Дмитрий Ананишвили, Акакий Квитаишвили, лейтенант Михаил Дадзиани; ревизионная комиссия: полковник Фридон Цулукидзе, лейтенант Симон Гогиберидзе, врач Коба Хочолава. Целью общества являлось объединение бывших грузинских воинов – офицеров, солдат и военнослужащих, материальная и моральная взаимопомощь, получение всех прав и привилегий, которыми пользовались бывшие военные Франции.

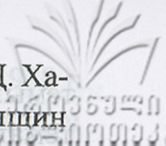
Пятнадцать врачей были объединены в «Союзе грузинских врачей», председателем которого стал основатель журнала «Маленькое Цеми» врач Вахтанг

Гамбашидзе. Целью союза было сотрудничество с научными кругами Европы и международными профессиональными организациями. Члены союза – Вахтанг Гамбашидзе, Антон Жоржوليани, Георгий Чачиашвили, Коба Хочолава, Георгий Долидзе, Маро Махарашвили и другие вели в эмигрантских кругах большую практическую деятельность и безвозмездно помогали не только грузинам, но и другим кавказцам, туркестанцам и украинцам, а также сотрудничали с разными грузинскими благотворительными организациями.

В эмиграции функционировали также Дворянское собрание, Комитет грузинских женщин, Союз грузинских шоферов, Общество грузинских евреев и др.

В конце 20-х гг. встала первая и самая злободневная проблема – обучение оторванных от родины и рожденных в эмиграции новых поколений родному языку, литературе и культуре. Для решения этой проблемы необходимы были учебники, педагоги, помещения. Сравнительно легко разрешилась эта проблема в Маньчжурии. Состоятельное грузинское землячество сначала создало библиотеку в 20 000 томов, а в 1928 же году открыло сначала воскресную, затем грузинскую школу. У бедной грузинской эмиграции в Европе не было такой возможности, поэтому юные грузины обучались родному языку в основном в семьях. Особенно сложно было сохранить язык и менталитет тем, у кого мать не была грузинкой. Первый шаг в этом направлении был сделан 6 июля 1930 г. – по инициативе католического общества и активного члена «Общества друзей Грузии» Шануана Кенэ была основана грузинская библиотека в Париже. Решился и вопрос с учебником – в 1931 г. типографщик Давид Хеладзе издал «Дэда зна» (Родной язык) Якоба Гогешашвили. В здании библиотеки два раза в

неделю с детьми проводились бесплатные занятия (Д. Харисчирашвили). В 1936 г. группа грузинских женщин объединилась в кружок «Грузинский очаг», где занимались вначале с детьми дошкольного, а затем и школьного возрастов. Помимо занятий, они устраивали празднества на Рождество, а также отмечали и другие праздники.

В 1928 г. в Варшаве по инициативе Георгия Гвазава был создан клуб «Прометей», объединивший грузин, азербайджанцев, северокавказцев и украинцев. Журнал, издававшийся клубом, с одноименным названием «Прометей» выходил в 1928-39 гг. на французском языке под редакцией Г. Гвазава. Был создан и женский филиал, объединивший в клубе женщин разных национальностей. Клуб устраивал рауты – балы, демонстрации, конференции. В 1934 г. клуб «Прометей» был основан и в Харбине, в 1939 же году – в Париже, где велась широкая культурно-идеологическая работа среди эмигрантов со всего Советского Союза. В клубе имелись научные, музыкально-литературные и спортивные секции. Проводились вечера и лекции.

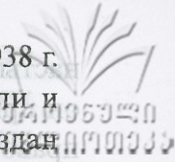
Просветительские идеи ставило перед собой созданное в Париже в 1930 г. «Общество по изучению Кавказа» под руководством Иосифа Дадиани, приобретшее вскоре статус клуба. Клуб был создан с целью сближения кавказских народов, изучения проблем Кавказа и ознакомления с ними иностранцев. Грузины и другие кавказцы читали лекции и доклады. Подобная форма деятельности, как видно, пользовалась большой популярностью. Известные грузинские деятели по инициативе правления землячеств, просветительских, профессиональных, культурных организаций либо частных лиц в разных странах читали лекции на разные

темы. С целью придания этой деятельности более систематического и организованного характера, а также расширения тематики в 1934 г. в Париже был создан грузинский научный кружок, взявший на себя широкую просветительскую и научную миссию. Его целью было освещение, обсуждение различных вопросов, поощрение докладчиков и подбор аудитории.

Просветительски-пропагандистские цели ставила перед собой основанная в 1935 г. возглавляемая Георгием Гвазава «Ассоциация грузинских писателей и журналистов, живущих в Париже», насчитывавшая 17 человек. Ассоциация ставила целью с помощью прессы, изданий, лекций и бесед, а также юбилейных мероприятий знакомить эмигрантов и иностранцев с грузинской литературой. Был проведен вечер памяти Важа Пшавела – 20-летие со дня смерти, отмечены 100-летние юбилеи Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, а самым значительным был 750-летний юбилей Шота Руставели в 1937-38 гг.

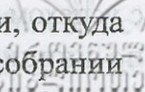
Учитывая силу воздействия сценического слова и театрального искусства, грузинские колонии часто устраивали любительские театрализованные представления. В 1931 г. был создан драматический кружок, а позднее постоянная труппа под началом Шалвы Небиеридзе, осуществившая постановку «Патара Кахи» Акакия Церетели. Второй спектакль – «Измена» Ал. Сумбаташвили-Южина – состоялся 7 февраля 1932 г. в театре Тристана Бернара и имел успех у зрителей. 8 ноября 1934 г. в театре «Lanor» был дан спектакль «Отечество» Давида Эристави.

Большой популярностью пользовалось в эмиграции народное творчество. Созданные по случаю, для разных мероприятий, ансамбли песни и танца часто выступали

с успехом и перед иностранными гражданами. В 1938 г. по инициативе хормейстера Павле Мосулишвили и украинского композитора Пономаренко был создан филармонический кружок, куда вошли более 20 представителей грузинской и украинской молодежи. 28 января 1939 г. состоялся первый концерт, оставивший самое благоприятное впечатление. Грузинская делегация позаботилась и о физическом воспитании нового поколения. В мае 1930 г. по почину Шота Николадзе и Медеи Гамбашидзе было создано спортивно-гимнастическое общество «Шевардени» (Сокол). Вскоре начали работать секции фехтования, баскетбола, футбола и тенниса. 19 июня 1931 г. под руководством В. Баркалая был проведен первый показательный турнир по гимнастике и волейболу среди женщин и мужчин. В 1935 г. была создана секция кемпинга, которая арендовала летом палатки и посылала молодых на море.

Особая роль в консолидации грузинской эмиграции принадлежит грузинской православной церкви св. Нино в Париже. Церковь была основана в 1932 г. по инициативе Иламаза Дадешкелиани и Иосифа Кемулария и благодаря усилиям священника Григола Перадзе, мученически погибшего в 1942 г. в немецком концентрационном лагере. Он был первым настоятелем церкви св. Нино и основал в Париже журнал «Крест лозы». С помощью этого журнала, научно-религиозных изданий на многих языках, лекций доцент Боннского и Варшавского университетов Гр. Перадзе знакомил мир с историей грузинского православия и церкви. Грузинская пресса часто рассказывала пастве о его деятельности: лекциях в Оксфордском университете, поездках в грузинские мо-

настыри на горе Афон, в Болгарии и Румынии, откуда он привез копии 15 грузинских рукописей, о собраниях православных церквей, проведенном 16 марта 1933 г. в Париже под председательством Перадзе, о комиссии, созданной польскими грузинами под его руководством в 1938 г., чтобы собрать паству и т.д.

Для ознакомления новых поколений грузин и иностранных граждан с грузинскими традициями устраивались праздники, посвященные знаменательным датам и юбилеям, с большим торжеством отмечались Рождество и Новый год, Нинооба, Тамароба и 26 мая – День независимости Грузии, на которые приглашались кавказцы, украинцы, эмигранты со всего Советского Союза и иностранцы. Наряду с праздниками, отмечались также трагические годовщины – оккупация Грузии Россией, поражение восстания 1924 г., даты смерти известных деятелей и выдающихся личностей.

Грузинские эмигрантские журналы и газеты, книги и сборники уже в 1921 г. печатались в Стамбуле, Париже, позднее Женеве, Берлине, Мюнхене, Нью-Йорке, Сантьяго, Сан-Франциско и других городах. Издателями были различные партии, общества, организации – «Сакартвело» (Грузия) национал-демократов, «Брдзолис хма» (Голос битвы) и «Тависуплебис трибуна» (Трибуна свободы) социал-демократов, «Тетри Гиорги» и «Момавали» (Будущее) национального единства, «Дамоуки-дебели Сакартвело» (Независимая Грузия) политических партий, «Сакартвело» легионеров, «Картлоси» фашистского братства. Издателями выступали и частные лица: Давид Хеладзе, Виктор Нозадзе, Арчил Метревели, Давид Сагирашвили, Валико Чубинидзе, Нико Урушадзе и др. Для наиболее важных изданий создавались фонды и объём-

лялись подписки. Среди них следует отметить созданный Эквтимэ Такаишвили в Париже «Фонд грузинских археологических и культурных материалов». Он был основан 23 марта 1937 г. На эту инициативу широко откликнулась вся грузинская эмиграция. В 1937 г. фонд издал монументальный труд Э.Такаишвили – «Археологическая экспедиция в Лечхум-Сванети в 1910 г.», т. I, в 1938 г. – «Археологическая экспедиция в Кола-Олтиси и село Чангли в 1907 г.», т. II, также начал готовить к изданию III том – «Археологическая экспедиция в мусульманскую Грузию – Тао–Тортоми–Спери в 1917 г.».

Большая часть эмигрантских изданий печаталась в грузинских типографиях. Из них до конца Второй мировой войны, в основном, работали три – грузинских католиков в Стамбуле, «Грузино-кавказская» Давида Хеладзе в Париже и типография Арчила Метревели в Берлине и Мюнхене.

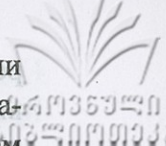
Значительный вклад в дело печати и грузинского книговедения внесли типографии грузинских католиков в Венеции, Стамбуле и Монтобане. Первые две основал Петрэ Харисчирашвили, третью – Андриа Цинамдзгвришвили. Первую свою книгу Харисчирашвили напечатал в 1858 г. в конгрегации мхитаристов на венецианском острове св.Лазаря. Вскоре он основал братство грузинских католиков в Стамбуле, а в районе Фериквея (Ферикова) – монастырь Богоматери – непорочного зачатия. В 1870 г. он открыл типографию, директором которой был Антон Гозалишвили (Антуан Гвизлин). В 70-е годы грузинские католики основали во французском городе Монтобане новое братство, настоятелем которого был Андриа Цинамдзгвришвили. Вскоре типография открылась и здесь. В этих типографиях, кроме духовной и религиозной

литературы, печатались философские книги, учебники, поэзия, а также учебные пособия, словари и др.

В монастырской типографии грузинских католиков в Стамбуле, помимо традиционной тематики, печаталась литература исторического и политического характера, после появления там беженцев – членов правительства Грузии – антибольшевистские книги, журналы, газеты и официальные статьи. Информационная служба политической комиссии в Стамбуле под руководством Давида Шарашидзе, созданная бывшим правительством, противостояла советской пропаганде и печатала во французско-турецких газетах информацию о событиях, происходящих в оккупированной Грузии. 15 мая 1921 г. вышел первый номер печатного органа комиссии «Тависупали Сакартвело» (Свободная Грузия) (всего вышло 27 номеров, редактор Ражден Арсенидзе). Газета печаталась в типографии грузинского католического монастыря. Кроме газеты печатался бюллетень с информацией о Грузии. Благодаря этой своей деятельности в 20-е годы грузинский католический монастырь и его типография превратились в центр антибольшевистской и антиоккупационной борьбы.

Известно несколько типографов из рода Хеладзе: Эквтимэ Хеладзе в Тбилиси и Иосиф Хеладзе – в Кутаиси. Эмигрант Давид Хеладзе становится известен в Грузии благодаря своим изданиям в Париже в 1933 г. и публикацией в Берлине в 1943 г. «Витязя в тигровой шкуре». Первую книгу в эмиграции – «Дэда эна» Якоба Гогешвили – напечатал в 1931 г. именно он. В 1932 г. были опубликованы «Экономический кризис» Константинэ Канделаки и стихи Леиспирели, а в 1933 г. «Витязь...» в русском переводе Константина Бальмонта, одно из самых дорогих изданий.

30 мая 1933 г. Хеладзе вместе с Давидом Сагирашвили основал в центре Парижа франко-кавказскую типографию «Д.Хеладзе и товарищество». На ее праздничном открытии присутствовали представители правительства Грузии, различных партий, Армении, Азербайджана, Северного Кавказа и Украины. Имея французский, грузинский, армянский и другие шрифты типография могла выполнять любую работу на европейских и кавказских языках. В типографии Хеладзе печатались грузинские журналы: «Самшобло» (Родина), «Джвари вазиса» (Крест лозы), «Беди Картлиса» (Судьба Картли) и др., а также книги эмигрантов Александра Асатиани, Давида, Георгия и Власы Мгеладзе, Самсона Пирцхалава, Константина Канделаки, Георгия Кипиани, Тamar Папава, Акакия Чхенкели, Григола Уратадзе и др.

В 1933 г. была издана на немецком языке «Мудрость вымысла» Сулхан-Саба Орбелиани в переводе Михаила Церетели с его же предисловием, включающим биографию Орбелиани, и подробным историко-литературным обзором Зураба Авалишвили. Это первая книга в издательской деятельности Арчила Метревели и первая в задуманной серии «Грузинская библиотека». Был напечатан проспект с перечислением будущих изданий. Однако замыслу не суждено было осуществиться. Лишь в 1943 г. в газете грузинского легиона «Сакартвело» в разделе адресных данных фигурирует строка «Берлин-Виленсдорф, типография Арчила Метревели». В 100-м номере газеты напечатана серия фотографий, где изображен фасад типографии с грузинско-немецкой надписью и ее интерьер. В 1943 г. в этой типографии было издано три книги «Полевой библиотеки грузинского легиона»: «Наши песни», представляющие творчество легионеров, «Записки» Симона Бе-

режиани и «Баши-Ачуки» Акакия Церетели. В 1944 г. вышли литературно-научный журнал «Сакартвело», «Записная книжка грузинского легионера», составленная Ал. Асатиани, и сборник А. Метревели «Грузинские поэты». Он же составил немецко-грузинский и грузинско-немецкий военные словари.

В 1947-49 гг. Юлиус Асфальг пригласил Метревели в Мюнхенский университет в качестве профессора-преподавателя грузинского языка. К тому времени типография в Мюнхене еще функционирует и в 1950-52 гг. в ней печатается политико-литературная газета «Сакартвело».

В 1954-62 гг. А. Метревели издал книги Давида Вачнадзе, генерала Георгия Квинитадзе, Соломона Залдастанишвили, Ильи Кучухидзе, Александра Сулханишвили и др. Метревели не удовлетворился издательской деятельностью и в 1955 г. издал выполненный им немецкий перевод «Рассказа олененка» Важа Пшавела, а в 1962 г. – «Гиви Шадури» Михаила Джавахишвили.

После Второй мировой войны часть грузинской эмиграции переселилась в Америку, где также появились грузинские типографии.

Помимо типографий, в 1951 г. в условиях холодной войны в Мюнхене начала работать грузинская редакция радио «Свобода» под началом бывшего министра юстиции Раждена Арсенидзе, в 1952 г. – грузинская редакция «Голоса Америки» под руководством пианиста Эрекле Орбелиани, в подчинение которой вскоре перешли другие кавказские редакции.

Перевод

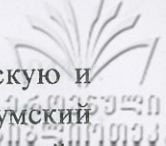
Майи МЕРАБИШВИЛИ

КОГО ПРОЧИЛИ ЭМИГРАНТЫ В ГРУЗИНСКИЕ ЦАРИ?

Насчитывавшую 2000 лет своего существования грузинскую монархию, упраздненную Россией в 1801 году, неоднократно пытались восстановить не только в XIX, но и в XX веках. Эти старания вылились в три различных варианта: реставрация династии Багратиони, основание новой грузинской династии и замена ее германской. Грузинские эмигранты при поддержке немцев трижды выдвигали идею восстановления монархии.

Первая попытка имела место во время Первой мировой войны. 24 сентября 1914 года члены Комитета независимости Грузии Георгий Мачабели и Михако Церетели представили МИДу Германии план – «Отделение Закавказья от России и его дальнейшее политическое устройство». Согласно этому плану после поражения России Германия брала на себя заботу о создании Закавказской независимой федеративной республики. Во избежание претензий со стороны турок, грузины, по совету немцев, внесли изменения в план и представили «Проект нейтрализации и дальнейшего политического устройства Закавказья», который предусматривал создание союза трех нейтральных государств: Грузинского царства, Армянско-Татарского кантона и Федерации горцев. С помощью Германии и Австро-Венгрии Грузинское царство должно было быть преобразовано в конституционную монархию, которая подчинилась бы какому-либо восточно-европейскому, в частности прусскому принцу. Во главе остальных двух государств должны были встать принцы-мусульмане.

Грузию предполагалось поделить на Тбилисскую и Кутаисскую губернии, Батумскую область, Сухумский округ, а также Ахалцихский, Ахалкалакский, Карский и Закатальский округа, в состав которых входила бы только та часть, где проживало грузинское население. Армянско-Татарское государство должно было быть основано на культурной автономии. Федерация горцев объединила бы черкесов, чеченцев, кабардинцев, ингушей, осетин и леков-дагестанцев. Специальная комиссия в составе представителей Германии, Австро-Венгрии и Турции должна была определить границы. Все три государства имели бы общую валюту, таможенную, армию и флот.

А как планировалось восстановление грузинской монархии? Об этом рассказывает Шалва Маглакелидзе в своих воспоминаниях о Комитете независимости и о стратегическом интересе Германии к Грузии. Он пишет, что Вильгельм II хотел восстановить Грузинское царство, женив своего сына, принца Иоахима, на грузинской принцессе. Этот брак положил бы основу новой германской династии в Грузии. Германская сторона всерьез отнеслась к этому вопросу. Королева и принц провели грузинских военнопленных в австрийском лагере. Иоахим даже съездил в Трапезунд посмотреть на грузинский легион. Seriously отнеслись к этому вопросу и грузины. В невесты выбрали близкую родственницу Георгия Мачабели и Давида Вачнадзе, дочь члена Учредительного собрания Грузии национал-демократа Михаила (Мишо) Мачабели, Марину. Но этому браку не суждено было состояться. 26 мая 1918 года Грузия восстановила свою государственность и объявила себя демократической республикой. В итоге все попытки вос-

становления монархии в Грузии временно прекратились. Но несмотря на это послу Германии в Москве графу Мирбаху было дано указание прозондировать почву — какова реакция в Грузии на возможность воцарения германского принца.

В июне, во время визита грузинской делегации в Берлин, на аудиенции Вильгельма II фон Лосов говорил об успехах немецкой политики в Грузии. Он считал возможным сформировать независимые государства Закавказья, которые находились бы под протекторатом Германии. Император заинтересовался реальной возможностью реставрации монархии в Грузии. Фон Лосов передал грузинам содержание беседы с императором и спросил: «Как вам нравится грузинская корона?» Этот вопрос поставил грузинскую делегацию в неловкое положение, так как она представляла правительство демократической республики. Во время визита Зураба Авалишвили в МИД один из высокопоставленных чиновников доктор Симон затронул ту же тему. «Как смотрят у вас на этот вопрос? Остались ли у вас приверженцы монархии?» И получил такой ответ: «В Грузии душевный настрой явно республиканский, старые монархические традиции преданы забвению, новых направлений нет, и падение российской монархии еще больше скомпрометировало эту идею; симпатии к монархической форме, возможно, и остались в некоторых кругах, да и среди иных республиканцев найдутся такие, кто полагает, что ввиду уязвимо-го географического расположения Грузии, если возникнет необходимость опереться на среднеевропейские империи, для страны будет более полезна и приемлема монархическая форма».

Но число приверженцев монархии было не таким мало-численным, если учесть общее недовольство политической социал-демократов.

В воспоминании не называются имена сторонников этой идеи, но среди них, в основном, можно предположить членов Комитета независимости, связанных с ними националистов и аристократию. После свержения германской монархии ноябрьской революцией 1918 г. вопрос восстановления грузинской монархии с помощью Германии был окончательно снят с повестки дня. Принц Иоахим отбыл в Голландию, Марина Мачабели вышла замуж за консула Италии Франзони и поселилась в Риме.

В 1937 году Виктор Нозадзе писал: «Идея грузинского царства в грузинском политическом мышлении всегда была животворящей, и ее поглощение огнем большой революции было вызвано чрезмерным увлечением социализмом, которое массовым психозом охватило всю Европу, и в том числе Грузию. И все же именно тем грузинским политикам, что играли в социализм, напомнили об идее грузинского царства. Это своевременное напоминание произошло в Германии, где правящие круги поставили целью восстановление грузинского царства. Социалисты даже внесли запрос в германский рейхстаг по этому поводу. Это был серьезный замысел, и представители грузинской республики подтверждают это. Дай Германии время, Грузия стала бы тогда монархией».

Монархический настрой, как видно, не угас и впоследствии, и вошедшие в Грузию немцы явно сочувствовали этому. Князя Горийского уезда попытались использовать немцев против социал-демократического правительства, но те предпочли не вмешиваться. По

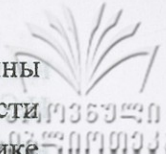
приказу правительства заговорщиков арестовали, а за эмигрировавшими монархистами установили надзор, что явствует из секретного письма, посланного из Стамбула 10 февраля 1921 г. Ноэ Рамишвили. Как сообщал осведомитель, монархисты, поддерживаемые капиталистами, собирались в Стамбуле в столовой Коки Дадияни и на квартире Тенгиза Дадешкелиани, говорили о грузинском царе и немецком принце, отстаивали националистические позиции и ругали социал-демократов. К письму прилагался список монархистов: Коки, Мери и Луарсаб Дадияни, Павле Мосулишвили, Нико Нижарадзе, Васил Джорджадзе, Серго Журули, Дмитрий Шаликашвили, Алеко Магалашвили, Александр Орбелиани, Реваз Габашвили, Зураб Натадзе, Гиви Амилахвари и др. Поэтому не случайно, что идея восстановления грузинской монархии вновь родилась в Германии 30-х годов в период подъема и укрепления ее позиций среди тех, кто поддерживал воцарение немецкого принца.

В 1935 г. группа журналистов из журнала «Орнати» объединилась с основанной в 1925 г. в Париже непартийной патриотической организацией «Тетри Гиорги», преследовавшей целью объединение всех грузин в антибольшевистский блок невзирая на партийную принадлежность. Во главе журнала «Орнати» в то время стояли генерал Шалва Маглакелидзе и известный писатель, ученый и руствелолог Виктор Нозадзе. 13 октября 1936 года на IV съезде «тетригиоргиевцев» встал вопрос реставрации грузинской монархии вместо признанного «тетригиоргиевцами» республиканского принципа. Съезд заочно отстранил от должности руководителя Лео Кереселидзе и избрал вместо него Шалву Маглакелидзе. В газете «Тетри Гиорги» № 97 были напечатаны

сформулированные положения из 14-ти пунктов. По возвращении в Париж Лео Кереселидзе с помощью Михако Церетели и других своих сторонников вернул себе должность руководителя и исключил из движения «орнатовцев».

В январе 1937 года в Париже вышла небольшая брошюра – «Фашистская сплоченность Грузии» – положения для борьбы и деятельности», предисловие к которой подписывал В.Нозадзе, а сами положения – идеолог сплоченности – Ш.Маглакелидзе. В предисловии В.Нозадзе объясняет цель, которую ставит перед собой «Фашистская сплоченность Грузии» – это «свободная и независимая Грузия, построенная на современных принципах и связанная с блестящим прошлым нации». Он призывает соотечественников к возвращению к прошлому Грузии. А это возвращение привносит идею реставрации монархизма. «Мы давно лелеем эту идею, проповедуем ее, и мы были счастливы, когда четвертый съезд «тетригиоргиевцев» единогласно принял вопрос восстановления Грузинского царства и даже объявил о необходимости этого».

В программных положениях, слово в слово повторяющих положения, опубликованные в «Тетри Гиорги», определен государственный строй будущей независимой Грузии – конституционная монархия, законодательный орган которой – «дарбази» – был бы построен по фашистскому корпорационному принципу. В.Нозадзе указывал также, что вместе с реставрацией монархии следовало отправить на свалку истории устаревшее социал-политическое и экономическое устройство страны. «Восстановление царства вовсе не означает признания сословности как правовой категории, так как грузинское фашистское царство будет блюсти принцип,

являющийся его существенной стороной – все грузины равноправны и равнообязаны». Реакция общественности была резкой – «тетригиоргиевцы» подверглись критике как слева, так и справа. Эта полемика нашла отражение на страницах журнала «Картлоси», выходявшего в 1937-39 гг. под редакторством В.Нозадзе, который с целью агитации идеи монархизма читал даже лекции в 1937 г.

Грузинские фашисты, проживавшие во Франции, разделявшие идеи немецкого национал-социализма, разделили и взгляды итальянских фашистов на государственное устройство. Они поставили вопрос о восстановлении грузинской монархии, насильственно упраздненной Россией в XIX веке, без реставрации социально-политического устройства страны; монархии – как символа единства нации, корпоративного государства, основанного на национальной консолидации. У итальянских фашистов они взяли и идею восстановления церкви и интегрального национализма, отвергая в корне немецкий нацизм и расизм. Их девиз – «Грузия прежде всего» указывает именно на это, впрочем, они могли дословно заимствовать слова «превыше всего» из гимна Курта Вессела, правда, несущие совершенно иную смысловую нагрузку. «Фашизм и национал-социализм – это сегодняшний европейский национализм, для каждого народа особенный и своеобразный, для грузинской нации должен быть своим, особенным и своеобразным» – отмечал В.Нозадзе. Более конкретно об этом писал Калистратэ Салиа: «Хотя мы и фашисты, это не значит, что мы хотим без изменения перенести в Грузию итальянский фашизм или немецкий национал-социализм... Основой будущего грузинского государства будет

наша история и на протяжении веков созданная культура. Цель нашей сплоченности – восстановление основанного на грузинском фашизме грузинского царства с лучшими традициями и идеалами нашей истории».

В работах грузинских монархо-фашистов не указаны пути реставрации монархии, не называется династия и предполагаемый кандидат в цари. «Кто будет грузинским царем?» – спрашивал Николоз Даддани и после общих рассуждений сам же отвечал: «Царем будет тот, кто очистит от 130-летней пыли и ржавчины корону пятнадцативекового грузинского царства. Кто благодаря своим «мужеским» качествам и царскому достоинству заставит народ воскликнуть искренно, от всего сердца: – Да здравствует король! – Вот тот и будет будущим царем Грузии».

И все же, кого эмигранты хотели посадить на грузинский престол?

Если учесть, что они проповедовали возврат к прошлому, стало быть они пытались реставрировать династию Багратиони, и, думается, ими был подобран и кандидат в наследники грузинского престола – Ираклий Багратиони-Мухранский. Его отец Георгий Багратиони – бывший маршал дворянства Тбилисской губернии был прямым потомком старшей ветви Багратиони, мать – Елена Злотницкая – принадлежала к роду Ксанских Багратиони. Ираклий носил титул царевича и сохранял все права, принадлежащие этому титулу. Будущий царь Грузии был в близких отношениях с высшими кругами Европы и занимал видное положение в обществе. Наше предположение подтверждает пассаж из воспоминаний Ш.Маглакелидзе, относящийся к периоду войны: «Ираклий с супругой посетили меня в Германии и вместе

с армией добрались со мной до Чернигова. Среди грузин пошли слухи, что я хочу воцарения Багратиони». Эти слухи были связаны с монархическим прошлым Ш.Маглакелидзе. Как видно, общество хорошо знало, кого прочили монархисты в грузинские цари.

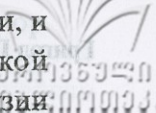
Пакт Риббентропа-Молотова в 1939 году погасил надежды грузинских монархо-фашистов на освобождение Грузии от России с помощью Германии и возрождение грузинского царства. «Сплоченность» была распущена, выпуск журнала прекращен.

Во время Второй мировой войны у грузин вновь зародилась надежда на освобождение Родины, тем более, что даже среди немцев нашлись сторонники независимости Грузии – старинный друг грузин еще со времен независимой Грузии, граф Шуленбург и его единомышленники как из МИДа, так и из штаба армии, а также из Восточного министерства. Вместе с другими эмигрантами бывшие члены сплоченности записались в действующую армию Германии и в национальные батальоны, чтобы принять участие в освобождении родины. Но в этих боях они уже не выступали как грузинские фашисты. И командир «Грузинского легиона» Ш.Маглакелидзе уже не сотрудничал с немцами как руководитель сплоченности, в данном случае он являлся лишь военным. В.Нозадзе и К.Салиа принимали участие в деятельности «Грузинского союзного штаба», но не как члены сплоченности, а как рядовые беспартийные грузины.

В апреле 1942 года граф Шуленбург с целью улаживания грузинского вопроса пригласил в Берлин видных представителей грузинской эмиграции – национал-демократов Спиридона Кедиа, Давида Вачнадзе,

Шалву Амирэджиби, «тетригиоргиевцев», Лео Кереселидзе, Михако Церетели, Георгия Магалашвили, беспартийных Михаила Кедиа, Шалву Маглакелидзе, Зураба Авалишвили и других – и предложил им создать «Грузинский политический комитет», который подчинялся бы МИДу Германии. Приглашенные жили в гостинице МИДа «Адлон», поэтому план назвали – «Адлониада». На пост председателя комитета граф Чиано, министр иностранных дел Италии – зять Муссолини порекомендовал Риббентропу Ираклия Багратиони. Гости гостиницы «Адлон» вновь озвучили идею восстановления монархии и даже предложили двух кандидатов – Ираклия Багратиони и Свимона Цицишвили. В родословной Багратиони, которая была получена всеми эмигрантами, среди наследников Ираклия II указаны места, занимаемые этими двумя личностями. 1. Князь Ираклий Мухран-Батонишвили – Багратиони. 2. По принципу отбора, учета заслуг и происхождения – князь Свимон Цицишвили, ученый, инженер-геолог. В углу сделана приписка: «Наша цель – восстановление грузинского царства». И еще одна: «Призыв – на сегодняшний день главная цель – спасение грузинской нации. Для этого необходимо воссоединение и сплочение всех грузинских сил в одну личность. Призываю всех моих друзей и противников, грузин из всех уголков нашей страны поддержать Ираклия Багратиони и покориться ему. Он будет ответствен перед грузинской нацией и ее представителями. Призываю к полной покорности, верности и самоотверженности – «Грузия прежде всего». Князь Свимон Цицишвили. Берлин. 25.V.1942».

В конце концов, грузинским царем выбрали Ираклия Багратиони. Его супруга графиня Мария-Антуанетта

Паскуини была близкой подругой дочери Муссолини, и он, естественно, будучи сторонником итальянской монархии, поддерживал реставрацию монархии в Грузии, и ходатайствовал за кандидата перед Гитлером. Но план Шуленбурга провозгласить страны, входящие в Советский Союз, независимыми государствами, Гитлер не утвердил.

Шуленбург был вынужден приглашенных на официальный банкет представителей грузинских эмигрантов передать новому «хозяину» – Восточному министерству. Часть гостей «Адлона» разъехалась, другая часть связалась с разными ведомствами Германии, а остальные продолжали сотрудничать с Восточным министерством. Пришедший на смену политическому комитету национальный комитет, созданный весной 1943 года под руководством Михаила Церетели, больше не ставил вопроса о реставрации грузинской монархии.

Перевод

Нино ИНАСАРИДЗЕ

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД

Ученый и странник, берлинский студент, постриженный в Лондоне, священник, рукоположенный в Париже, основатель православной грузинской общины святой равноапостольской Нино в Париже, профессор Боннского, Лувенского, Краковского, Оксфордского, Варшавского университетов, блестящий богослов, полиглот, переводчик, историк, комментатор духовной литературы, поэт Григол Перадзе мало известен на своей родине, в Грузии. Отказав ему в возвращении на родину, советская власть последовательно уничтожала его труды, само имя его было под запретом.

Труды архимандрита Григола Перадзе на грузинском, французском, немецком, польском и других языках хранятся в библиотеках и архивах различных стран. Он погиб в сорок три года, в Освенциме, где оказался по той причине, что последовательно и свято исполнял свой долг христианина и принял смерть в газовой камере вместо другого человека.

Предлагаемые вниманию читателя записки Григола Перадзе представляют несомненный интерес, потому что знакомят нас с человеком, который жил в Боге, любил свою родину, преданно служил ей, оставаясь одновременно гражданином мира.

В журнале «Der orient» за 1926 г. я рассказал о своей учебе в Германии, о своих профессорах и научных планах на будущее. После того минуло четырнадцать лет. За это время многое изменилось — особенно в последние годы — в жизни не только отдельных лиц, но и целых государств и народов.

Что значат сейчас научные планы или какой смысл запирается в кабинете, посвящая себя изучению абстрактных проблем, зачастую представляющих интерес лишь для узкого круга коллег, в то время, как жизнь, полная

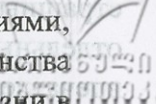

страшных исторических явлений, выносит приговор отдельным народам – жить им или исчезнуть. Создается впечатление, что жители нашей планеты несут ответ за грехи своих предков, и день окончательной расплаты еще не наступил. Думаю, подобное обстоятельство не способствует независимой научно-исследовательской работе. Ученый ведь нуждается в спокойной, соответствующей обстановке. Зато такое время вполне подходяще для пересмотра и подведения итогов проделанной работы. В то же время в будущих планах необходимо учитывать происшедшие за истекший период явления. После каждого определенного периода очень полезно подводить итоги своей деятельности.

Я начал изучать немецкую науку в период ее расцвета. Такие фигуры, как Харнак, Холл, Дайсман, Баудисин, Гресман, Гуссен и Эрхард рождаются далеко не в каждом поколении, они – венец устремлений и духовного горения множества поколений. Если бы я начинал сейчас, я совершенно иначе оценил и использовал бы их опыт, но сожалеть об этом уже поздно.

По правде говоря, я не теолог. И никогда не придавал большого значения чисто теологической науке. Догматику я изучал по необходимости – по этому предмету надо было сдавать экзамен; меня не волновала также проблематика христианского мировоззрения и его противопоставление другим религиям или духовным течениям, все то, что выражается термином апологетика. Я никогда не испытывал чрезмерной любви к системной теологии.

Церковные власти Грузии, отправившие меня в 1921 году в Германию для изучения теологии, хотели, чтобы я уделил особенное внимание спорам христианства с

апологетикой и современными духовными течениями, особенно атеизмом, а также конфронтации христианства с социализмом и коммунизмом. Но после года жизни в Германии я понял, что меня не увлекает такого рода наука. Меня отечески опекал тогда доктор Лефсиус. Это его заслуга, что я заинтересовался библейской и исторической теологией и восточными языками – древнееврейским, сирийским, армянским. И лишь по прошествии определенного времени я вернулся к исследованию истории грузинской церкви и христианской литературы. С этой целью я ознакомился с тогдашними методами научной работы и вообще изучал все, что впоследствии могло помочь мне в исследовании проблем, связанных с Грузией.

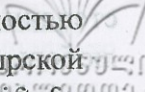
Таким образом, в течение трех лет я учился в Берлине и жил в Потсдаме. В неделю раз виделся с доктором Лефсиусом, лично преподававшим мне различные теологические предметы. По сей день помню, как вместе мы читали Евангелие от Иоанна. Лефсиус особенно любил это Евангелие, проповедующее любовь и духовность – ведь символом Евангелия от Иоанна является орел. Оно оказало большое влияние на жизнь Лефсиуса.

В поисках грузинских книг я познакомился с профессором Генрихом Гуссенем. Это был ученый с весьма уравновешенной натурой, выдающийся полиглот, владевший не только английским, французским и русским, но и восточными языками: армянским, грузинским, коптским, эфиопским, арамейским, сирийским, а также латинским и греческим. У него была богатейшая библиотека, включавшая огромное число восточных книг. Человек с золотым сердцем, в высшей

степени культурный, он до самой смерти сохранил любовь и веру в людей, хотя они постоянно разочаровывали его. В отличие от большинства ученых он не был ни «книжным червем», ни равнодушным автором книг. Больше всего на свете он ценил жизнь и из бездонной сокровищницы своих знаний немногое оставил потомкам, но то, что написано им, выдержит испытание временем.

Я отправился к нему из Берлина в Бонн – из одного мира в другой, и этот второй мир так увлек меня, что я долго еще не возвращался обратно. Там все было мне близким и хорошо знакомым. Прекрасные холмы, в которые упирались пригороды, мягкий климат, плодородная земля более напоминали мне природу моей родины, нежели Берлин с его окрестностями. И тамошний народ мне показался более открытым и теплым. Пришлась по душе и жизнь в небольшом университетском городке, где все вращалось вокруг учебного заведения, существовало ради него и ничем иным не интересовалось. Все было устроено так, что университет был превыше всего. Здесь очень скоро вы почувствовали бы себя как в родном доме. Человек привыкает к окружающему и вполне довольствуется лишь своей работой. Вложенное в меня доктором Лефсиусом закрепил и умножил профессор Гуссен. Пришла пора заняться грузинской тематикой. Для работы над моим трудом «История жизни грузинских монастырей» он великодушно предоставил мне свою библиотеку, знания и опыт. Благодаря ему я познакомился с известным ученым, признанным королем ориенталистов Паулем Пеетерсом. Именно знакомству с ним я обязан многим творческим импульсам.

Мой первый труд, к сожалению, до сих пор полностью не напечатан. Первая его часть – «Начало монастырской жизни в Грузии» – опубликована в «Zeitschrift für Kirchengeschichte». Вторую часть напечатал французский журнал «Revue d'histoire ecclésiastique», а заключительную – выходящий в Берлине «Internationale kirchliche Zeitschrift». О публикации труда целиком в одном издании я вел переговоры с издательством «Библиотека отцов церкви». Возможно, после войны мне удастся напечатать его.

В последний раз я видел доктора Лефсиуса осенью 1925 года, когда гостил у него в Висбадене. Он умер в феврале 1926-го, а в конце месяца я защитил докторскую диссертацию.

После окончания учебы и получения докторской степени я хотел вернуться домой и начать работу в церкви или в университете. С этой целью направил заявление в советское посольство, но поскольку ответа все не было, по предложению тогдашнего директора Восточной миссии в Германии я отправился в научную командировку в Бельгию, чтобы поработать какое-то время с таким выдающимся картвелологом, каким был боландист Пауль Пеетерс. Я встретился с ним в Брюсселе на рождественских каникулах. Определенное время я намеревался также посвятить изучению католической теологии в старинном Лувенском университете. В Бельгии я находился более года – до апреля 1927 года. Изучал древние грузинские книги в богатой библиотеке боландистов, вел беседы с Пеетерсом о грузинской агиографии и истории грузинской церкви. Тут же я подготовил к печати упомянутый выше труд. А в результате наших споров и размышлений родилось две работы. Одна Пеетерса «L'eglise georgienne du Elibanion au

Mont Admirale», другая моя – «Die Probleme der ältesten Kirchengeschichte Georgiens».

После известной, изданной в 13-м веке буллы папы Леона XIII, запрещающей изучение схоластической философии, Лувенский университет с особенным интересом приступил к ознакомлению с наследием известного философа-схоласта Фомы Аквинского. Здесь находилась семинария, работавшая над этими проблемами. Таким образом я получил возможность познакомиться с этим направлением философии, однако схоластический метод мышления оказался достаточно чуждым мне. У него было мало общего с моими будущими планами, и я предпочел заняться изучением истории церкви, патрологии и ориенталистики. Помимо этого я приступил к изучению французского языка и литературы, а также фламандского искусства. Находясь в Бельгии, я очень много путешествовал по стране, побывал во многих городах, посетил художественные галереи, церкви, монастыри.

В конце апреля 1927 года из Бельгии я отправился в Англию, чтобы ознакомиться с хранящимися в Британском музее Лондона и, прежде всего, в Бодлеане (Оксфордский университет) рукописями. К сожалению, я не смог остаться там на долгий срок – после кончины доктора Гуссена (апрель 1927 г.) Восточная семинария предложила мне занять его место. Думаю, во всей Германии не нашлось бы ученого, способного хотя бы частично заменить его. Я не знал никого, кроме Пеетерса, кто владел бы так, как он, всеми восточными христианскими языками. Я должен был вести курс лишь древнеармянского и древнегрузинского языков. Советское посольство все еще хранило молчание, а мне хотелось

занять хоть какую-нибудь научную должность, которая позволила бы мне беспрепятственно работать над интересующими меня проблемами. Понял я и то, что человек, духовно и научно связанный со своей родиной, может сделать для популяризации ее культуры гораздо больше, если работает за рубежом.

Бонн предоставлял лучшие условия для достижения моих целей. Гуссенская библиотека, которую он отписал кардиналу Колонны, на тридцать лет была передана в ведение Боннского университета, где всегда находилось несколько человек, заинтересованных в изучении грузинского и армянского языков... Продолжение дела моего любимого наставника, исполнение его планов и задач было для меня весьма почетной миссией. Поэтому я принял предложение и в июне, после завершения всех формальностей, должен был отбыть в Бонн.

В августе 1927 года в Лозанне состоялась конференция «Вера и церковный строй», на которую меня пригласили как представителя грузинской церкви. Сведения о моей работе, связанной с конференцией, и прочитанный на ней доклад частично опубликованы мною на страницах журнала «Der Orient».

В Бонне я находился до апреля 1932 года. Восточная семинария под руководством профессора Пауля Кале переживала пору своего расцвета. Здесь изучались почти все культурные языки мира.

Библиотека семинарии с каждым днем богатела. Рукописи присылались даже из Америки. Одним из лекторов семинарии был известный исследователь литургических текстов профессор Антон Баумштарк. По его инициативе и в сотрудничестве с ним был создан наш совместный труд «Рождественский праздник в

Иерусалиме VII века» и две мои работы по истории литургии «Довизантийские литургические памятники на грузинском языке» и «Древнегрузинская литература и ее проблемы».

Я искренне благодарен за поддержку в научной работе святому отцу профессору Эрхарду, известному патрологу и византологу. Благодаря ему я создал труд «Древняя христианская литература в грузинском переложении». Особо тесные научные контакты были у меня с исследователем Нового Завета отделения католической теологии профессором Генрихом Богелем. Свою научную жизнь профессор посвятил изучению проблемы «Diatessaronu», особенно важной для реконструкции текстов Евангелия или, иначе говоря, возвращения первоначальной формы. Основы любви к Евангелию, интерес к Евангелическим текстам и к жизни Христа заложил во мне еще доктор Лефсиус в Потсдаме. Он ведь внес огромный вклад в дело изучения Евангелия.

Темой моей диссертации в Бонне в сфере христианского Востока я избрал грузинские тексты Евангелия от Марка. Еще раньше с помощью контактов профессора Гуссена мне удалось отыскать редкие экземпляры Евангелия от Марка, датируемые 913 и 995 годами. Профессор Кале после поездки в Ленинград привез для восточного семинара фотолитографию самого древнего грузинского текста Евангелия, датируемого 897 годом. После публикации текста Евангелия от Марка в журнале «Codex Vaticanus» я начал довольно тяжкую и нудную работу по сравнению его с грузинскими текстами.

На семинаре профессора Баумштарка в течение многих лет я изучал проблемы перевода Евангелия на восточные (арабский, сирийский, грузинский, армянский, эфиопс-

кий и коптский) языки, а также критическое содержание текстов. Исследование Баумштарком грузинских текстов Евангелия послужило вступлением к нашему совместному труду. Обобщающие итоги проблемы перевода Евангелия на грузинский язык я представил в Вене в 1930 году на VI германской конференции ориенталистов. Благодаря этому труду, который, кстати, вскоре был опубликован, я познакомился с выдающимся представителем картвелологии и ориенталистики, а также сравнительной филологии, гениальным исследователем, профессором Нико Марром. Наши скромные научные контакты постепенно переросли в теплые взаимоотношения. В начале 1931 года профессор Марр посетил на короткое время Бонн. Он намеревался ознакомиться с трудами грузино-армянского отделения Боннского университета. Тогда же он предложил мне должность своего ассистента в Ленинграде, но меня занимал в то время иной проект. Я только что перенес тяжелую болезнь и решил отправиться в Париж, чтобы начать духовную деятельность среди тамошних эмигрантов. Профессор Марр пытался убедить меня, что подобное решение нанесет огромный вред моей учебе и будущим планам. Поделится собственным опытом общения с грузинскими эмигрантами. К сожалению, я плохо знал тогда нашу эмиграцию и слова Марра воспринял как чисто теоретическое суждение. Поэтому твердо стоял на своем, в результате чего лишился его дружбы и поддержки.

Помимо венского отчета и небольшой статьи в «*Orientalische Literatur-Zeitung*», в мае 1932 года я прочитал двухчасовой доклад в Оксфорде на тему грузинских версий Евангелия. Рукопись не опубликована, так как я хотел

расширить тему. Этот доклад – результат моей многолетней и напряженной работы, я планировал вернуться к нему, чтобы окончательно подготовить к печати, но руки до сих пор не дошли.

Между тем грузинские тексты Евангелий от Марка и Матфея были опубликованы в «*Patrologia Orientalis*» Блейка. Блейк дает грузинский текст параллельно с латинским переводом. Я хотел опубликовать обработанные варианты этих текстов. У меня на одну рукопись больше, чем у Блейка (в частности на Джручское Евангелие 936 года). Незадолго до войны (в 1939 году) я начал переговоры с редакцией журнала «*Biblia*» (Рим), хотел вместе с Джручским Евангелием опубликовать разночтения других версий, но помешала война.

В бытность мою в Бонне я побывал на берлинской выставке древнего грузинского искусства. Даже опубликовал статью о ней в журнале «*Der Orient*». К этому времени относятся V и VI германские конференции ориенталистов, состоявшиеся в 1928 году в Бонне и в 1930-м – в Вене. В Бонне я говорил о провизантийской литургике в Грузии, а в Вене – о проблематике грузинских переводов Евангелия. В день закрытия Боннской конференции 25 августа 1928 года участники V сессии (христианский Восток) приняли следующее постановление: «Исходя из значения древнегрузинской литературы, ее памятников и литургических текстов еще довизантийской поры, секция германской ориенталистской конференции единогласно принимает решение с особым тщанием взяться за дело изучения грузинской культуры». Резолюция была направлена министру культуры Пруссии (пост министра культуры тогда занимал ориенталист Беккер, бывший профессор Боннского

университета). Это была безусловная победа в деле изучения грузинской культуры в Германии, результатом которой явилось учреждение кафедры древнегрузинской филологии.

После окончания съезда ориенталистов я отправился в Грац, чтобы ознакомиться с богатой грузинской коллекцией, принадлежавшей известному лингвисту Хьюго Гунардту, умершему в 1927 году. Эта коллекция хранится ныне в университетской библиотеке. По просьбе ее директора я систематизировал каталог грузинских печатных изданий. В первую очередь, меня интересовали грузинские рукописи, особенно грузинская версия песнопения Иакова, которую я опубликовал позднее на французском языке.

К боннскому периоду относятся очерк по истории грузинской культуры «Св. Георгий в быту и верованиях грузинского народа», а также «Монашество в Восточной церкви». Кроме того, статья «Грузия» для энциклопедии протестантского теолога- и религиоведения и несколько рецензий по вопросам истории грузинской культуры.

Как было отмечено выше, 1 апреля 1932 года я с болью и сожалением оставил Бонн и перебрался в Париж, чтобы жить лишь духовной жизнью среди православных грузинских эмигрантов. Мои связи с парижскими грузинами начинаются в 1929 г. В начале года в Париже учреждается комитет, задачей которого было создание прихода. Именно тогда ко мне обратились с предложением о сотрудничестве, и на рождественские каникулы я отправился из Бонна в Париж. Я должен был на месте изучить положение дел, лично познакомиться как с паствой, так и с членами комитета. Поскольку научные интересы были для меня приоритетны, Париж несколько

разочаровал меня, и от тамошнего прихода я не ждал особенной поддержки в своей деятельности и устремлениях. Поэтому я отказался от должности духовного пастыря и вернулся в Бонн, чтобы продолжить работу в Восточной семинарии.

Но к тому времени произошли два события, вынудившие меня принять предложение парижских эмигрантов: 1. После моего возвращения в Бонн в Париж прибыл из Константинополя грузинский священник-унит (в Константинополе существует грузинский монастырь унитского толка). Поэтому учреждение в Париже православной церкви и присутствие православного священника стало необходимым. 2. Когда в 1930 году я, тяжелобольной, лежал в университетской клинике и боролся со смертью, ко мне приехали представители парижского прихода с повторным предложением. И я принял его.

Через несколько месяцев после выхода из клиники, занятый повседневными делами, я почувствовал поразительный душевный подъем, казалось, я парил в воздухе. Я говорил только о своей будущей работе в Париже, с нетерпением ждал рождественских каникул, чтобы поскорее приступить к исполнению обязанностей священника. Ни профессор Кале, ни профессор Марр (который, по иронии судьбы, именно в этот момент прибыл из Ленинграда и, передав мне привет с моей далекой родины, предложил начать работать с ним) не смогли заставить меня отказаться от своего намерения. Никому на свете не удалось сделать это, даже моей матери, которая в письме советовала мне вернуться домой. По ее мнению, продолжи я идти по избранному пути, я никогда не увижу родины. Все попытки переубедить меня

оказались напрасны, ибо я принял решение и твердо стоял на своем. 18 или 19 апреля 1931 года в греческой церкви Лондона я принял постриг, а на другой день меня посвятили в дьяконы. В священнический сан я был посвящен экзархом всемирной патриархальной церкви архиепископом Германозом, чья резиденция находилась в Лондоне. Церемония состоялась в Парижской греческой церкви 25 мая 1932 года.

Для меня началась новая жизнь, которую я также хотел посвятить грузинской культуре. Ведь в истории грузинского народа, в развитии ее культуры или духовной жизни значительный след оставили именно монахи. Мы могли бы основать в Париже настоящий очаг культуры. Здесь находился основной центр грузинской эмиграции, а эмиграцию составляли культурные люди! Но впоследствии я понял, можно быть образованной личностью, даже министром и все же не стать культурным человеком. Свое назначение я видел в миссионерском долге, мне нужна была поддержка. Когда миссионеры отправлялись в Индию или другие страны, родной приход оказывал им содействие, я с опозданием стал искать такую поддержку, но тщетно. Меня мучило чувство неудовлетворенности, поскольку я терял драгоценное время, которое мог посвятить научным исследованиям.

Новое поколение эмиграции (на Востоке человек считается молодым, пока не поседеет и не потеряет все зубы) было в основном безработным, нездоровым и необразованным. Старшее же поколение, отягченное грузом «старых заслуг», вовлеченное в различного рода политические группировки, для достижения своих целей искало бойцов и сторонников среди молодых. Наша эмиграция была пронизана духом бессмысленной

политической борьбы, удушающей тяжелой атмосферой. Уже через несколько месяцев после приезда в Париж энтузиазм мой иссяк. Страстное религиозное произведение «Гимн херувимов», написанное мною во время болезни, я читал как совершенно чужой текст. И все же старался добросовестно выполнять свои обязанности и хоть какое-то время уделять научной работе. Я недолго оставался в Париже. Приехав в Париж в апреле 1932 года, в середине июля я уже находился в Лондоне, где по просьбе Оксфордского университета прочитал четыре лекции в «Examination School» и получил гонорар 50 фунтов стерлингов. На эти деньги я мог спокойно прожить в Англии какое-то время и поработать в библиотеках Британского музея и Бодлеане, где хранятся 75 грузинских рукописей. Иные из них весьма ценны. Тогда я впервые познакомился с известным английским ученым профессором Бурлит-Кембриджем, издавшим старинные сирийские тексты Евангелия. Я несколько раз навестил его в Кембридже. Заинтересованный моими трудами, он попытался подыскать для меня какую-нибудь научную должность. Несколько раз приезжал в Лондон, чтобы лично поддержать мою заявку на получение стипендии из фонда Рокфеллера.

С июля до середины августа я находился в Париже, потом отправился в Бонн, куда меня очень тянуло. Судьба улыбнулась мне. Именно в это время Восточное отделение получило из Тбилиси заказанные мною семь или восемь номеров ежемесячного журнала «Мнатоби». Внимательно ознакомившись с ними, я выписал интересные меня места и позднее, когда появилось время и возникла соответствующая обстановка, привел в порядок записи и опубликовал статью под названием

«Духовная жизнь в современной советской Грузии в свете художественной литературы». Из Бонна я направился в Польшу с целью познакомиться с тамошней грузинской эмиграцией.

Здесь же хочу отметить, что я единственный священник-грузин, оказавшийся за пределами Грузии. Не надолго задержавшись в Варшаве, я отбыл в Краков, чтобы ознакомиться с грузинскими рукописями в музее Чарторисских. По приглашению тамошней Восточной семинарии прочитал на русском языке лекцию. Благодаря ходатайству варшавского митрополита Дионисия я завязал контакт с министерством культуры Польши, где поинтересовались, не хотел бы я работать на факультете православия Варшавского университета. Я согласился и для обоснования своей научной пригодности оставил в министерстве копии некоторых своих трудов (случайно оказавшихся при мне).

С митрополитом Дионисием я познакомился в 1927 году в Лозанне на международной конференции. Еще тогда я мог переехать в Варшаву и начать там работать, но предпочел Бонн, где были прекрасные условия для научной работы. Приблизительно в ноябре 1932 года проездом через Берлин-Потсдам я вернулся в Париж, так как хотел провести рождественские каникулы со своей паствой. В будущем планировал начать работу в Варшавском университете лектором патрологии. Я не умел сидеть сложа руки, и в Париже, и в Бонне всегда находил для себя какое-нибудь научное дело, и сейчас мои предложения о работе были отправлены по шести разным адресам. Варшава была седьмым.

Поскольку мне хотелось жить в Париже, прежде всего надо было найти для себя какую-нибудь должность. Из-

вестный протестантский исследователь Нового Завета профессор Парижского университета М. Гогуэл, с которым я был лично знаком, замолвил за меня слово перед известным византологом Габриэлом Милетом из «College de France», чтобы он взял меня лектором по древнегрузинской литературе. Впрочем, Гогуэл предупредил меня, что такая возможность представится не ранее 1934 года, и работа не будет носить постоянный характер, она продлится не более одного-двух лет.

В 1929 году я вел переписку с Британским библейским обществом. Я наведаясь туда в 1931 году сразу после того, как архиепископ Германоз посвятил меня в сан. Благодаря ходатайству архиепископа я получил возможность перевести Библию на современный грузинский язык. Для этого требовалось четыре-пять лет, после чего я должен был представить оригинал обществу для публикации. Таким образом я хотел совместить полезное, нужное дело с приятным и в то же время сделать свою приходскую деятельность более интенсивной. И эта попытка закончилась крахом. Англичане особое внимание уделяли финансовой стороне. Предприятие не сулило обществу никакой выгоды, ибо оно видело, что грузинская эмиграция не проявляет высокой культуры. Вместе с тем и будущая судьба самой Грузии была весьма неопределенной.

В Париже находился Институт теологии им св. Сергия, которым руководил митрополит Евлагий. Здесь читали лекции русские профессора теологии и, на мой взгляд, среди православных теологических институтов он был вторым в мире по значению (после Афинского института). Я довольно хорошо знал некоторых тамошних профессоров, а с митрополитом меня связывали дружеские отношения. И все же я никогда не пытался устроиться

туда на работу. Пойди я на это, я оказался бы в определенном иерархическом подчинении у русского митрополита. Все же усилия нашего прихода были направлены на сохранение автокефального положения древне-грузинской православной церкви. Я не нашел в Париже работы, которая позволила бы мне совместить деятельность духовного пастыря с научной деятельностью. Поэтому стал искать работу в другом месте.

Поначалу думал о Германии, но я не мог вернуться в Бонн (хотя замену мне еще не нашли, и моя должность оставалась вакантной), поскольку тамошнее начальство возражало против моей деятельности в Париже. Мне было выставлено условие – либо Бонн, либо Париж. Тут я вспомнил о решении ориенталистской конференции и попытался реально претворить ее в жизнь. За помощью обратился к берлинским профессорам Дайсману и Лицману. Как выяснилось впоследствии из их письма, профессора сделали все, что было в их силах. Они планировали открыть кафедру, которая должна была установить тесные контакты с комиссией святых отцов Академии наук Пруссии, а основную сферу ее научной деятельности должны были составить памятники грузинской церковной письменности. Они не возражали бы против того, чтобы в период каникул я навещал свою паству в Париже (мне позволялось открыть небольшой грузинский приход и в другом месте). Более того, они думали, что подобные поездки, имевшие и научные цели, могли принести пользу учебному процессу. Итак, когда мне уже казалось, что дело устроилось, я отправился в Берлин, чтобы встретиться с нужными людьми... Но я потерял и эту должность, возможно, из-за своей неумелости.

Это был третий шанс. Четвертым был Оксфорд. Университет владеет стипендиальным фондом, основанным семьей Уордроп для развития картвелологической науки. Раньше здесь читал лекции известный арменолог Ф.Конбейр и в тот момент его место было свободным. А увязать между собой изучение грузинского и армянского языков было простым делом. Кроме того, в известной библиотеке Оксфорда, Бодлеане, хранилось множество грузинских книг и 75 частично изученных рукописей. Меня пригласили туда для прочтения четырех лекций, но основание кафедры было отложено, так как не нашлось желающих изучать язык. Ф.Конбейр был богатым человеком и читал лекции для собственного удовольствия. На его лекциях я встретил выдающегося ученого Ф.К.Бурлита, с помощью которого попытался получить стипендию фонда Рокфеллера. Она назначалась на три-пять лет исследователям, деятельность которых нуждалась в командировках. В мою задачу входил поиск грузинских рукописей и других древнейших памятников на Востоке (в арабских странах, Турции, Персии). Кроме того, я планировал изучение современного арабского и ознакомление с существующим там уровнем исследований Корана. Бурлит, невзирая на свой преклонный возраст, даже отправился в Лондон, чтобы урегулировать вопрос с моей стипендией, но, как выяснилось из его писем, наши попытки успеха не имели.

Интересна также и последующая попытка найти работу, тоже закончившаяся неудачей. Двое знакомых католических ученых пытались выхлопотать для меня стипендию Ватикана, чтобы я мог осуществить свою исследовательскую работу над грузинскими рукописями в Италии. «Его сиятельство, к которому мы обратились, представил

вашу просьбу об аудиенции святому Папе Пию XI», писали мне они впоследствии. Однако несмотря на их старания, я и на этот раз остался ни с чем.

Таким образом, все мои планы рухнули. 1933 год я встретил в Париже. Ждал письма только из Варшавы. В январе я получил горестную весть с родины: 19 декабря 1932 года скончалась моя мать. Сейчас могу уже наверняка сказать, что последняя физическая нить (ибо духовно и культурно я был связан с родиной очень тесно), связывавшая меня с Грузией, разорвалась. Прежде всего я переживал, что своим переездом в Париж доставил ей столько горя, и сейчас, когда на горизонте забрезжил свет, т.е. у меня появилась возможность устроиться в Варшаве и оказывать ей хоть какую-то помощь, смерть отняла ее у меня. О ее кончине я получал разноречивую информацию. Согласно официальной версии мама скончалась после длительной болезни. А брат писал, что в декабре она всю ночь простояла в очереди за хлебом. Наутро ее привезли без сознания незнакомые люди. И вскоре она умерла. Создавалось впечатление, что от меня скрывают правду. Я храню все письма своей матери и хочу описать ее жизнь, как только выдастся время и покой.

Лето 1933 года исполнило меня надеждой, что благотворно отразилось на парижском грузинском приходе, а также моей работе в сфере грузинской культуры. Александр Мдивани, известный в Америке и Европе своими многочисленными женитьбами на богатых женщинах, пожелал венчаться с очередной невестой в церкви. Я не хотел вмешиваться в это дело, тем более что развод с первой женой у него не был оформлен, но согласился с условием, что он внесет документы в русскую церковь. В июне или июле в сопровождении

нескольких грузин Мдивани на пороге русской церкви торжественно поклялся, что после свадьбы построит в Париже небольшую колокольню при грузинской церкви с комнатой для священника, но когда я решил исполнить церемониал, нигде не нашел жениха – его словно земля поглотила. Однажды, когда после безрезультатных поисков Александра Мдивани в больших и дорогих отелях я, опечаленный, возвратился в свою дешевенькую гостиницу, меня ждало официальное приглашение на работу от Министерства культуры Польши. Я быстро уладил свои дела и с первым же поездом отправился в Варшаву.

Несмотря на неблагоприятные условия, я сумел свое пребывание в Париже использовать в научных целях. Свою личную библиотеку на протяжении нескольких лет я хранил у друга, но сумел собрать богатый материал в библиотеках Парижа, Британского музея и Оксфордском Бодлеане. Мне удалось подготовить к печати несколько значительных грузинских научных трудов. Несмотря на большие сложности, связанные с их напечатанием, у меня имеются публикации и этого периода. В бумагах одного грузинского эмигранта я наткнулся на грузинский перевод проповедей двенадцати апостолов, который опубликовал в «Zeitschrift der Neutestamentlichen Wissenschaft». По просьбе известного литургиста Х.В.Кодрингтона я перевел на французский грузинскую версию литургии Петра, который был приложен к труду «The Liturgy of Saint Peter». Через четыре года я напечатал в Парижском научном ежегоднике отредактированный мной «Крест лозы» на грузинском языке; цикл лекций, прочитанный в Оксфорде, а также лекции – в «College de

France» (в марте 1933 года) тоже подготовлены в парижский период моей жизни.

С целью изучения польского языка до середины декабря 1933 года я жил в Кракове в одной польской семье. Там же подготовил доклад для инаугурации, которая состоялась в большом зале университета лишь 7 декабря 1933 года (ввиду различных обстоятельств осенью 1933 года учеба в Варшавском университете была прекращена). Неудачи, выпадавшие на мою долю, казалось бы, должны были научить меня уму-разуму, сделать меня более мудрым и предусмотрительным. Во время переговоров в министерстве я акцентировал внимание в основном на двух моментах: 1. Минимум дважды в год я без проблем должен был ездить в Париж, мне требовался также заграничный паспорт, чтобы во время каникул я мог бы совершать более длительные путешествия с научными целями; 2. Я потребовал признания польской автокефальной церковью православной грузинской автокефальной церкви и установления между ними дружеских взаимоотношений. Мне обещали выполнить оба условия. Таким образом я осел в Польше и до начала войны, сентября 1939 года, работал на факультете православной теологии Варшавского университета. В бытность мою в Варшаве, я дважды в год отправлялся в Париж к своей пастве, а с наступлением летних каникул уезжал в научные командировки с целью поиска памятников грузинской культуры.

Примером научного деятеля для меня являлся грузинский ученый Александр Цагарели, первым начавший поиск грузинских рукописей по всему миру и заложивший основы их каталогизации. Пионер в деле научной обработки древнегрузинской литературы, он

долгое время работал профессором Петербургского университета и скончался лет двадцать назад в Тбилиси. Идя по его следам, я мечтал увидеть те рукописи, которые в конце XIX века оказались для него недоступными.

Летом 1934 года я отправился в Германию, где описал хранящиеся в библиотеках Липска и Геттингена, а также в Берлинской государственной библиотеке грузинские рукописи. В библиотеку Липского университета их из Крестного монастыря в Палестине привез Тишендорф. Изучая его наследие, я наткнулся на корреспонденцию, в которой шла речь об обнаружении и публикации знаменитого «Codex Sinaiticus». Особенно меня заинтересовала переписка Тишендорфа с известным русским ученым архимандритом Порфирием Успенским. Я там же сделал копию интересующей меня части корреспонденции, остальную же передал фотографу и после возвращения в Варшаву опубликовал ее. Я напечатал также документы, касающиеся самого текста «Codex»-а и историю его обнаружения. Трудом заинтересовался профессор Шмидт, он захотел заказать перевод «Codex»-а и исследовать его. Не знаю, напечатал ли он что-либо на эту тему или его работа до сих пор ждет своего исследователя.

Я с удовольствием остался бы в Германии до конца каникул, но очень хотелось принять участие в работе курсов польского языка и культуры, которые в сентябре устраивались для иностранцев в Варшавском университете.

Следующие летние каникулы 1935 года я провел в Румынии, Болгарии и Греции. О памятниках грузинской культуры в Румынии и Болгарии профессор Цагарели был осведомлен гораздо лучше меня.

В Греции я посетил лишь известный монастырь на св. Афонской горе и задержался здесь приблизительно на полгода. Я намеревался остаться на более долгий срок, а оттуда отправиться в известный метеорский монастырь в Фессалии, где, как я предполагал, хранятся грузинские рукописи, но на Афоне заболел малярией. К счастью, я собрался с силами и, вернувшись в Болгарию, провел там еще десять дней – посетил старинный монастырь в Бачкове. Он построен грузином и находится неподалеку от Пловдива. Из Афонского монастыря я привез очень интересные материалы. Там я встретил шестерых грузинских монахов и узнал от них новости об их быте на Афонской горе.

В Иверском древнегрузинском монастыре, где живут сейчас греки, я переписал часть древнейшей рукописной грузинской Библии, датированной 978 годом. Там же купил копии грузинских рукописей X века Афонского монастыря, сделанные в XIX столетии. В Афонском же монастыре приобрел множество редких изданий XVIII века. В одном из монастырей на Афоне я обнаружил неизвестные доселе жизнеописания трех виленских святых – Антона, Иоанна и Евстахия. Там же снял их копии. По возвращении в Болгарию мне посчастливилось найти в государственной библиотеке Софии неизвестный доселе Типикон Бачковского монастыря. Незадолго до войны я получил его прекрасную фотокопию, сделанную в Академии наук Болгарии. Когда наступит мир, я напишу исследование о нем. Результат моей работы вылился в труд «Влияние грузинской культуры на культуры балканских народов» (Der Orient, 1936).

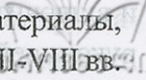
Покой, который я обрел в следующем академическом году, позволил мне закончить начатые в Париже работы

и включить их в научный труд, касавшийся грузинских рукописей в Англии. Название его «Das geistige Leben in heutigen Sowjetgeorgien im Spiegel der schönen Literatur». Я опубликовал также доселе неизвестное апокрифическое Евангелие монофизитского направления.

Летом 1936 года я отправился в Иерусалим и Сирию, что позволило мне досконально изучить не только историю святых в местах их хождения, но и описать «остатки былой славы» Грузии. К сожалению, мое пребывание там совпало с весьма напряженным временем и выезжать за пределы Иерусалима было очень опасно. Поэтому я вынужден был отказаться от первоначального замысла, в который входило и посещение Сирии. Во всяком случае, я получил возможность обнаружить несколько грузинских надписей, которые в 80-х годах XIX века просмотрел профессор Цагарели. Мне кажется, я был первым грузином, который после средневековья увидел развалины монастыря св. Симеона Столпника младшего. Именно в этом монастыре качнулась колыбель грузинской культуры – в V или VI вв. в Грузию отправились монахи-миссионеры, а на рубеже XI-XII вв. здесь жил известный отец церкви Ефрем Мцире.

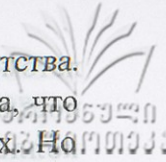
С помощью нашего друга, директора Дома армянских сирот в Каиа Пунаре Андраника Кавукджиана я смог осмотреть монастырь св. Варлаама на Киссийской горе. Биография этого святого сохранилась лишь на грузинском языке. Огромное впечатление произвели на меня Дамаск, Антиохия и небольшие города Сирии, в которые мне все-таки удалось попасть. Мне казалось, я вернулся домой, так походила тамошняя повседневная жизнь и деловая суета на улицах на то, что я помнил о Грузии.

Из этого путешествия я привез интересные материалы, среди них несколько грузинских палимпсестов VII-VIII вв.

Работая в Иерусалимской греческой патриаршей библиотеке, я, благодаря патриарху Тимофею, обратил внимание на надписи, сделанные на полях рукописей, известные в науке под названием «memento». Какой-нибудь монах или молящийся помечал этими надписями значительные явления из своей жизни или жизни монастыря, либо какой-нибудь случай из местной жизни. Они имеют большое значение с точки зрения изучения истории монастыря. Профессор Цагарели внес в свой каталог немало таких надписей. Над ними очень интенсивно работал и профессор Н.Март (1902). Что касается профессора Блейка, который находился в Палестине в сравнительно позднее время (с 19 декабря 1923 г. по 3 декабря 1924 г.) и также издавал грузинские рукописи, он гораздо реже использовал надписи «memento». К счастью, я нашел несколько неизвестных дотоле, неопубликованных надписей.

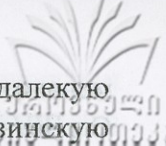
На Святой земле можно было бесконечно заниматься исследовательской работой. Меня особенно интересовали надписи пилигримов, которые в достаточном количестве были обработаны мною на разных языках до поездки в Палестину. Я искал их повсюду – в Липске, в библиотеке союза палестинцев, проживающих в Германии, а также в Париже, Лондоне и т.д. С XVI века грузинские монахи вынуждены были оставить свои монастыри на Святой земле. Их новые постояльцы – греки, армяне, даже латины – уничтожали, стирали с лица земли следы пребывания грузин в этих древнейших монастырях. Единственное, что они не смогли уничтожить, это надписи пилигримов, в которых упоминались грузинские монастыри и грузинские

монахи. Поначалу я собирал их просто из любопытства. С течением времени набралось столько материала, что знакомые стали советовать мне опубликовать их. Но прежде мне хотелось побывать в этих монастырях и внести соответствующие изменения в надписи при необходимости.

Эта интересная работа потребовала довольно много времени. После возвращения в Варшаву постепенно сложился доклад о грузинских монастырях в Палестине и грузинских монахах, который опирался на записи пилигримов негрузинской национальности. Это неиссякаемый клад знаний, в основном сохранившийся в рукописях, и теперь уже ясно, что все собрать невозможно. Я намеревался постепенно пополнять эту работу. В Палестине я вел дневник. Сперва он был опубликован на польском языке в нашей церковной газете «Slowo». Дневник состоит из семи периодов от 7 июля до 28 сентября. Он был издан 17 августа – («Сведения иностранных пилигримов о грузинских монахах и грузинских монастырях в Палестине»). Думаю, остальная часть уничтожена в типографии во время войны. К этому же времени относится моя небольшая статья «Документ из истории средневековой литературы Грузии», опубликованная в «Ein Dokument der mittelalterlichen Liturgiegeschichte Georgiens» и ряд других статей.

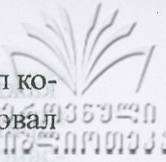
Эти путешествия отрицательным образом сказались на моем финансовом положении, у меня даже появились долги. (В своей жизни я лишь однажды получил деньги для научных целей. Это было в Бонне, когда мне выделили 60 или 90 марок на поездку в Берлин в 1930 году, где открылась выставка грузинской культуры. После этого я всегда сам финансировал свои путешествия). Поэтому

летом 1937 года я отправился в сравнительно недалекую поездку — в Австрию, чтобы снова изучить грузинскую коллекцию Шухардта, хранящуюся в библиотеке университета Граца. Особенно интересовали меня грузинские рукописи с текстами молитв, датированными X веком. Для сравнения я даже приобрел печатный грузинский экземпляр молитв. Кроме того, я собирался изучить грузинскую литературу, отражающую эпоху Руставели, так как осенью 1937 года должен был пройти юбилей этого величайшего поэта XII века. На юбилейном заседании в Варшаве я должен был произнести речь о его философско-религиозных взглядах... Но меня ждало разочарование. Рукопись молитвенника лишь незначительно, несущественно отличалась от грузинского «textus receptus», а о блестящем поэте в материалах мало что говорилось. Поэтому я воспользовался прекрасной погодой и провел каникулы в прогулках по пригородам Вены.

По возвращении в Варшаву я написал статью о грузинских рукописях в Австрии, которая в том же году была опубликована в венском журнале «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes». А затем начал готовиться к юбилею Руставели. Надо признать, что как поклонник грузинской церковной литературы я уделял его бессмертному творчеству мало внимания, но после основательного изучения «Витязя в тигровой шкуре» он стал мне очень дорог, и я, наверное, не ошибусь, если скажу, что Шота Руставели является основоположником религиозного мышления в Грузии.

Благодаря действенной помощи грузинских эмигрантов, проживавших в Варшаве, юбилей поэта прошел на очень высоком уровне. Мой доклад «Религия Шота

Руставели» был опубликован в книге, которую издал комитет варшавских грузин. Кроме того, я опубликовал несколько рецензий и небольших статей.

1937-38 академический год был посвящен Дионисию Ареопагиту. Нашего митрополита также звали Дионисий и в тот год отмечалось сорокалетие его посвящения в сан. Поэтому мне очень хотелось посвятить ему исследование о наследии Дионисия Ареопагита. Среди документов, переписанных мною в Оксфорде, были неопубликованные доселе апокрифы о мученической смерти апостолов Петра и Павла, в которых Дионисий Ареопагит выводится как свидетель истории Тимофея, епископа Эфесского. Апокрифы написаны в форме широко распространенных в христианской литературе писем. Мне давно хотелось опубликовать их, я даже переписывался по этому поводу с профессором Лицманом. Я пребывал в нерешительности, поскольку текст греческой рукописи должен был храниться во Флоренции и без сверки с ним я не мог решиться на публикацию своей рукописи.

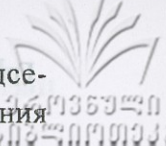
Поэтому на рождественские каникулы 1937-38 гг. вместо Парижа я отправился в Италию. Это было мое первое путешествие в Италию. Я очень сожалел, что мне не удалось познакомиться с этой прекрасной страной искусства и поэзии ранее. Трудно встретить где-нибудь еще столько памятников, сохранившихся традиций и такое совершенное понимание искусства. Все каникулы я провел во флорентийской библиотеке в поисках греческого варианта рукописи. Впрочем, у меня осталось время посмотреть Сиену, Рим, Неаполь и Помпею. Чувство, которое испытываешь знакомясь с этими городами, солнечным светом освещает всю оставшуюся жизнь. При

каждом удобном случае я искал и грузинские рукописи и привез домой не очень богатый, но чрезвычайно интересный материал. Вернувшись в Варшаву, опубликовал научный труд «Апокрифическое письмо Дионисия Ареопагита эфесскому епископу Тимофею». В конце 1937-38 академического года мне предложили участвовать в польском серийном выпуске «Письма отцов церкви». Я согласился и для начала решил подготовить к печати жития мучеников. Таким образом, каникулы 1938 года я посвятил изучению их житий. Я собирался осмотреть не только известный римский Колизей, но и освященные кровью мучеников места в северной Италии и на юге Франции. Во время этого путешествия я попал и в Монтенебло, где в XIX веке грузинскими монахами-унитами была открыта Малая семинария. В местном католическом архиве, благодаря поддержке епископа Монтенебло, я нашел немало интересных материалов о работе семинарии и переписал их.

В сентябре 1938 года я принял участие в работе международной конференции ориенталистов в Брюсселе. В конце месяца по возвращении в Варшаву подготовил труд на основе докладов, зачитанных на христианско-ориенталистской секции конференции, и передал для печати в журнал «Epris», издаваемый на филологическом факультете нашего университета.

Началась война. Весь академический год я трудился над исследованием о житии мучеников. Мне надо было сдать рукопись под Рождество 1939 года. Приготовил для печати и доклад на патрологическую тему. В конце мая меня пригласили на международный конгресс византологов, который должен был состояться 9 октября 1939 года в Алжире.

Я принял приглашение и предложил его председателю профессору Габриэлю Милету для ознакомления реферат о внутреннем распорядке Бачковского монастыря, написанный на французском языке. Краткий вариант доклада выслан был ему ранее. Тему утвердили.

Особенно интересовали меня развалины Карфагена и сам Тунис (для участников конференции была запланирована экскурсия в эту страну). На его земле ведь масса христиан пролила свою кровь во имя защиты христианства. Среди них – святые Перпетуа и Фелицита. Любой теолог мечтает побывать в этой стране, где великую свою деятельность величайшие отцы церкви – Киприан, Тертулиан, Августин, стране, которая после Святой земли и Рима стала в истории церкви выдающейся ареной, на которой происходили явления мирового значения. В середине июля, когда я обратился в Министерство иностранных дел для получения паспорта, мне объявили, что я могу ехать, но с возвращением могут возникнуть проблемы. Тогда я отказался от поездки, потому что в Варшаве у меня довольно большая библиотека, приблизительно около двух тысяч томов, среди них редкие грузинские книги по патрологии. Я не мог бросить на произвол судьбы весь труд своей жизни, все это богатство и остался в Варшаве. Я находился в ней и в момент ее взятия, несмотря на то, что иностранцам разрешили покинуть город. Я благодарю Господа, так как и моя библиотека, и моя скромная квартира остались нетронутыми. С упованием на милость Божию и верой в Него я вновь с надеждой смотрю в будущее.

16 октября 1940 г.

Перевод

Лианы ТАТИШВИЛИ

ТИЦИАНУ ТАБИДЗЕ

Молитв языческих в тебе пылают зерна,
И с мойрой родовой беседу ты ведешь.
Изида ластится, изнеженна, покорна,
За ночью ночь деля с тобою негу лож.

И захлестнула страсть. И в мире не просторно.
О «Древний страх», зачем пред ним ты предстаешь?
Потоп тебя манит угрюмо и упорно,
И смерть пугает мысль твою, как острый нож.

В дрезину хаос пьян, лежит в канаве ночи,
Немые ритмы спят, очищены тобой.
И гордые слова, и тайны многоточий

Ты бросишь в небосвод, глухой и голубой.
Младенец Тициан, тебе доступна высь.
Узнай, твой побратим – бог счастья, Дионис.

ПАОЛО ИАШВИЛИ

Иранским дервишам кудесником явиться,
Взрастить фантом солнцепоклонства в силах ты,
В дыму кафе ловить видения черты,
Тавриз и сам Париж стихом твоим гордится.

Средь равных – первым – твой девиз. И взор лучится,
И по душе тебе вертлявые шуты.
Подвластны гордецу высокие мечты,
Как раненый кентавр, умеешь в крике взвиться.

Разбойник и бретёр, ворвавшись на Парнас,
Разрушил троны ты одною мощной нотой,
И строки нанизал – за жемчугом – алмаз.

За девять снежных гор забросил кнут с охотой.
Шаири – твой кумир. Вино – на самом дне.
И, белый рыцарь, вдаль летишь на скакуне.

ВАЛЕРИАНУ ГАПРИНДАШВИЛИ

Волшебным голосам всегда ты внять готов.
Кто был убит в душе – в душе благоухает.
И тайный твой двойник на маскараде снов
Украдкою тебе свиданье назначает.

Раздвоенный, взойдешь на лучший из балов;
На месте встречи жнец... Второе «я» растает,
Пусть старый Эмпедокл откликнется на зов –
Как бешеных зверей, он страны усмиряет.

Безумная рука уже не в силах ждать –
В оврагах ритмы ей предписано взломать,
Но зеркала тебе подчас сулят виденья.

Всегдашний оживёт в душе твоей вдовец,
Но смёрзшийся сонет размякнет наконец,
И, беспощадный, сам заплачешь без стесненья.

О Грузия, твой облик неизменен,
Вдвоемзираем мы на древний храм.
На поле битвы рать в кровавой пене.
Победы счастье отдано врагам.

Развей мой страх, раскрой кровавый веер,
Но не врага мне страшно в шею гнать.
Меня пугает (верю и не верю),
Что русские нагрянут нас спасать.

Утомили меня размышленья о нашей любви,
И любовь к размышленьям, и холод очей ваших – тоже.
Я решил удадиться, селенье, в покои твои,
Поселиться решил среди крестьянок, зело смуглокожих.

Если девушке тамошней случаем я приглянусь,
Ей скажу: «Хороша ты, но знал я одну городскую,
Что не верила мне, что, тая легкокрылую грусть,
Только Бога любила, и пела Творцу «Алиллуй!»

МАНАНА ОРБЕЛИАНИ

Природа этот лик не вправе повторять,
На фото неизменны бледность красок, жесты,
Застывший поцелуй – как Вечности печать,
Как кованая вязь медалей Малатесты.

Одетые в рубин, персты огнями с места
Стреляют – кости нард им довелось бросать
Так нежно... Голубой атлас – ее наследство
Измучил... Тех ли дней зевоту вспоминать?

Иль сипоту в тебе стонавших мухамбази,
Иль швы, что бороздят поныне сердце мне,
И сам себе я мнюсь и в холе, и в цене,
Вышучивая жизнь твою в кипящей фразе.

Манана, пери Картли были далеко,
Когда твоя краса сразила Верико.

Симоника БЕРЕЖИАНИ

БЕССМЕРТИЕ

В последний мой час в кабахахи и чоху
Недвижную плоть облачи, не робей...
Ковром расстелите средь чертополоха
Цветы и траву на могиле моей.

Зурна и вино пусть царуют на тризне.

О женщина, слез безутешно не лей,

Средь этих исполненных радости жизни

Долин и холмов, и цветущих полей.

Одетою в траур и простоволосой

Тебе не велю я весь век горевать.

Последний приют мой забудь, успокойся,

Не надо могилы моей навещать.

Шалун-ветерок развлечет меня, притчу
Расскажет скорбящему праху в тиши,
Землею я был, и червям пойду в пищу
Пред странствием дальним бессмертной души.

Развееся в пыль и признания трепет,
И мыслей моих, и страстей череда,
И сеятель-ветер рассеет мой пепел,
Пригоршнями, с песней, в окрестных садах.

И кровью лозы к вам вернусь на пиру я,
Бессмертною кровью под дружеский кров,
Нет смерти — я снова вам радость дарую,
Продолженный в жизни лозы и цветов.

Ведь их ароматы, ведь их поцелуи —
Знак свыше, что жизнь повторяется вновь.

ПОЭТ

Рожден я в эпоху железа, в эпоху огня,
Под присвисты пуль, колыбельные песни прервавших,
Кровавое знамя младенца укрыло меня,
Уснувшего сном беззаботным средь воинов павших.

Но майская роза... Уже распустилась она...
В проснувшемся сердце, облитом грузинскою кровью,
Луной поцелована, солнцем в горах возвращена,
Гомборским покрытая ржавым туманом с любовью.

Пропахана пулями вражьими мать-земля.
К вершинам Парнаса теперь возноситься не смея,

И, сердцу принять окаянную пору веля,
Ношу я в груди ураган и холодного змея.

Когда серебрятся отверстые очи луны,
А в небе фиалки рассядутся чинно и ладно,
Я желчью питаю цветок разоренной страны,
Врагу на погибель отмщенье грядет беспощадно.

Свинцовым дождем будут рифмы врага поливать,
Готовые к взрыву снаряды в строках угнездятся,
И если улыбка лицо осчастливит опять –
Не верьте – так только умеет палач улыбаться.

Воздушные строки подбрасывать? Полено, жонглер!
Давно опоясана острым железом арена.
Мечом – не пером я воздам за разбой и позор.
Проклятье, проклятье врагу до седьмого колена.

Я розу лелею, облитую желчью, манит
Возмездия близость, бурля, добавляет мне силы,
Предвижу я, сколько отцов, матерей возопит,
Рыдая, своих сыновей обнимая могилы.

Побед не бывает без крови. Десница верна,
И горна высокая нота в бою зазвучала.
Дотоле во прах не вернусь я, пока седина
От вражеской крови не станет горячей и алой.

Печальный радетель моей несравненной страны,
Дождусь ли для Грузии завтра свободы и света?
А если народу не видеть счастливой весны –
Пусть, в пыль обращенная, канет в пространстве
планета.

ВЕЧНОСТЬ

В сердце рану печаль обнажает,
В блеске солнца заискрилась кровь,
Солнце стрелы-лучи проливает –
Ласку, нежность, тепло и любовь.

Посмотрел на луну-сироту я,
И за проклятых Бога молил,
Но любви золотистые струи
Черный бархат печали покрыл.

Сердце, что тебя мучит, помилуй.
Выпьем, света пригоршни собрав.
Не сойдет побежденным в могилу
Провидения праведный раб.

Жизни долг возвращен неподсудно.
Не горюй. К смерти путь приведет.
Мы завянем. Но видишь, как чудно
Цинандальская роза цветет.

Георгий КИПИАНИ

ПОБЛАГОДАРИМ

Благодарю,
По гроб обязан,
Всевышнего
За вас молю.
Душой и сердцем

К вам привязан,
Я ваши чувства
Восхваляю.

Поэт
Не рухнет на колени,
Рассвета рыцарь
Дарит луч,

Но если свет
Потонет в тени –
Зачем мне жизнь
Средь черных туч?

Гомер,
Омар Хайям и Данте
К вам,
В жизнь ворвавшимся,
Придут.

Титаны!
Из гробов привстаньте!
Бессмертные!
Вас люди ждут!

В монастыре,
На шкуре тигра,
Услышу ль
О победе весть?
Какая скорбь
Мой храм постигла,
Грузинский
Милосердный крест?

Любви
Всегда нам не хватает,

Нет для нее
Весов и мер,
Она Вселенную
Пронзает,
От облаков —
И до пещер.

Но сердце,
Преданное ею,
Я вам сегодня
Поднесу.
Слова любви
Весь мир объемлют,
И даже Господа
Спасут.

С КЛАДБИЩА

Этой ночью вновь взойдет луна,
Золотых цыплят рассадит в небе,
Детвора уже опьянена
Темно-синим искристым шербетом.

Золотая нищему монета —
Этот лик блестящий в небесах.
Волны посеребренного света
Стынут на деревьях и холмах.

Крепость шапкою скалу покрывала,
Ночь, как век со сломанным ребром,

Сторожит раздумья. Так у милой
Бодрствует влюбленный под окном.

Тишина баюкает пространство,
Тайна спит бездонная в тиши,
Чувствует земля непостоянство
Неба и движения души.

К солнцу небо и земля стремятся,
В сине-черном веянье одежд.
И цветам, и волнам ладан снится
Под молитву – детище надежд.

Мне б лежать скелетом на кладбище,
Где-нибудь под камнем почивать,
Чтоб из мировой хибары нищей
Небесам экзамены сдавать.

ПОСЛЕДНИЙ ТОСТ

День уменьшается.
Ну что ж,
Пора и тост произнести нам.
Спасемся ль – не спасемся,
Все ж
Вином, как жизнью,
Угости нас.

Я жажду
Солнца и тепла,
Улыбки матери

საქართველოს
ლიტერატურის
აქადემია

Лучистой,
Мы любим всех,
Но не ждала
Нас благодать
Земли грузинской.

Сограждане!
Кровавый след
Мы не должны
Терять из виду.
Иначе ветер
Хладных лет
По нам
Сыграет панихиду.

И пусть история,
Ножом
Зарезанная, умирает.
Душа моя
Полна теплом,
И в сердце
Роза расцветает.

Вот чаша родины.
Я пью
Любовь и смерть
Из этой глины.
А смерть придет –
И ей спою.
Прощальные
Исполню гимны.

День уменьшается.
Ну что ж,

Пора и гост произнести нам.

Спасемся ль —

Не спасемся —

Все ж

Вином, как жизнью,

Угости нас.

Георгий ГАМКРЕЛИДZE

РОСИНАНТ

Вы ведь знали дивного коня

(Отзовись, ему подобный, где ты?)

По земле галопом он гонял,

И устал от скрюченной планеты.

Потерял, бедняга, аппетит,

И, отмечен черным роком, тает.

Мутными очами он глядит,

И, бессмертный, все же умирает.

На конюшне Суллы не стоял,

Не возил Калигулу в сенат он,

Консульством нигде не козырял,

И Пегасу не был сватом-братом.

Не носил короны и венца,

Золотом судьба не подковала,

Но мечтал, мечтал он без конца,

Высочайших полон идеалов.

საქართველოს
საქართველოს

И когда блестящий Дон-Кихот
С мельницами ветряными дрался,
Росинант окончил свой поход,
И со смертью в сумерках обнялся.

И остались памятники лишь
Росинанту с другом – Дон-Кихотом.
Санчо и ослам его – глядишь –
Вся-то их достанется работа.

ИСТОРИЯ ПУТНИКА

Тебе уж много лет. И жизнь почти прошла,
Надежда вянет, как трава в разгаре лета,
Когда б ты жил во время Грузии расцвета,
То длань Тамар тебе б защитой была.

Где ж милосердие? И помощь не пришла,
Кто убаюкает бурлящий дух поэта?
Стихом янтарным входишь ты в нирвану света,
Как князь Геквар, коров защитник в мире зла.

Ты босиком прошел по свету. Смерти мгла
Застлала очи. В рай земной дороги нету.
Как олененок ты подстрелен. Жизнь прошла,

Надежда вянет, как трава в разгаре лета.
Когда б ты жил во время Грузии расцвета,
То длань Тамар тебе б защитой была.

КОНИ

Солнце лижет этот город языком своих лучей,
На асфальте пляшут тени, как чернила, как смола,
Посмотри на запряженных, на стреноженных коней,
Как они устали видеть наши ратные дела.

Войны, войны, словно волны, по планете расползлись,
Всем грозя уничтоженьем и покоем в вечной мгле,
На своих боках худющих вы таскали вверх и вниз
Чингисхана, Искандера, всех тиранов на земле.

Время отдыха настало. Наступила НТР,
И теперь другие войны, и других зовут солдат,
Здесь господствуют не кони, а ревуший БТР,
И его мотор сверхмощный, что не ведает преград.

Успокойтесь, кони! Больше не придется вам скакать,
По полям, залитым кровью, время новое грядет.
В небесах отныне будет аппарат стальной летать,
А на пашни выйдет трактор, плугом землю раздерет.

УТРОМ У ЗЕРКАЛА

Проснешься, потянешься утром. И, мысли собрав,
Разложишь по полочкам их, народившихся ночью,
Снов темный поток растворится, иссякнет, устав,
У зеркала встанешь, себя лицезрея воочью.

И, медленно волосы глядя густым гребешком,
Увидишь – все реже и реже твоя шевелюра.
Вокруг шелестят – волосок за другим волоском
Не пряди – года. Все приземистей, толще фигура.

И когда блестящий Дон-Кихот
Ты хладному зеркалу гневно бросаешь упрек,
Толкаешь его, словно чайка бьет крыльями воду,
Сотри меланхолию, смилуйся, смилуйся, рок,
И скорби печать, что дарует старенью в угоду.

Стенаешь все горше, острее и глубже беда,
И в зеркале видишь себя одиноким и сирым,
Над трупом родные слезы не прольют никогда,
В волнах утонувшим, подводным оплаканным миром.

Перевод

Владимира САРИШВИЛИ

Тебе уж много лет. И жизнь почти прошла,
Надежда была, как трава в разгар лета,
Когда ты на долгие годы ушел в войну,
Тогда ты был полон надежд и сил и света.
Где ж милосердие? И помощь не пришла,
Кто убаюкает бурлящий дух поэта?
Стихом ягатыным вдохни ты в нирвану света,
Как князь Геквар, король защитник в мире зла.

Прощенья, покаяния, мольбы иль слез
Ты боишься, потому что слышишь в них
Свой темный поток раскаяния,
Как олененок ты подставляешь рога.

И медленно водосы плывишь в тесном
Узвятии, все реже в реке твоих надежд
Вокруг шепчут водосы как дружный волоском,
Не правда – года. Все приземляется, толще фырта.

МЫСЛИ О ТОЛСТОМ

Весь мир с тревогой следил за биением великого сердца. Оно перестало биться, – и все почувствовали какую-то особую, необыкновенную печаль. Как в смерти Толстого, так и в отклике на нее есть что-то беспримерное, неслыханное. Чем объяснить это? И раньше умирали великие мыслители и великие художники, однако такой тяжелой потери не чувствовали. Не так давно сошел в могилу северный гигант Ибсен, и разве его смерть можно сравнить со смертью Толстого?! Что-то было в Толстом, чего не было у других «обыкновенных» гениев. И думается, что это «что-то» было заключено в сложном и своеобразном «я» Толстого.

Что такое это «я»? Толстой, прежде всего, творец, художник: он оставил нам бессмертные создания художественного слова. Но он выше, чем творец: в нем обитало нечто большее, чем обыкновенное художественное начало. Шекспир тоже творец; но и только: творец умер в своем творении: есть Гамлет, есть Лир, но Шекспира нет. Он подобен тому богу, который, по одной восточной легенде, создав мир, тотчас же умер в нем, растворился в созданном. Не таков Толстой: выявив свое творческое «я» в художественном создании, он в то же время остался «по ту сторону» создания; будучи имманентен творению, он в то же время трансцендентен ему. Это «трансцендентное» и есть то «нечто», которое выделяет его от многих гениев и ставит его особо от других. Толстой велик своей личностью. Его «личное» есть самое глубокое в нем и в то же время самое интимное. Невозможно выразить личность, нельзя схватить ее в какой-либо мысленной форме. Тут «знание» не поможет, тут необходимо «переживание»: можно знать, что такое любовь, и тем не менее идея

о любви совсем не то, что сама любовь. Оттого и мыслили многие мудрецы высшую реальность, как «невыразимое», «несказанное», «неизреченное». Этим неизреченным и был Толстой близок миру и дорог ему.

И, однако, желательно, чтоб мы как-нибудь подошли к этому «неизреченному». Гений в своей индивидуальности универсален: жизнь мира переходит в его личную жизнь. Он глубже других видит сущее и яснее остальных созерцает должное. Мировой разлад (то, что есть, и то, что должно быть) в той или иной форме становится основным мотивом трагедии гения. Как преодолевает он этот трагизм? Большею частью, — эстетически: не будучи в силах творческое «слово» претворить в живую «плоть» жизни, гений в своей тоске по «идеальному» (должному) создает искусственный мир, мир символов, мифов и легенд, и актуально созерцает его. В эстетическом созерцании разрешает он свой «выход» из трагического: и «созерцание» отныне становится его художественным действием.

Толстой тоже был художник, который творил искусственный мир, символическую действительность. Но он был больше, чем просто художник, он был и великая личность (в выше установленном смысле), — и сознал он в некоторой глубине своего существа, что художество — это только «знак», символ иной, но подлинной действительности. Душа его, нежная и глубокая, не могла принять символа вне реальности и без реальности, — не могла жить только созерцанием, хотя бы и эстетическим, и психологически вполне понятно, что эта великая душа, в конце концов, отвернулась от искусства и прокляла слово художественное. Тут захотел Толстой «созерцание» претворить в «действие», «слово» воплотить в «акте», — и стал выше гения в обычном смысле, стал мудрецом, теургом (в смысле Вл.Соловьева). Но, спраши-

вається: сумел ли он теургически преобразить жизнь? Стоит только поставить этот вопрос, чтобы перед нами встала во весь рост жизненная драма яснополянского титана, заключительным актом которой и явилось бегство его в одиночество. Да, Толстой не только гениальный художник, но и великий страдалец. Эта последняя сторона его личности может быть охарактеризована, как начало «пророческое»; в этом он соприкасается с такими натурами, как Будда, Магомет и др.; это «пророческое» и есть то «нечто», которое определяет теургическое «я» Толстого.

Да, Толстой выше своего творения: его личность выше его созданий. Такая личность есть некоторая мистическая энергия, которая действует непосредственно и ничем опосредствована быть не может. Послания апостола Павла велики, но «сам Павел» должен был быть выше их: его знаменитую речь в Афинах, конечно, можно «прочитать», но этим разве можно воссоздать живого Павла, обращающего народы?! Это «непосредственное» в великой личности и есть то, что двигает горами и повелевает морям: иначе, как могли простые рыбаки победить весь мир?! Толстой тоже обладал такой мистической силой, которая выявлялась непосредственно. Он сказал: «Не могу молчать!» – и мир обратился в слух. После же него мы можем «вычитать» это «не могу молчать», мы можем указывать, что Толстой «не мог молчать», но, увы, все это не будет иметь той мистической силы. Почему? Да потому, что такая сила обыкновенно умирает вместе с ее носителем. Толстой умер – и весь мир, жаждущий преобразования, грустит у его свежей могилы и тоскует по нему – «живому».

Петербург

(1910)

18 ноября. 1910. Четверг. Вчера получил Ваши открытки. Большое спасибо. Я думал, что забыли. Живется довольно хорошо, хотя сильно нездоровится. Читаю и пишу много. Окончил одну большую литературную вещь. Вероятно, будет напечатано в одном из журналов. Сегодня отправляю «Мысли о Толстом» в «Зак. Обозр.». Прочтите. Встречаюсь с Мережковским и пр. известностями. Познакомился с писателем Вячеславом Ивановым. О нем подробно напишу в груз. газ. «Сахалхо Газети» (м. быть «Дроеба»). Прочтите. Состою членом Рел.-Фил. общ. Буду выступать, сначала в прениях, so weit uber dies¹.

Тоскую по грузинской природе, тут все сыро, туманно, по временам мокро, в общем тут что-то болотистое. – Получаю почти все тифлиссские газеты. – Имени Эристова² я не скрывал: его зовут Михако. – Хочу поехать на Рождество в Финляндию. – Нравится ли Вам эта открытка? Буду присылать открытки в этом роде. – Прошу писать разборчивее. – Часто вспоминаю Вас... Как живете?.. Что Вы читаете теперь? Сердечный привет всем Вашим. Как поживают Варюша и Тamarочка? Хочется их видеть, за три тысячи верст отдалиться... Всего, всего светлого. Еще раз шлю привет.

/Григол/

1 О нем особо (нем.).

2 Эристов (Эристави) Михако (Михаил) Варламович. Эристав Гурии. Потомок Соломона I, правнук Дареджан Соломоновны. В 1910-е годы учился в Юрьевском университете. Позднее, работал помощником бухгалтера в конторе Совета промышленников чигатурского марганца.

«Желаю Вам солнечного счастья,
ибо Вы – от солнца...»

(Из литературного наследия Григола Робакидзе)

Пожалуй, трудно найти другого грузинского писателя, которому жизнь чинила бы столько препятствий. Несмотря на огромный интерес к Григолу Робакидзе, многое в его биографии по-прежнему неизвестно. Дело осложняется и тем, что, к сожалению, до сих пор не удается собрать и основательно изучить архив Григола Робакидзе. Большая часть архива писателя по сей день находится в Швейцарии, однако вопрос его передачи на родину остается открытым. И поэтому любое очередное неизвестное нам ранее письмо или публикация расценивается, как открытие новых страниц биографии и творчества писателя.

Письма Григола Робакидзе, предлагаемые читателю, хранятся в Национальном центре рукописей им. К.Кекелидзе (№ 410). Адресат этих писем – Кетеван Джибраиловна (Дмитриевна) Абашидзе-Амирэджиби (1877-1967 гг.), супруга известного общественного деятеля и ученого (в области механизации сельского хозяйства) Константина Амирэджиби. С ними Григола Робакидзе связывала многолетняя дружба, и писатель был частым гостем в известной своим гостеприимством семье Амирэджиби.

Благодаря этой прекрасной даме письма писателя сохранились и дошли до нас в первозданном виде. Поскольку в советской Грузии имя Григола Робакидзе было табуировано, подпись писателя старательно выправлена, однако присущая лишь ему индивидуальная манера письма не вызывает сомнений относительно автора этих посланий.

Письма датированы 1910-1914 годами, это годы учебы Робакидзе в Юрьевском (нынешний Тарту) университете. В

этих письмах писатель не скрывает своих чувств и мыслей. В Центре рукописей хранится 43 письма к Кетеван Амирэджиби, и некоторые из них мы публикуем в сборнике.

Предлагаем Вам также неизвестную до последних дней публикацию, заголовок которой («Мысли о Толстом» – газ. «Закавказское Обозрение», 1910 г., № 51 от 28 ноября, с.2) упоминается в письмах Робакидзе и, безусловно, привлечет внимание читателя.

Надеемся, что знакомство с нашей публикацией будет небезынтересным еще и потому, что «Мысли о Толстом» появились в первые же дни после смерти Льва Николаевича, а письма Григола Робакидзе к Кетеван Амирэджиби появляются в печати впервые.

Лали ЦОМАИА

Зав. отделом Литературного
музея им. Г. Леонидзе

ГРИГОЛ РОБАКИДЗЕ

(Силуэт)

«20 ноября 1962 года полиция Женевы обнаружила Григола Робакидзе мертвым в собственной квартире. Так как покойный жил один, суд, в соответствии с существующим порядком, опечатал квартиру». В этом коротком сообщении жутко звучит слово «обнаружила». Каждый человек встречает смерть один на один, однако здесь идет речь не только об этом одиночестве... В последнее время Григолом Робакидзе владела особенная печаль. Рассказывают, жил он почти как отшельник, но это было не просто тоскливое настроение. «Сижу на балконе, – записал он как-то в дневнике, – и, задумавшись, тихо растворяюсь в шуме реки... Солнце щедро заливает мою квартиру, хотя оно не такое жгучее, как на родине, когда озаряет уютную виноградную аллею. Увижу ли я вновь... Грузию... И так каждый день оторванный от родины жалуясь я судьбе». В другом месте есть такая запись: «Велению Божьему ничто не может противиться». Но это не было примирением с судьбой.

Говорят, человек создан для мысли. В этом его достоинство. Первейший долг – мыслить благоразумно. Что же касается, с чего начинать, разумеется, с мысли о самом себе, своем Создателе и своем скончании.

Биографическая справка (из воспоминаний писателя):

В детстве в Кутаиси хозяйка (дома, где жил Робакидзе – Р.Н.) «часто посылала к соседям за тарелкой или кастрюлей, или чем-либо иным, что она брала у них на время. Сколько раз я возвращался, забыв в дороге, что именно

мне поручено! Иногда случалось и такое – я возвращаюсь, Текле напоминает мне свою просьбу, ухожу, с полпути вновь возвращаюсь пристыженный и с пустыми руками... Внешне «рассеянный», внутренне «скованный» является мечтателем. И я постоянно отдавался мечтам. Ходил один. Сколько раз одиноко вышагивал я, погруженный в свои мысли, по полям Сатуриа!»

Думать он начал рано, одновременно, конечно, мыслить и рассуждать. Его петербургский сокурсник вспоминал впоследствии: «С нами, учащейся молодежью, он не имел никакой связи, ибо уже был принят в общество «сверхчеловеков». Знаменитые писатели и философы – Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Философов и другие составляли тот круг, который назывался группой «ищущих Бога» (И.Гоголашвили). Позже Рудольф Карман отметит: «Его пугало и сковывало господствующее в мире чувство безбожия... Для Григола Робакидзе последней опорой был Всевышний Бог!»

Так что мысль глубокая, цель еще масштабнее.

Биографическая справка: Как известно, после установления советской власти началась организованная борьба против церкви. Известен не один вариант истории спасения Метехского храма. К сожалению, мало кто знает историю спасения Кашветского храма. Когда о грядущей опасности дали знать протоиерею Калистратэ Цинцадзе, он обратился за помощью к Григолу Робакидзе. Робакидзе использовал все свои силы, авторитет, влияние и сумел спасти храм...

Николо Мицишвили в своем произведении «Эпопея» писал: «В Грузии я оставил большевиков... они огнем и энергией собственной души отметили наше столетие». Известно, как ценилась душа в атеистическом обществе,

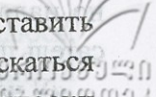
но надо отметить выражение «отметили». Похоже, писатель подразумевал больше, чем то, что выразил словами.

«У нас борются с Богом, хотят его убить. Что же происходит в Америке и Европе? Там Бога не убивают, там он умирает сам. Бог – это вечное горение», – говорит один из героев Григола Робакидзе в романе «Убиенная душа». И там же: «Суммируя этот процесс, получаем изгнание Бога из мира».

Изживание Бога из бытия – новый рубеж культуры, – пишет писатель в другом месте. Именно новый, ибо удаленный от Бога человек оказался лицом к лицу с личными проблемами, приковался к реальному быту с его соблазнами. Соответственно в литературе возникли проблемы отчуждения, одиночества и им подобные. Атеистический запрет или добровольное отдаление от Бога давали один и тот же результат: в пространном мире человек оставался один.

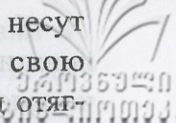
В стихотворении «Большой полдень», опубликованном в одном из номеров журнала «Кавкасиони», Гр.Робакидзе писал: «Спелые зерна сыплются из треснувшего от зноя граната, все ритмы потягиваются в сетях дремы, светлые перекаты вливаются в пурпур пространства, вблизи от Бога мы, багровые, горим, пьянеем».

На первый взгляд, необычный поэтический образ: светлый, треснувший гранат, опьянение багровых, вызванное близостью к Богу. В связи с этими строками вспоминается главный миф древнегреческих мистерий – миф о Деметре и Персефоне. Персефону, дочь Зевса и богини плодородия Деметры похитил бог подземелья Плутон. Потрясенная от скорби Деметра наслала на землю бесплодие. По совету Зевса Плутон отпустил Персефону на землю, но прежде дал попробовать гранат, после чего

Персефона оказалась не в силах окончательно оставить подземелье и вынуждена была периодически спускаться туда. Считается, что душа человека «периодически находится то в низшем мире, то в высшем мире... Душа происходит от бессмертного божественного начала (Деметра), но ее привлекает низший мир, преходящее, и она разделяет его судьбу (подземелье, Плутон). Она вкусила плод преисподней (зернистый гранат, символ множественности) и не в состоянии окончательно оставить ее, найти пристанище в божественных сферах. Периодически она должна возвращаться в мир преходящего, на землю. Миф о Деметре и Персефоне в своем глубочайшем аспекте это миф о рождении, грехопадении и искуплении» (З.Гамсахурдиа). Сулхан-Саба говорит нам: «Адам, человек, угодно мирской, угодно багровый». Багровый – красной тональности. По известному определению, по-еврейски «адам» означает – красный, по цвету той земли, из которой Бог создал первого человека – Адама. Думаю, в вышеуказанных строках далекая связь между гранатом (плод преисподней, символ множественности), багровым (тот же человек, но в данном случае изменивший цвет, а не в той первоначальной целостности) и горением и опьянением вблизи от Бога.

В виде дополнения – гранатовое дерево доминирует в декоре алтаря Кашветского храма, создать который в 1947 году католикос Калистратэ Цинцадзе поручил художнику Ладо Гудиашвили. Тот отказался от масляных красок и решил использовать энкаустический способ – он наносил восковые краски на поверхность стен и потолка горячими металлическими инструментами. Столь сложная работа закончилась в поразительно короткое время – за девять месяцев. Разумеется, каждое

изображение – любой предмет или растение – несут огромную смысловую нагрузку, выполняют свою функцию, хотя бы то же гранатовое дерево, под ченными плодами ветвями его мы видим Богородицу с Отроком. Впоследствии Ладо Гудиашвили отмечал: «Ясно, если бы Кашвети оформлялся полностью, расширились бы и тематика, и сюжеты... В процессе работы попутно я рисовал эти сюжеты и до сих пор храню их, но постороннему взгляду они непонятны. Скорее это эскизы определенных замыслов».

Что касается католикоса Калистратэ Цинцадзе, художник говорил, что «его черты он придал лику одного из апостолов... Это ему очень понравилось».

Герой Гр.Робакидзе (роман «Убиенная душа») находит Бога, которого искал всю жизнь. Искал, содрогаясь от ужаса, тревожась, впадая в отчаяние, вопрошая: «Где ты, Бог?» Этот вопрос воспринимается и как призыв сомневающегося человека, ибо насилие и несправедливость в реальной жизни, убийство и мучение на Божьей земле стольких невинных людей вообще могли заставить усомниться в существовании Всевышнего.

Гора воспринимается как символ возвышения и святости. В финале произведения Тамаз направляется в горы: «Поднимался, как солнце, как звезда. Чувствовал, что удаляется от земли». Человек, размышляющий о чаше святого Грааля, о вероисповедальных, национальных и общечеловеческих проблемах, найдет там Бога и, приобщенный к бескрайним пространствам, крикнет во весь голос – «это Ты, это Ты, это Ты». И в тексте читаем: «Тамаз обращался к Безымянному».

Это религиозное и соответственно традиционное наименование. Безымянный, Странный, Невыразимый –

понятия отрасли, отрицающей христианскую теологическую философию. Приведенный образец не единственный. Можно вспомнить еще несколько примеров:

«Бог останется тайной в каждом в отдельности. Вот и сейчас, в этот миг, в какой-то заброшенной станции незаметно идет работа Безымянного» («Убиенная душа»).

Или – «И среди всех отцов – общий Отец. Безымянный» («Змеиная кожа»).

Или – «Хевисбери высоко поднял голову и, глядя полуоткрытыми глазами в небо, обратился к Невидимому: «внемли мольбе молящего!» («Энгадди»).

Так же молится и другой герой Робакидзе – Миндиа. «Безымянный! Высокий! Почему Ты покинул меня?! Почему оставил?!» («Ламара»).

Еще несколько штрихов из библейской темы.

О символике мифологической змеи писалось неоднократно. Ее образ во множестве сохранился в пословицах, загадках, сказках и сказаниях – сгустках народной мудрости. Позже образ змеи получил значительную нагрузку в творчестве Сулхана-Саба Орбелиани, Важа Пшавела, К.Гамсахурдиа, Гр.Робакидзе и др. Слово «змея» было в определенной степени табуировано, ее синонимы в грузинском – «ухсенебели», «мцурави», «саварцхела», «шавчохиани» и т.д. Если змея открыла тайну рождения людям, то и определила обязательность смерти.

Для всех рожденных физическая смерть неизбежна. Страх смерти преследует как верующего, так и неверующего. Каждый человек осознанно или неосознанно носит этот страх. Философ Иоанн Петрици говорит: «Людам извечно свойственен страх смерти».

И в беде, и в радости грузин поет «Мравалжамиэр» (долгие лета). «Поет с какой-то озабоченностью... Мучит

ли его что-то?! Он словно боится краткости жизни и потому восславляет многие лета или, пройдя многие лета, зовет прошлое время?! Может, правда в том или другом. А может, и в том, и в другом. Бесспорно лишь одно – от «мравалжамиэр» никуда не денешься». Таких людей грузин именует зоркими. Таким и был Гр.Робакидзе.

В Грузии распространены разные варианты песни «Мравалжамиэр». В различных вариациях столетия назад пел наш предок ушедшему времени и непознанному грядущему. Порой песня состояла из всего лишь одного слова – «Мравалжамиэр». Многолетнюю выдержку ограничивал не конечным годом, а бесконечным временным охватом. Вспоминается требование Галактиона Табидзе – «пусть здравствует многие века наш древнейший народ». Или – «многие века пусть рокочет голос».

В виде вставки. Супруга Шалвы Нуцубидзе вспоминает о последних днях его жизни – очень трогательных и вместе с тем необычайно символичных: «Беседовать с ним было уже невозможно. Он лежал безмолвный, с закрытыми глазами, но, услышав, что пришли дети, вдруг оживился, приподнялся, лицо озарилось улыбкой. Он протянул к нам руки. Мы подбежали, окружили его, встали на колени перед кроватью. Он обнял нас и сказал: – Как хорошо, что вы успели, я уже уходил, давайте споем «Мравалжамиэр», и мы вновь будем все вместе!

И начал петь. Дети стали подпевать печальными голосами. Он вдруг опустил руки и снова повернулся к стене».

Каждого человека переполняет особое чувство, когда он становится перед проблемой: быть или не быть. «Смерть похоронена в самой жизни, – считал Д.Узнадзе. – Она возникает с началом жизни и идет вперед. Смерть

таким образом имманентное, а не трансцендентное явление». Как говорят, каждый прошедший день приближает к смерти.

Хотя «судьба сущности в самой сущности, нет истины, стоящей выше этого», – скажет Гр.Робакидзе. В романе «Змеиная кожа» он сошлется на народную мудрость, гласящую: «все, что случилось с Давидом, случилось с его вёдома».

Змея с помощью женщины выполнит задуманное.

«Не скрывала ли женщина элемент змеи в самой себе?» – задается вопросом герой «Убиенной души». А действие развивалось следующим образом:

Ната «оглянулась: Тамаз, оказалось, вскочил и, держа камень в руке, прицеливался.

«Не убивай!» – крикнула женщина.

«Кого не убивать?» – спросил удивленный Тамаз. Камень уже был брошен.

«Змею!» – сказала в ответ женщина, побледнев.

«Откуда ты знаешь, что была змея?»

«Так мне показалось».

По странному совпадению приблизительно такой же эпизод присутствует и в рассказе Эгн. Ниношвили «Кристина».

Разница в одной детали – в первом случае – «была не змея, а ящерица». Сходство, возможно, только внешнее. Известно, что змея считалась покровительницей семейного очага, ее не убивали, а оберегали, даже именовали «госпожой ангелов».

«Импульсы, животворные для героев Робакидзе, приводят нас к выводу – эти герои словно бы познали мир при его сотворении», – писал издатель немецкого литературного журнала «Меркурий» Пешке.

Биографическая справка: Основатель грузинского университета И. Джавахишвили предложил Григолу Робакидзе занять кафедру мировой литературы, но получил отказ.

Один грузинский писатель в наши дни (27 августа 1994 года) писал: «И слышать не хотят о том, что Григол Робакидзе, к несчастью, был апологетом Гитлера и Муссолини». Вам не смешно? Не утвердилась ли в Грузии ходячая острова – не думайте, что я читатель, я писатель. Иначе автор прочел бы у Гр. Робакидзе: «Там (у вас), оказывается, думают, что я гитлеровец. Только два факта. 1. Известная в мире организация в связи с одним событием сообщила (7.06.1955) мне, что не считает мою книжку «нацистской». 2. Будь я гитлеровцем, то не находился бы под слежкой гестапо с середины июня 1941 года до конца войны» (из письма к Ираклию Абашидзе).

«В этой книжке (о Гитлере – Р.Н.) нет и капли нацизма, ее внутренний intention подразумевает совершенно иное, чем это показалось читателям в разгоряченной атмосфере войны. Упомяну также свою книжку о Муссолини, которую те же читатели не вменяют мне в особенную вину, ибо она не выходит за чисто литературные рамки» (из письма к Нико Урушадзе).

«Перед Богом и нацией заявляем, что Гр.Робакидзе никогда не имел никаких взаимоотношений или связей с руководителями Третьего рейха или лидерами (нацистской – Р.Н) партии. Ни с одним из них он не был знаком лично» (Грузинское землячество в Федеративной республике Германии).

Григола Робакидзе считают «нацистом» из-за двух брошюр, которые он написал о Гитлере и Муссолини.

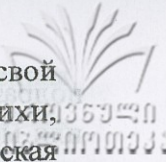
Первую в 1939 году, вторую в 1941. Но никто не считает его коммунистом, хотя в 1924 году в журнале «Кавкасион» он писал, между прочим, о Ленине: «Тот, кто испытал что это такое: свобода, уничтожение рабства, восстановление человеческого достоинства, обновление страны, становление наций, – тот не может не упомянуть имени Ленина, невзирая на свою принадлежность к той или иной партии, различие программ».

Таким образом, Робакидзе в большей степени хвалил Ленина, чем Муссолини – Гитлера, хотя никогда не был ни большевиком, ни фашистом, ни нацистом (К.Инасаридзе).

Американский ученый Леонардо Фокс: «Гр.Робакидзе пленяло понятие – «герой», его отражение в мифологии и в современной эпохе. Этот интерес привел к изучению Гитлера и Муссолини, которых он видел не политическим, а мифологическим зрением».

Фоксу, в отличие от соотечественников Гр.Робакидзе, ясен замысел грузинского писателя. Наверно, лучше прислушаться к авторской оценке этих книжек. Гр.Робакидзе отмечал: «Круг «интеллектуалов» нашего времени не поймет моих книг. Прискорбно, но факт». В приводимом письме к Нико Урушадзе подчеркнуты слова «нашего времени», а «интеллектуалы» взяты в кавычки. С нашей же стороны, как говорится в таких случаях, это тот предел, который не пересекают вместе с оппонентом.

Григол Робакидзе продолжал плодотворную деятельность в эмиграции. Удаленный от Грузии физически и духовно, он никогда ее не покидал. По возможности старался быть в курсе каждого явления и любой литературной новости. Не раз обращался к своему народу («Обращение к грузинскому народу», «Обращение к грузинским писателям», «Обращение к молодежи»).

Работал в различных жанрах: перевел на немецкий свой же роман «Змеиная кожа», создал лирические стихи, «Кавказские новеллы» (1932), романы «Меги – грузинская дева» (1932), «Убиенная душа» (1933), «Зов богини» (1934), «Демон и миф» (1935), «Хранители Грааля» (1937)... Неравнодушный к современным проблемам, он, вместе с тем, созерцал глубины столетий. Далеко не в одном произведении он нарушил временную связь. Это облегчало ему воплотить в художественную форму то, что он хотел сказать. И привлечение исторических фрагментов было необходимо ему для восстановления общей полной картины. Уже в эмиграции в одном из интервью Гр.Робакидзе отмечал: «Народ как живое существо – групповая личность. «Полностью» он не проявляется ни в одну эпоху, однако во всякую эпоху он все «тот же». Грузины, к примеру, в пятнадцатом веке были не такими, какими являемся мы сегодня. Но и они, и мы – грузины».

Еще в 1927 году в первом номере журнала «Чвени мцрлоба» («Наша литература») Гр.Робакидзе писал: «История – личное переживание. Событие, происшедшее тысячу лет назад, – как бы произошло с тобой, а произошедшее с тобой ныне – словно бы случай из далекого прошлого твоего народа. Как гениально сказал Платон, «история» является «воспоминанием». Он вспоминает прошлое и пишет – далекий предок и ближайший родственник продолжение одного существования. Приключение одного конкретного человека само по себе волеется в поток тех событий, который зовется историей других – народа. Об этом он пишет с особым увлечением и заявляет – «история» не просто ворох событий... «История» есть пламенение «целого». Что

подразумевается под «целым»? Народ ведь в большей или меньшей степени сохраняет любое достоинство и любой недостаток, передает их из поколения в поколение, потомству. В романе «Змеиная кожа» писатель устами Таба Табаи молвит:

«Каждый и целое...

Целое – не ворох «отдельных», а их тело.

Каждый в одиночку – словно бы выделенный из целого.

Каждый вместе с другими – как растворенный в целом».

Биографическая справка: В прощальном слове Нино Салиа, обращаясь к покойному писателю, сказала: «Хочу сказать... для характеристики твоей личности о пройденном тобой в течение семи лет аде рядом с парализованной, потерявшей дар речи супругой, о том, как ты ухаживал за ней... Я часто была свидетелем этой страшной картины».

Это было сказано в дни, когда эмигрировавших грузин объединяла общая боль.

Гр.Робакидзе отмечал: «Прямая линия существует только в геометрии». Поэтому можно, разумеется, иногда категорически не соглашаться с писателем в оценке того или иного исторического явления, того или иного автора литературного произведения и т.д. Но об этом в другой раз. Под конец процитирую сказку, приведенную в романе «Убиенная душа».

«Измученные люди пожаловались Богу, нам, мол, выпала очень тяжелая судьба.

Бог послушал и распорядился, чтобы каждый принес в мешке свои затруднения. Так и поступили. Всесильный Бог велел сложить мешки в темном месте. Сложили. Потом Бог приказал каждому выбрать наиболее легкий мешок: оказалось, каждый выбрал именно свой».

Так и герои писателя утешали друг друга – собственная судьба наиболее легкая, поднимаешь то, что сможешь, что осилишь...

...ЗаклЮчить статью хочется словами Григола Робакидзе: «Грузия – раненое солнце. Раненое,.. но все же солнце!»!

Перевод

Геоργია ЧАРКВИАНИ

СТРОКИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

В бытность свою в Женеве, Григол Робакидзе вспоминал историю, рассказанную Иванэ Зурабишвили и, восторженный, называл ее «удивительной». Шел 1888 год. В Грузию прибыл Александр III. Посетил и Кутаиси. Когда он в сопровождении свиты вошел в храм «Соборо», раздался голос епископа Габриэла – «Остановись, российский государь!» Все вокруг застыли в изумлении. «Эта страна, – продолжал он, – драгоценная жемчужина в твоей короне и потому заслуживает иного внимания, иной заботы, требует иного обращения, нежели то, какое есть».

«Остановись, российский государь!» «Не думаю, – говорил восхищенный грузинский писатель, – что в мировой истории найдется аналог подобного обращения к самодержцу. В этих трех словах заключена вся Грузия».

«Вся Грузия» – слова эти, разумеется, можно привязать к конкретному факту, а можно и обобщить. Грузия 1918-1921 годов – всего лишь небольшой период в истории страны. С потерей независимости начинается совершенно новая эпоха и для тех, кто остался на родине, и для тех, кто вынужденно покинул родной очаг и наследственные владения, кого потом назовут грузинскими

эмигрантами. И, как говорят в подобных случаях, тут декорации меняются. Один из эмигрантов (Миндиа Лашаури) позднее скажет, что они «... потеряли все отечество – неба бирюзу, суши изумруд... берег что-то бормочущей Куры... «урмули» идущего в Ахзевани грузинского крестьянина, но дух-то остался при нас, грузинский дух» (Миндиа Лашаури. «Грузинский дух», Мюнхен, 1961).

Известная истина – время расставляет все по своим местам, это объективный исторический процесс, но параллельно с ним происходит переоценка многих фактов и событий.

«История – такое строение, которое ничем невозможно скрыть», – запишет в свою записную книжку Галактион. Тем не менее, на протяжении многих лет этот отрезок времени был не только табуирован, но с ним связана масса лжи.

В истории литературы XX века время определило каждому творцу свое место, и процесс этот еще не закончен. Я имею в виду не только того или иного автора или анализ конкретных произведений, сколько ту часть национальной литературы, которую называют эмигрантской. Грузинские эмигранты писали в основном для грузинских читателей. Издаваемые ими на родном языке (разумеется, и на иностранных) газеты и журналы – подтверждение тому. Благодаря этим изданиям мы можем ознакомиться со стихами, рассказами, зарисовками, мемуарами – перед нами «вся Грузия», Грузия, оказавшаяся за границей.

Однако вернемся в чуть более отдаленные времена: идущие по следам Руставели известные грузинские деятели находятся в Крестном монастыре в Иерусалиме. И один из

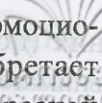

них (поэт Ираклий Абашидзе), стоя в центре храма, внимательно рассматривает все вокруг. Заметив металлический диск, укрепленный в полу (с надписью на асонтаврули*), он окликает Акакия Шанидзе и Георгия Церетели, увлеченных изучением надписей на стенах и фресок... Все трое прочтут следующее: «Будьте тверды и непоколебимы». «Меня пробрала дрожь, — вспоминает писатель, — этот маленький металлический диск будто приподнял и подбросил меня вверх, из-под него словно вырвался глас самоотверженных предков или, возможно, хриплый зов потерявших голос воинов откуда-то из глубины веков» (Ир. Абашидзе. «Палестинский дневник», Тб., 1974).

Сколь строг и категоричен этот призыв: «Будьте тверды и непоколебимы»...

Тема эмиграции требует определенной осторожности не только при анализе художественного текста, но и при оценке либо комментария того или иного явления в контексте сюжета, когда вырисовывается духовный портрет эпохи, выявляются те основные мыслительные постулаты, которые и определяют сферу разных интересов. Появляется ностальгия либо обостренное сентиментальное отношение к прошлой жизни. Эпохальные факты за границей мельчают, постепенно очерчивая и смыкая круг «маленькой» Грузии. Править государством — это ответственность. А как распределить ответственность за поражение? (Ведь существует «чувство исторической ответственности»). Жесток и сложен XX век, век эпохальных сотрясений, переоценки ценностей, разрушения, строительства, трагикомедий, поражений и побед... Век войн.

* Древнегрузинское письмо.

Эмигрантство зачастую рассматривается в эмоциональном аспекте. Когда личностная боль обретает определенные масштабы, она становится интересной для искусства. Появляются новые темы, старые осмысляются по-новому, что хуже всего – интерпретируются банально. Воспоминания тоже обретают новые штрихи. Порой такие, каких не было в процессе восприятия, их потом «прибавила» психика. Воспоминания на пороге старости о жизни, проведенной в собственном селении или городе, совершенно иные, нежели воспоминания людей, очутившихся на чужбине. Очарование заключено не только в самих воспоминаниях, но и в том географическом ареале, с которым они связаны. Эти воспоминания несут в себе весьма мощный эмоциональный заряд. Эмигранты часто ищут убежище в прошлом. И это – не только возврат в биографию, но подсознательно – их «реальное» возвращение в отечество.

31 января 1953 г. в Мюнхене в историческом зале мэрии по инициативе грузинской колонии и политических организаций отмечали день памяти недавно скончавшегося председателя республики Грузия. Один из бывших членов правления Ражден Арсенидзе так завершил свое выступление: «Грузия была и будет независимой» (журн. «Борющаяся Грузия», № 9, 1, 1953). «Была и будет» – настоящее время отсутствует.

Лопнувшая на солнце гроздь винограда,

Вино в квеври сохранившееся!

Судьба короновала зло,

Обрела нас на горе,

Миновало время града, огня и грома,

Белый храм они похоронили.

საქართველოს
ლიტერატურის
აქადემია

Где человек, что обнажит кинжал
И разобьет оковы?
Пульс – словно биение тысячи сердец
И чужбина – гвозди в теле Христа!

Это стихотворение было напечатано в журнале «Картлосი» № 16-18 в феврале 1939 г. в Париже. Поэтическая образность безошибочно точна и выразительна.

Дым, кружась над городами, исчезает,
И в темных улицах я видел много раз
Грозящие моему отчиму
Красное знамя и желтое лицо.

Эти строки принадлежат Симону Бережиани («Отечество на чужбине»). Чужая страна у него ассоциируется с отчимом. В 1982 г. в Париже вышел сборник его стихов. На обложке – три фотографии. Не редкость, когда несколько человек сообща издают один сборник. Но в данном случае автор – один, а фотографии – три разных его отображения. И это не случайно, что под тремя фото, изображающими одного человека – три фамилии: Симон Такашвили, Симон Бережиани и Симон Бергер.

Дело в том, что Эрмиле Такашвили одного из своих сыновей отдал на воспитание сестре своей жены Гогуче Карцивадзе, где глава семьи окрестил ребенка как Симона Симоновича Бережиани. Поэт узнал об этом позднее и ничего менять не захотел. Учился в Тбилиси, в дворянской гимназии. По словам М. Тугуши, его биографа, участвовал во всех сражениях, которые вела грузинская армия в 1918-20 гг., защищая свое государство. Желая получить высшее образование, С. Бережиани отправляется в Европу.

¹ Здесь и далее дан подстрочный перевод.

საქართველოს
წიგნობის ეროვნული
სამსახური

Я стал заложником порывов ветра...
Когда село лежало в сумерках,
Поцеловал забор, поцеловал калитку
И укрылся в частых зарослях кукурузы.
Над разрушенной кладовой
Каркает ворон,
На гнилых столбах
Качается ода...
Родись я тополем,
С тобою мог остаться!

Это стихотворение «Руины» поэт напишет позднее, ибо в путь он, по-видимому, отправлялся, всерьез надеясь, что вернется на родину образованным человеком и приобретенные знания использует во благо своей страны. Однако после известных событий 1921 г. путь домой оказался закрыт навсегда. Поэта одолевают и сомнения:

Но та земля прекрасная, взрастившая меня,
О сердце, что дала тебе помимо слез?

И далее:

И народа печаль, народа слезу, словно горячую пулю,
Я ношу в своем сердце и раны тяжелой отметину;
И не нашелся никто, чтобы омыть нежно рану,
Но все-таки бьется по-прежнему маленькое сердце.

(«Сердце»)

И раз уже оно «все-таки бьется», рождается желание думать и совершать великие дела. 24 октября 1924 г. под руководством генерала Лео Кереселидзе в Париже была основана патриотическая организация «Гетри Гиорги». Одним из активных ее членов и основоположником был С.Бережиани. Организация издавала газету с одноименным

названием под девизом «Грузия прежде всего!». В первом же номере газеты было напечатано стихотворение поэта «Белый корабль». Сотрудниками издания являлись К.Садуа, М.Церетели, С.Цицишвили, В.Цицкишвили, генерал Ал.Эристави, К.Дадиани, В.Эмухвари, В.Нозадзе, Ш.Амирэджиби, З.Авалишвили, Р.Габашвили и др.

Зачем размахивать словом воздушным, взвешенным
золотником,

Когда вокруг меня колочая железная проволока!

Для чернил я выжал густую грузинскую кровь,

Вместо пера у меня в руке острый меч грузинский! –

пишет С.Бережиани в стихотворении «Певец». Сразу же замечу, что его литературное наследие не отличается тематическим разнообразием. Единственная боль, единственная печаль и забота, поглотившие все его существо, – любовь к отечеству. Мысли о Грузии, тайная печаль, порой превращающаяся в невыносимую муку, находят выход в поэтических строках.

Известны два небольших сборника С.Бережиани. Первый под названием «Записи» был издан в 1943 г. в Берлине в серии полковой библиотеки грузинского легиона в издательстве газеты «Сакартвело». Второй – под названием «Стихи» был напечатан в Париже в 1982 г. и посвящен, как свидетельствует надпись, «Памяти грузин, погибших в освободительной борьбе за Грузию во время Второй мировой войны». Помимо двух сборников, Бережиани часто печатался на страницах периодической печати.

Открой мне дверь и не гляди враждебно,

От друга глаз не отводи, красавица... Позволь

С горами, чащами твоими как прежде поздороваться:

Туманом Бахмаро окутать сладкую мечту.

В отчаянии обращается он к родному уголку, стихотворение так и называется «Гурии». Он удивлен тем непониманием, которое встречает на каждом шагу, в изумлении спрашивает в который раз: «Как? Ты не понимаешь меня?» Это противостояние принесла несовместимость убеждений, которая и определила поступки обеих сторон. И все же поэт идет на уступку: «Не сердись! Не пойдем мы, старые, новых». Здесь не упоминается ни революция, ни пролетариат, ни угнетенные, а затем «освободившиеся» труженики. Воображение его, насыщенное грузинским обаянием, подразумевает совершенно иное.

Да, ты прав! Я люблю поля, вино Чхавери,
Кабалахи на голове... и сокола на руке.

Все это говорится не ради создания экзотики. И в стихотворении «Бессмертие» он использует те же атрибуты, но уже с другой целью:

Как умру, надень на меня чоху,
Повяжи мне голову белым кабахахи,
На могиле расстели ковром
Полевые цветы с зеленой травой.

Поэт никак не может расстаться с последним желанием – быть ближе к родной земле:

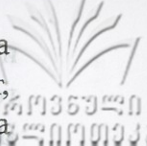
Но если двери дома закрыты предо мной,
Если от меня живого нет проку, прими меня мертвого.

(«Гурии»)

И еще одна просьба:

Навестите меня. Спойте песню сладкую, приятную,
Наши «Надури», «Четыре колыбельные»,

«Хасанбегура».

В своем прощальном слове на похоронах Николоза (Коки) Дадиани С.Бережиани сказал: «Грузия победит, воскреснет, как распятый Христос, и все, кого судьба обрекла на упокоение в чужой земле, вернуться на родную землю. Будущая Грузия примет их мученический прах с большими почестями». Затем вытащил из кармашка чохи покойного патрон как памятную для грузина вещь и обратился к нему, объясняя свой поступок: «Батоно Коки, прощаясь с вами, я позволил себе вытащить из вашего кармашка патрон... Он имеет двойное назначение, как вы мне говорили: украшение чохи и оружие на войне, патрон для кремневого ружья. В сегодняшние не рыцарские времена ваш патрон не сгодится, но останется как память о тех грузинах, которые прожили свою жизнь красиво и достойно» («Картлоси» № 19-23, V, Париж, 1939).

Эти слова были сказаны в мае 1939 г. Вскоре началась Вторая мировая война, с объявлением которой Симон Бережиани вместе с другими взял в руки оружие. Не знаю, хранился ли у него тот патрон, но дух воинственный в нем горел.

О последних годах его жизни биограф писал: «Большие перемены настали вдруг, неожиданно. Великая Германия, представшая перед миром с лозунгом «Новая эпоха для Европы», напала на Россию – рассадник варварства, используя весь свой военный потенциал. Она будет разгромлена, Советский Союз, сколоченный благодаря палаческой диктатуре, будет разрушен, взойдет солнце над поработанными, угнетенными народами, и вновь вместе с другими воскреснет красавица Иверия... думали мы» (Берлин, 1943 г.). О том же мечтал, наверное, Симон Бережиани, однако его подвело здоровье. В Румынии у поэта проявились признаки душевной болезни,

и он оказался в больнице. След его теряется в военном госпитале... Третье фото на обложке сборника – Симон Бергер – так было записано в его военном билете. Могила поэта по сей день неизвестна, сохранилась лишь поэзия на страницах грузинской эмигрантской прессы.

Смерть – на родине, смерть – на чужбине – вроде бы ничем не различимы. На первый взгляд, да, но на взгляд поверхностный. На самом же деле между этими смертями – огромная разница.

«До свидания, моя страна. Ничего твоего я не забираю, кроме пяди земли и сердца, полного к тебе любви. Я не прощаюсь, не хочу бросать на тебя последний взгляд. Хочу быть достойным тебя, и пусть одна горсть песка из твоей почвы останется талисманом на моей груди» (Николо Мицишвили. «Эпопея», книга I, 1928). Это думы не только одного человека. Каждый, кто покинул Грузию, носил в нагрудном кармане горсть родной земли. Размышление-молитву Н.Мицишвили мог произнести любой эмигрант: «Я часто думал впоследствии: эта горстка земли вернет меня с миром на родину».

Смерть на чужбине еще более обостряла все чувства. Поникшие, следовали эмигранты за похоронной процессией. Каждый умерший становился значительной фигурой, ибо еще одного грузина предавали чужой земле. Эмигранты скорбели о каждой смерти и становились сопричастны ей. Неизвестный становился им чем-то близок. Возможно, своей смертью?!

У Григола Робакидзе есть одно раннее стихотворение под названием «К родной земле». Оно не содержит в себе трафаретных слов и привычного настроения. В строфах читаются совершенно иной настрой и иные краски:

Мертвые окрестности, обгорелых теней уголок.
 Древняя молельня, аромат увядшего лавра,
 Печаль могилы, расслабленность и гниль,
 Пред сиротливой иконой заплаканная свеча медовая.

Кружево паутины, шелест летучей ночи, молчание послушника, мокрая улитка, молельня, скорбь могильная – эти образы своего рода подготовка к определенному высказыванию:

Упокоят в этих стенах меня, завернутого в саван
 покойника,
 Будут сожалеть обо мне, а больше всех Лашарский
 всадник –
 И раздастся сладкоголосая песня «Султа-тана».

Это не просто смерть лирического героя. Поэт рисует дисгармонию иного масштаба:

Падет в окно мертвый луч солнца –
 На охладевший лоб падет, горько и хладно.

Мертвый луч и мертвое тело. Финал стихотворения – монолог, обращенный к родной земле:

Только ты знаешь,
 Родная земля, для чего я горел.
 Последнюю
 Прими от меня жизни каплю:
 Тихую и бессловесную –
 И вышей, вдыхая.

«Кто потерял отечество, тот потерял все», – такими горькими словами начиналась одна из статей, опубликованных в газете «Тетри Гиорги» (№ 16, II, 1929). С ними перекликаются строки стихотворения, напечатанного на страницах еженедельной газеты, издаваемой грузинским легионом («Сакартвело», 16.08.1942 – 12.07.1945, Берлин):

Закрылись двери девяти небес,
За сновидением я следую к тебе...
Со своими древними крепостными руинами,
Эх, Грузия, вновь привидься мне!

Вообще символика сна в эмигрантской поэзии очень интересна. «Видение» сна создает для писателя неограниченный ареал описания различных художественных миров и пространств. Материал осознания сна составляют зрительные образы. В снах оживает прошлое. «В чужой дали» – эта фраза не так редка в лексиконе поэтов. Посему можно выделить тему под названием: за границей. Здесь также подразумевается двоякий смысл – оторванный от отечества эмигрант и неосознанный ареал сна.

В 1987 г. выходящий в Париже журнал «Гушаги» (№ 12, II) напечатал стихотворение «Сон» Гиви Шаорели (псевдоним известного поэта-эмигранта, врача и журналиста Гиви Комахидзе – Р.Н.). Поэт видит во сне родное село Никорцминда. Ареал сужается еще больше: сельский дом, двор...

Во сне увидел я родимое
Село,
Никорцминда, Богом благословенное,
Красивое и прекрасное...

Поэт мечтает увидеть членов семьи. И переживает во сне так же, как в действительности. Ему все там знакомо (он описывает его таким, каким помнит, конкретные же изменения нужны ему для осуществления другого замысла).

Я спешил... И вот, наконец,
Показался сад,

Но что я вижу: погигло
Там все,
Сорванная калитка и
Свод зала
Не узнать... Там все
Изменило цвет.
С замиранием сердца подбежал я
К дома опорам
И заглянул в полуоткрытые
Двери.

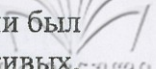
Контраст нужен поэту, чтобы подчеркнуть сказанное: все вокруг уничтожено, все свидетельствует об опустошении. Надежда на встречу с семьей оказалась тщетной. Встреча с членами семьи – невозможной. Единственное, что его встречает – безмолвие. В этом царстве безмолвия поэт не сумел ни крикнуть, ни позвать:

Эй, где вы, почему прячетесь,
Где у вас сердце...

Во сне часто так случается – хочется кричать и не можешь, хочется бежать и не можешь двинуться с места. Онемел и персонаж стихотворения, не смог издать ни звука. Смог лишь заплакать, опустившись на колени. Каждый человек после дурного, тем более кошмарного сна, мечтает, чтобы он сбылся по-доброму. И в стихотворении, естественно, выражается та же надежда:

Может быть, по-хорошему сбудется
Для нас этот сон.

Хотя стихотворение было напечатано в Париже, написано оно намного раньше – 15 июня 1955 г. в Нью-Йорке. После ознакомления с эпистолярным наследием Гиви Комахидзе становится известно, что к моменту

написания стихотворения его родной дом в Грузии был продан (бабушки и родителей уже не было в живых, осталась лишь сестра). Поэт, естественно, в тот момент ничего не знал об этом, однако интуиция или травмированная психика подсказала ему, что творится что-то недоброе. В психологии принято, что мать – это архетип, связанный с местом происхождения, природой, с тем, что создает психологическую сферу, тело, в котором мы находимся или часть которого представляем (Юнг). В грузинской эмигрантской поэзии в отношении к отечеству постепенно высвечивается как один из обязательных компонентов образ матери. Из обобщенных образов мать конкретизируется в самого близкого человека, родительницу. В сборнике Георгия Гамкредидзе «Поздняя страда» (Сантьяго де Чиле, 1960) напечатано одно из его лучших стихотворений «Старая записка или мамино письмо».

Дорогой сынок!

Горькая слеза орошает мне лицо,

Когда я пишу тебе это письмо,

горит мое сердце,

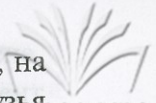
Мое желание –

еще разок бы увидеть тебя –

В уголке сердца

навечно упрятано.

Каждая мать скорее взвалит на свои плечи любые тяготы, нежели положит на весы будущее своего сына. Тоску, которую испытывает мать, перекрывают еще больший страх и просьба: «Мальчик мой, не возвращайся!» – ибо путь домой чреват опасностями. Семидесятилетний отец, снедаемый страданием, ходит с костылем,

вздыхая и стеная. Виноградник зарос терновником, на колокольне каркает стая ворон, а если он вернется, друзья не смогут встретить веселым застольем, не смогут открыть кувшины с вином и зажарить на рождество ягненка. И здесь его заменяют старые, покинутые им вещи.

Часто будят меня

вспоминания сладкой истомой,

Твои шерстяные носки и

обувь, в сундук сложенные,

Не приезжай, сынок!

Наказываю тебе мама твоя, Мариам;

В Грузии

нет для тебя места.

Хотя для матери нет ничего невозможного. Она всегда находит выход. Время остановилось и нет расстояний. Во сне исчезают любые препятствия, желание матери исполняется:

Часто вижу

ночами сон приятный:

Будто ты вернулся,

отворил калитку,

Заходящее солнце

одевает окрестности в кизилового цвета

одеяние,

И с молебни

вновь доносятся горестные колокола.

Я с уважением

привечаю твою жену

И радостно

целую внуков.

На дворе насадка
с цыплятами,
Корова с белыми боками
и теленок,

И в моем омертвевшем сердце
вновь зажигается свет надежды.

Видения и желания, как кадры кинофильма, сменяют друг друга. Восприятие намеренно замедлено. Это та желанная перспектива, которую мать (или автор) готовит своему сыну (либо герою): он возвращается на родину с созданной семьей и наследниками и встречает то, что в обычной обстановке сохраняет свой естественный облик (корова, цыплята...). Хотя «заходящее солнце», «горестные колокола» подспудно утяжеляют сон – он достаточно тягостен; он – отражение реального настроения, которое не стирается и во сне.

Уставший от эмоций лирический герой (стихотворение Г.Кипиани «Черные часы») вспоминает ночью предыдущий сон, хотя ощущения его еще не стерлись:

О... этот сон... Что было той ночью...
Хотя бы в том сне кто-нибудь убил меня...

Хорошо знакомые картины обретают в экспозиции новую нагрузку и эмоции. Персонаж видит во сне тот мир, который не раз видел в жизни. Жизненная реальность и реальность сна на сей раз сливаются для него в одну.

Сельская девочка гнала коров,
обочины дороги взывали к «Урмули»...

Прошел я полем, орошенным росой.
Зелеными коврами двory стелились,
Белые гребешки волн нес Риони,
на берегах его скалы раскинулись.

В отличие от мечты явления, происходящие во сне, не зависят от нас и не считаются со временем в момент его прерывания, за исключением, разумеется, факторов раздражения извне (шум, крик), прерывающих сон. В нашем случае эти обстоятельства исключены, ибо автор сам решает – прервать или продолжить сон персонажа. Стихотворение и в то же время сон продолжается:

Открыл я дверь разрушенной хибары

и там увидел мать-старушку,

Похудевшая, она на стол положила голову

и взглянула на меня...

Испуганно вздрогнув, удивилась:

– Ты, сынок? Скажи быстрее...

Я заплакал, надо бы поцеловать ее...

Часы стыдливо зазвенели...

Желание застыло на высохших губах.

Больную мать хотел я приласкать...

Так закончился сон той ночи,

более желанный, чем действительность.

Перемещение во времени и пространстве осуществилось. Настоящее для поэтов-эмигрантов – тяжело и неприкрашенно обыденно. Желаемое не может изменить реальности – похудевшая, больная мать, склонившая голову к столу. Перспектива? Автор не смог солгать и при определении будущего. Он проснулся разочарованным. Это наиболее частый сон каждого эмигранта. Не случайно и заглавие стихотворения – «Черные часы». Вообще, если черный конь во сне воспринимается символом смерти, то черная птица – существом, предвещающим зло и черную судьбу, черные часы приближают минуты испытаний и опасности, которые несут несчастье. Поэтому желанная смерть в начале стихотворения

равносильна призыву этого времени и воспринимается вполне естественно...

Грузинская эмигрантская поэзия разносторонняя и многообразная. Невозможно в рамках одной статьи исчерпывающе рассказать о каком-нибудь авторе (Гр.Робакидзе, Г.Гамкрелидзе, Г.Кипиани, Ак.Папава, С.Бережиани и т.д.) или теме... Хотя бы – о легионерах. В еженедельной газете грузинского легиона «Сакартвело» имелась рубрика «Творчество добровольцев». Они – добровольцы и на войне, и в литературе. Вот один образец – доброволец Д.Моцаметели посвящает специальные строки грузинскому флагу. Стихотворение так и называется «Грузинскому флагу». Что может быть для солдата более значимым, вдохновляющим, требующим защиты...

Ты окрасился в три цвета:
Красный, белый, черный,
Величие народа, солнечный,
Мы сражаемся за тебя!

Воины мечтают увидеть этот флаг реющим. Они не представляют будущего под другим флагом. Стихотворение написано ученической рукой и, возможно, несовершенно по форме, но его отличает одно достоинство – искренность.

Кто позабудет тебя? Никто,
Тебя любит народ,
Ты был, есть и будешь
Раненого сердца бальзамом.

Реальное отечество превратилось в «страну мечты». Находясь вдали от родины, солдат, тем не менее, неразлучен с ней:

Пройдет время, взойдет солнце,
Исчезнут черные тени,
И на груди у страны моей мечты
Ты будешь реять!

...9 апреля 1991 г. был подписан Акт о восстановлении независимости Грузии, церемония происходила на фоне флага, принадлежавшего Какуце Чолокашвили и привезенного в Грузию Александром Сулханишвили.

«...Мои кости должны лежать в грузинской земле», – сказал он в тбилисском аэропорту 19 октября. Член отряда К.Чолокашвили, он вернулся на родину 94 лет от роду, откуда вынужден был эмигрировать после поражения восстания 1924 г. Тогда А.Сулханишвили было 28 лет.

Вернувшегося в Грузию А.Сулханишвили встречало множество людей... в аэропорту реяли флаги кизилового цвета, их держали в руках молодые люди, приблизительно того возраста, в каком он оставил родину. Это было выражением сочувствия. Народ встречал своего дальнего и в то же время близкого соотечественника. Внутренняя готовность была налицо. Впрочем, для человека, прожившего более полувека вдали от родины, подобный эмоциональный стресс был тяжким испытанием. Сказалась и тяжелая болезнь. 11 ноября тело А.Сулханишвили было предано родной земле.

Хочу отметить один факт: оружие, принадлежащее К.Чолокашвили, в настоящее время находится в Государственном музее Грузии. Символичны или историчны возвращенные реликвии, решит будущее... Что же касается флага, к сожалению, после январских событий 1992 г. он был утерян. Знамя К.Чолокашвили и его соратников исчезло... Оружие грузин, боровшихся за независимость Грузии, начала XX века вернулось на

родину, флага же – нет! Может быть, временно? Историческая драма не может закончиться так...

Любви

Нам никогда не хватит,

Ее не существует меры веса;

Безгранично

Царство любви

Неба и земли

Таинственного ложа;

Сердце посвящу вам,

Любовью исполненное.

Я обошел весь мир –

Моря и сушу,

Любовь

Спасет даже Бога.

Поэты

Всех стран, соединяйтесь!

(Г.Кипиани «Поблагодарю»)

Не скажу о «всех странах», но Грузия, раздираемая на части, должна восприниматься и рассматриваться как одно общее, цельное политическое и культурное пространство. Это – «вся Грузия!»

Перевод

Майи МЕРАБИШВИЛИ

КАЛИСТРАТЭ И НИНО САЛИА

Когда ранней весной 1987 года, находясь в Париже, я посетил в Левиле грузинское кладбище, тамошние грузины указали мне на одну могилу – здесь, мол, похоронен Калистратэ Салиа.

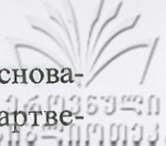
– Но почему же нет надписи на могильном камне? – спросил я.

– По просьбе-завещанию покойного и твердому убеждению его супруги госпожи Нино последней обителью Калистратэ Салиа должна стать Грузия. Поэтому и нет надписи на могильном камне! – сказали мне в ответ.

Верили, не сегодня – завтра это произойдет! И в 1988 году заветная мечта исполнилась: 27 февраля, в субботу, святая земля Дидубе приняла останки Калистратэ Салиа...

* * *

К сожалению, литературно-научное наследие и заслуги работавших за рубежом грузинских писателей и ученых (исключая Эквтимэ Такаишвили) все еще в недостаточной степени оценены и изучены. Сказанное не следует понимать так, словно в данном направлении мало что предпринято, но предстоит сделать значительно больше!.. Калистратэ Салиа родился 28 августа 1901 года в селе Джгали в бедной крестьянской семье, более восьми десятков лет шел по труднопроходимым дорогам жизни, верно служил родной культуре, обретая последний приют

в Париже... Он скончался, будучи редактором-основателем имевшего международный авторитет карвелологического журнала «Беди Картлиса» («Судьба Грузии»), почетным доктором Парижского католического института, доктором университетов Лувени, Осло, Бордо и Бамберга, членом общества Азии, исторического и лингвистического обществ в Париже, византинологического общества, вице-президентом Международной организации научной прессы, членом Академии средиземноморских стран, почетным академиком грузинской Академии наук...

Калистратэ Салиа поначалу получил образование на родине – учился в начальных школах Джгали и Зугдиди, затем в Тбилисском университете слушал лекции Иванэ Джавахишвили, Корнелия Кекелидзе, Филипэ Гогичаишвили, Шалвы Нуцубидзе... В конце 1921 года он находился в Германии, занимался в Берлинском и Галлейском университетах. В 1924 году переезжает во Францию, поселяется в Париже, поступает на гуманитарный (историко-филологический) факультет Сорбонны, который заканчивает в 1927 году... Затем – кризис в Европе, Вторая мировая война, оккупация гитлеровцами Франции, наконец, свержение фашизма и наступление новой эры в жизни человечества...

Теперь трудно судить, чего бы достиг Калистратэ Салиа, каковы были бы результаты его самоотверженного труда на благо родной культуры, если бы его и основанный им журнал с самого начала не поддержала госпожа Нино Курцикашвили-Салиа, верный друг Кале, истинная супруга, издававшая «Беди Картлиса» на

собственные средства и опубликовавшая на страницах журнала не одну весьма интересную статью...

Журнал «Беди Картлиса» был основан в Париже в 1948 году и до 1957 года выходил только на грузинском языке. После 1957 года печатался ежегодно на французском языке (отдельные исследования на английском и немецком) и носил название «Беди Картлиса, ревью де картвелологи». Его издание прекратилось в связи с кончиной Калистратэ Салиа.

Нино и Кале объединили вокруг журнала известных иностранных картвелологов, в его научный совет входили: Юлиус Асфальг, Иосиф Молитор, Карл Горст Шмидт, Жорж Думегиль, Ренэ Лафон, Жан-Пьер Май, Франсуа Графен, Иветт Гримо, Бернар Уттье, Николь Тьер, Жерар Гарит, Мишель ван Эсброк, Дэвид Ланг, Ганс Фогт, Лайош Тарди, Гертруда Печ...

«Беди Картлиса» был единственным периодическим научным картвелологическим изданием за рубежом. Наряду с иностранными картвелологами на страницах журнала широко печатались видные представители грузинской советской науки. В разные годы в нем публиковались исследования и статьи К.Кекелидзе, А.Шанидзе, Г.Церетели, Ир.Абашидзе, Т.Гамкрелидзе, Г.Чубинашвили, Арн.Чикобава, Ал.Барамидзе, С.Джикия, Ш.Дзидзигури, Г.Джибладзе, Ш.Амиранашвили, Ел. Метревели, К.Ломтатидзе, В.Беридзе, К.Церетели, А.Апакидзе, Г.Читаиа, С.Цаишвили, В.Бардавелидзе, М.Чиковани, И.Табагуа, И.Мегрелидзе, Ал.Глонти и др. Печатались аннотации их работ, рецензии на исследования, научные обзоры... Говоря словами Григола Абашидзе,

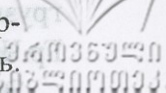

«супруги Салиа сделали для грузинской науки и культуры столь же большое и благородное дело, сколь и столпы старой грузинской литературы на Афинской и Синайской горах».

В 1971 году, когда Калистратэ Салиа исполнилось 70 лет, известные зарубежные картвелологи Юлиус Асфальг, Жерар Гарит, Франсуа Графен, Ренэ Лафон, Дэвид Ланг, Ирэн Меликов, Шарль Мерсье, Иосиф Молитор, Гертруда Печ, Карл Горст Шмидт, Ганс Фогт в совместной статье оценили деятельность журнала «Беди Картлиса» и научные заслуги его основателя и редактора:

«...Не так давно число лиц среди иностранцев, серьезно заинтересованных картвелологией, было незначительным. Как известно, Грузия была представлена мировому сообществу не так, как заслуживает ее история, прошлое и сегодняшнее культурное богатство.

Ныне положение резко изменилось. Все больше и больше европейских и американских ученых изучают язык, литературу, историю и искусство народа Грузии, а также других кавказских народов. Грузинский язык и литературу преподают во многих университетах. Исследование кавказских языков развивается повсюду. В этом деле большую роль сыграл редактор журнала «Беди Картлиса», который в текущем году отмечает 70-летие со дня рождения. Калистратэ Салиа 15 лет назад основал «Беди Картлиса», сумел собрать вокруг журнала всех картвелологов и кавказоведов. Он смог установить необходимый контакт между исследователями, работающими в Грузии и за ее пределами, пробудил у ученых интерес ко всестороннему изучению цивилизации этой легендарной страны.

Калистратэ Салиа постоянно увеличивал объем журнала, поднимал его и без того высокий научный уровень. Первоначальный 64-страничный журнал он превратил в научное издание, пользующееся международной известностью и признанное в научных кругах обязательным зарубежным печатным органом для кавказоведов и кавказоведов...

Необходимо также отметить труды самого Калистратэ Салиа по вопросам истории и литературы Грузии. Наш коллега и друг Калистратэ Салиа добился всех этих результатов благодаря поразительной самоотверженности и неиссякаемой энергии...»

Действительно, Калистратэ Салиа – автор нескольких десятков трудов, опубликованных на французском и немецком языках, среди которых необходимо отметить: «Грузинские монахи и грузинские монастыри за рубежом», «Происхождение династии Багратиони», «Южная и Юго-Западная Грузия», «Грузинская литература», «Краткий обзор грузинско-византийских взаимоотношений» и др. Интересные статьи посвятил он видным представителям грузинской литературы XX века – Н.Лордкипанидзе, М.Джавахишвили, Г.Табидзе, К.Гамсахурдиа, Г.Леонидзе, И.Абашидзе...

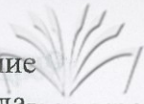
Но особо следует отметить изданную в Париже 550-страничную «Историю грузинского народа» (на французском языке), которая охватывает историю Грузии с незапамятных времен по 1917 год. Как сказано в предисловии, автор в основном опирается на труды И.Джавахишвили, Н.Бердзенишвили и С.Джанашиа, в частности на составленный ими учебник. К книге приложены принадлежащий автору обзор грузинской литературы, а также очерки о грузинском искусстве и

грузинской музыке, написанные В.Беридзе, И.Гримо и Гр.Чхиквадзе.

Этот монументальный труд Калистратэ Салиа вызвал большой резонанс. В 1980 году ему была присуждена премия Академии наук Франции, а многие иностранные картвелологи (Г.Фогт, Ф.Графен, К.Вивиен, Л.Тарди, М. ван Эсброк, Л.Магаротто, Б.Уттье и др.) посвятили книге восторженные рецензии. Например, известный ориенталист, специалист древнегрузинского и древнеармянского языков, профессор Парижского католического института Жан-Пьер Маи писал: «Французский читатель впервые сможет прочитать написанную доступным для каждого стилем историю древнейшей нации с самого начала (предполагается, оно уходит во второе тысячелетие до н.э.) до наступления нашего столетия». Весьма впечатляюща последняя фраза рецензии профессора Маи: «В определенном смысле этот труд К.Салиа является нравственным портретом нации». Вскоре (1983 г.) «История грузинского народа» Калистратэ Салиа вышла и на английском языке. Книгу перевела известный картвелолог и переводчица Кетрин Вивиен.

Весьма ценный дар преподнесли Нино и Калистратэ Салиа Институту рукописей им. Кекелидзе – это приобретенный на собственные средства, состоящий из нескольких тысяч томов драгоценный книжный фонд. Туда же вошли поступившие из архива Салиа рукописные документы первостепенного значения. Для успешного завершения этого деяния немало потрудились тогдашний президент нашей Академии Илья Векуа и руководители Института рукописей академик Елена Метревели и Лапа Джанашиа, а также известный кинодокументалист Резо Табукашвили...

Ныне мы испытываем нравственное удовлетворение от того, что Калистратэ Салиа при жизни ощутил благодарность грузинского народа. Когда в 1983 году его единогласно избрали Почетным академиком АН Грузии, в письме к президенту Академии Евгению Харадзе Калистратэ Салиа писал:

«Господин президент!

Чрезвычайно взволнован уважением, оказанным мне высшим авторитетным научным и культурным центром моей Родины. О подобном признании я не мог и мечтать. В пору сумерек моей жизни это воодушевляет меня до последнего вздоха продолжать десятки лет назад начатое во Франции дело.

Прошу принять глубочайшую благодарность за избрание и от моего имени передать мою признательность также всем академикам, согревшим мое усталое сердце такой большой радостью».

Отныне преисполненное любви к родине сердце Кале Салиа нашло обитель в родной земле. Большого он и не просил!

Перевод

Георгия ЧАРКВИАНИ

ОБМАНУТАЯ НАДЕЖДА

Приближение Второй мировой войны, особенно ожидаемое противостояние между Германией и Советским Союзом, вызвало необычное оживление среди грузинской эмиграции. В то время политическая эмиграция была не только разделена на партии, но и внутри партий раздроблена на множество фракций и групп, что в сущности исключало возможность разработки единой политики и согласованных действий. Каждый партийный или фракционный лидер по-своему представлял роль и значение эмиграции в борьбе за освобождение Грузии. И вновь не удалось объединить эмиграционные силы и создать общий грузинский национальный фронт.

Социал-демократическая партия по-прежнему пыталась восстановить независимость Грузии с помощью социалистического интернационала, активно поддерживая эмигрировавшее правительство в стремлении «выполнить национальную задачу» и надеясь, что оно «непоколебимо и стойко» будет находиться на своем посту («Брдзолис хма», 1939, № 10).

В сентябре 1939 года грузинское эмигрантское правительство официально распространило меморандум, в котором подчеркивалось, что «в начавшемся военном конфликте демократическая Грузия находится на стороне союзников».

14 февраля 1940 года Ноэ Жордания заявил: «Нельзя ждать освобождения Грузии при поддержке Германии, которая сама бесцеремонно нарушает независимость других государств. Наше будущее было и будет связано с демократическими государствами, так как только они

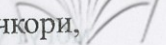

могут уважать свободу других». (Н.Киквадзе. Газ. «Дрони», 1993, № 18).

Еще раньше, летом 1938 года в директиве Ноэ Жордания, пересланной в Грузию при посредстве эмиссара С.Гогиберидзе, отмечалось: «Народ Грузии не должен обгонять событий, но не следует от них и отставать», то есть «пока на территории Закавказья находятся советские войска, в порядке дня не может быть вопроса о вооруженном восстании, потому что следует избегать лишних жертв». Н.Жордания разъяснял угрозу грядущей опасности, разоблачал природу нацизма, его устремлений и предупреждал грузинское население не подпадать под влияние гитлеровской пропаганды. «Готовится страшная катастрофа – вторая мировая война, Советский Союз примет участие в этой войне. Вы, грузины, забудьте... раздоры и попытайтесь спасти нацию от физического уничтожения», – призывал он. (Газ. «Литературиლი Сакартвелო», 1991, № 43).

Объявление войны разные круги грузинской эмиграции встретили по-разному. Грузинские социал-демократы, с самого начала отличающиеся антигитлеровской направленностью, спешно стали покидать Париж. Многие наши соотечественники добровольно вступили во французскую армию и отправились на фронт. Бывшие юнкеры и другие грузинские воины снискали себе славу, воюя вместе с поляками. Но была и другая, прогермански настроенная часть эмиграции, с восторгом встретившая первые военные успехи вермахта.

Инициатива сближения с этим кругом грузин принадлежала немцам. Еще до начала войны с Советским Союзом по поручению шефа военной разведки Германии – абвера – адмирала Канариса в Париж прибыли профессор Ганс Раупах и доктор Вернер Маркет. Они встретились с видными руководителями грузинской эмиг-

рации, в том числе с Ноэ Жордания, Евгением Гегечкори, Спиридоном Кедиа и другими, однако оперативная связь была установлена с молодежным крылом эмиграции.

Наибольшую активность проявил Михаил Кедиа, который согласился на сотрудничество с абвером и приобрел большое доверие данного ведомства. Нацисты нашли опору и среди членов грузинской национальной организации «Тетри Гиорги».

По утверждению известного грузинского эмигранта, непосредственного участника упоминаемых событий Александра Цомае, взаимодействовать с немцами Михаила Кедиа уполномочили Ноэ Жордания и Евгений Гегечкори (А.Цомае. Избранные произведения, Тб., 2000, стр.280-284, на груз. яз.). О том же свидетельствуют близкие к немцам деятели грузинской эмиграции Михаил Кавтарадзе и особенно Гиви Габлиани. Последний для большей убедительности ссылается на несколько документов (жур. «Ивериа», 1981, № 24, Париж, на груз.яз.).

Бывший студент Гейдельбергского университета Михаил Кедиа был одним из инициаторов создания грузинского военного соединения – десантного спецотряда «Тамар-I», который с 1940 года комплектовался на территории Франции (спустя некоторое время из грузинских советских военнопленных немцы сформировали подобный отряд «Тамар-II»).

Те, кто знал Михаила Кедиа, говорят о нем как о сообразительном, ловком и энергичном человеке, патриоте, способном успешно выполнить возложенную на него роль. Этот взгляд разделяют и некоторые современные исследователи. Спиридон Кедиа скептически отзывается о способностях своего однофамильца (а не племянника, как думают иные). «На многое не способен, боюсь, скорее может испортить дело, нежели сделать его» (С.Чид-

жавадзе-Кедиа. Увиденное-услышанное, Тб., 2002, стр. 369, на груз.яз.).

Примечательно, что формирование названного выше грузинского соединения во Франции происходило так, что Спиридон Кедиа оказался не в курсе дела. И не случайно. В эмиграции все знали – подобное начинание он не поддержит. Известно, что Михаилу Кедиа помогали некоторые единомышленники и последователи Спиридона Кедиа. Но и по их утверждению, Спиридон Кедиа не имел никакого отношения к военным отрядам. Иродион Бегиашвили заявлял: знай Спиридон о легионах, он запретил бы нам участвовать в этих делах (там же, стр. 380). По словам Мито Синджикашвили и Александра Цомая, когда они записывались в грузинское соединение, они убежали от Спиридона. (М.Кавтарадзе. Янычары, Тб., 2001, стр. 97, на груз.яз.).

Каково было отношение Спиридона Кедиа к войне, и что он предпринял практически в этой исключительно сложной международной обстановке?

Находящийся во Франции Спиридон Кедиа не порывал контактов с представителями военных и политических кругов Германии, связи с которыми были установлены еще в период Первой мировой войны. Эмигрант, лидер народно-демократической партии, в середине 20-х годов он несколько раз побывал в Берлине. Во время визитов значительно расширился круг его знакомых. Интересно отметить, что в доме художника Курсели Спиридон Кедиа познакомился с Адольфом Гитлером, основателем и руководителем нацистской партии, который, оказывается, проявил интерес к Грузии и обещал Спиридону Кедиа, что если в будущем он возглавит Германию, то предоставит Грузии свободу и независимость. (С.Чиджавадзе-Кедиа, 2002, стр. 375).

Гитлер действительно возглавил Германию, но обещании, данном грузинскому патриоту, не вспомнил. Особых надежд на этого «скрытного, вечно спешащего, мистически настроенного человека» у Спиридона не было. В 1938 году он отмечал: «Если Гитлер в своем уме, войны он не начнет, а ежели начнет, то безусловно потерпит поражение». (С.Чиджавадзе-Кедиа, 2002, стр. 364).

Несмотря на это, начало советско-германской войны ввнушило определенные надежды и Спиридону Кедиа. Германия вступила в противоборство с той силой, «одоление которой было необходимым предварительным условием для нашей свободы. Заработал принцип: враг нашего врага – наш друг». «Если немцы овладеют Кавказом, то уж лучше с нашим участием – таково было мнение эмиграции. Такими были тогдашняя логика и расчет» (М.Кавтарадзе. Журн. «Ивериа», № 34, Париж).

Действительно, вновь был намечен план освобождения Грузии с помощью Германии. Показательно, что эта цель и на сей раз объединила почти всех тех, кто добивался ее еще в годы Первой мировой войны. Особо следует сказать о получивших образование в Германии и снискавших славу грузинских профессорах Михаиле Ахметели и Александре Никурадзе. Они даже вступили в ряды нацистской партии, руководили важными исследовательскими институтами и имели прочные связи с представителями немецкой политической элиты. Находящиеся в тесной связи с грузинами старые немецкие военные чины вновь занимали высокие посты и были готовы действовать по отношению к Грузии по тому же сценарию, что и четверть века назад.

В апреле 1942 года граф Шуленбург, ведавший в политическом ведомстве иностранных дел восточными вопросами, пригласил в Берлин представителей народов

Кавказа, в том числе отдельных грузинских эмигрантов. Среди гостей были лидер народно-демократической партии Спиридон Кедиа, руководители «Тетри Гиорги» Михаил Церетели и Лео Кереселидзе, профессор Зураб Авалишвили, царский потомок Ираклий Багратиони, полковник Шалва Маглакелидзе и другие. Беседа касалась будущего Грузии. Рассмотрели идею восстановления монархии, обсудили вопрос о создании «Грузинского политического комитета», который должен был действовать под эгидой Министерства иностранных дел Германии.

По плану Шуленбурга, одобренному присутствующими, предполагалось объявить государственный суверенитет Грузии и превратить данный регион в опорный пункт восточной политики Германии. Риббентроп ознакомил с этим планом Гитлера, но тот вернул его обратно из-за «абсурдности» мотивации. Следует отметить, что свою отрицательную роль сыграло Восточное министерство, руководство которого считало необходимым превратить весь Кавказ в немецкую колониальную базу. Грузинским вопросом отныне занималось данное ведомство во главе с Альфредом Розенбергом.

Разочарованный Спиридон Кедиа попрощался с Шуленбургом и вернулся во Францию. Здесь считаем нужным привести отрывок из воспоминаний Михаила Кавтарадзе, который отчетливо показывает тогдашнее душевное состояние известного грузинского деятеля.

Находясь по служебным делам в Германии, «я узнал, — пишет М.Кавтарадзе, — что Спиридон Кедиа — в Берлине. Естественно, я навестил его... Он жил в первой гостинице Берлина «Адлон»... и занимал апартаменты, предназначенные для элиты. Я ожидал услышать благоприятные и ободряющие известия о политическом по-

ложении грузинских дел. Мои надежды не оправдались... Ничего не приукрашивая, Кедиа сказал, что с германским руководством нет не только никакого политического соглашения, но даже переговоров... Гитлер делает расчеты лишь на военную силу. Он лично возглавляет германскую политику. Ныне у него не остается времени на политику, и вообще его методы исключают желательные для нас политические переговоры... Идея родилась не в идеальных для нас условиях, однако... надо попытаться использовать то, что есть. И вообще, добавил он, после провала блицкрига идея скомпрометирована... Кто знает, как будет проходить война... Если немцы не одолеют русских, надо надеяться, что победу последних не допустят те, для кого она таит смертельную опасность».

«Допуская заранее иную перспективу, не окажемся ли мы сидящими на двух стульях?» – спросил М.Кавтарадзе у Спиридона Кедиа. «Нет. Если у одного стула отвалится ножка, необходимо знать, как пересесть на другой», – ответил последний. (Журн. «Ивериа», 1979, № 30, Париж).

Грузинские политические эмигранты не сдавались и после срыва замысла Шуленбурга. Они убеждали руководителей Восточного министерства, что восстановление независимости Грузии выгодно самой Германии. Со своей стороны, данное ведомство старалось не порывать связи с эмигрантами, хотя задачи грузин мало соответствовали реальным стремлениям министерства.

Летом 1942 года Розенберг и Шикеданц вроде бы посчитались с желаниями грузин и основали – правда, с урезанными, лишь консультационными функциями – «Грузинский национальный комитет». Председателем стал Михаил Церетели, членами были приглашены Зураб Авалишвили, Георгий Магалашвили и Спиридон Кедиа. Комитет располагался в Берлине. Для консолидации и

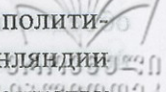

объединения национальных сил там же было создано периодическое издание – журнал «Картвели эри».

В это время немецкие войска приблизились к Кавказу. Мечта грузинских деятелей о свободе Родины, казалось, обретала крылья. Именно этим периодом датируется письмо Спиридона Кедиа к Гитлеру. Лидер народно-демократической партии напоминал фюреру о его обещании в связи с грузинским вопросом и вместе с тем предупреждал: «Если вы не дадите свободы Кавказу, вас ждет большая катастрофа». (С. Чиджавадзе-Кедиа, 2002, стр. 375). Письмо Спиридон Кедиа отнес знакомому художнику профессору Курсели, который обещал передать его в руки адресата. Неизвестно, дошло ли письмо до Гитлера, но даже если бы он его получил, совершенно ясно, что ничего не изменилось бы, ибо другая, более верная попытка наших соотечественников оказать воздействие на Гитлера закончилась безрезультатно.

С целью получения помощи грузинская политическая эмиграция обратилась к президенту и главнокомандующему Финляндии Маннергейму. Густав фон Маннергейм был старым знакомым Евгения Гегечкори. У финского и грузинского народов, находившихся под игом российского самодержавия, было общим и то, что после падения царизма оба восстановили свободу и суверенитет с помощью Германии. К сожалению, брошенную Европой Грузию в 1921 году вновь покорил Россия, Финляндия же при поддержке Запада сумела отразить в 1939 году большевистскую агрессию. Враждебно настроенный по отношению к Советской власти руководитель Финляндии не пожалел бы доброго слова для борющихся с коммунистической диктатурой грузин.

Маннергейм выполнил просьбу Е. Гегечкори и обратился к Гитлеру со специальным меморандумом. Обра-

щая внимание фюрера на историю, культуру и политические права грузинского народа, президент Финляндии советовал Гитлеру, даже просил его по достоинству решить грузинскую проблему (Н.Накашидзе. Журн. «Беди Картлиса», № 9, Париж). Ходатайство Маннергейма не оказало на Гитлера никакого влияния.

В отличие от кайзера Вильгельма II, согласившегося в 1918 году восстановить государственную самостоятельность Грузии, руководителя Третьего рейха Адольфа Гитлера сделать подобный шаг не смогли уговорить ни немецкие военные, ни политики.

Известно, что в августе 1942 года Восточное министерство представило фюреру докладную записку «О перестройке Кавказа», где речь идет о предоставлении здешним жителям «полной политической независимости», но Гитлер не принял и этой рекомендации. Он представлял «голубой Кавказ» в пределах Германской империи.

Сохранился весьма любопытный материал в виде стенограмм застольных бесед Гитлера, которые в 1941-1942 годах систематически вел очень близкий фюреру юрист Генри Пикер. В записи, датированной 9 мая 1942 года, имеется следующее высказывание Гитлера: «Кавказу в моих планах отводится особая роль, потому что он нас должен снабжать нефтью. Мы должны установить на Кавказе чрезвычайно строгий порядок, если хотим оттуда получать горючее. Иначе вражда между племенами этого края с их обычаем кровной мести не даст возможности освоения нефтяных месторождений хотя бы с малой рентабельностью. Поэтому большая ошибка, когда Министерство иностранных дел как официальный орган выступает в отношении этих территорий с заявлениями, исполнение которых будет затем невоз-

можно. Официальная сторона, в отличие от пропагандистов с их листовками, может обещать только то, что исполнимо» (Г.Пикер, 1993, стр. 263).

Наши соотечественники-эмигранты тогда еще не осознавали, что «нацистская Германия – уникальное государство, идеология которого открыто строилась на неограниченном и безусловном господстве единственной расы – германской арийской расы над всеми народами, кроме родственных «нордических» (северных) национальностей,.. и которое вообще отрицало в будущем «тысячелетнем рейхе» государственную независимость какого-либо народа. А ареалом распространения «тысячелетнего рейха» по их планам был весь мир» (Н.Киквадзе. Газ. «Дрони», № 18, 24 марта, Тб.).

Именно этим объясняется то, что Гитлер запретил деятельность имевшего политическую окраску «Грузинского национального комитета» и согласился на создание способного оказывать лишь техническую помощь «Грузинского союзного штаба», который возглавил Михаил Кедиа. Штаб должен был помогать немцам использовать на войне попавших в плен грузин.

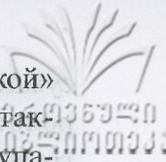
Спиридон Кедиа потерял всякую надежду, что немцы когда-либо решат грузинский вопрос, и прямо заявил своим партнерам в Восточном министерстве: «Вы умалчиваете о предмете, ради которого собрали нас здесь. Найдете столько покорных слуг, сколько пожелаете, я же в чиновники не гожусь, прощайте». (С.Чиджавадзе-Кедиа, 2002, стр. 376).

В начале 1943 года лидер народных демократов оставил комитет и уехал из Берлина. Так же поступил и Зураб Авалишвили. Вскоре Михаил Церетели заявил о самоликвидации существовавшего формально национального комитета.

Грузинские патриотические деятели остались крайне разочарованными. Постепенно получали огласку жуткие преступления нацистов, становились очевидными истинные устремления нацистов, а мощь вермахта на деле оказалась эфемерной.

Неудачи на Восточном фронте вынудили правящие круги Германии пересмотреть свое отношение к антисоветским силам, в том числе к грузинским эмигрантам. «Союзный штаб», который превратился «почти во временное грузинское правительство» (М.Кавтарадзе. Янычары, Тб., 2001, стр. 176), в 1944 году был вновь объявлен комитетом, а в марте следующего года признан «единственным представителем грузинского народа», ему было предоставлено право «выработать свою концепцию о будущем Грузии» (Н.Киквадзе, 1993, стр. 319). Однако Спиридон Кедиа с немцами больше дела не имел.

Благодаря обнаруженным исследователем Гоги Цицишвили в архиве Комитета государственной безопасности Грузии и опубликованным в последнее время документам становится известным, что Советская власть и ее соответствующие службы, которым хорошо были известны связи грузинских эмигрантов с высокими военными и политическими кругами нацистской Германии, выработали определенный план контрмер на тот случай, если бы Гитлер смог завоевать Кавказ, в том числе Грузию. Суть плана состояла в следующем: эмигрировавшему социал-демократическому правительству или созданному при поддержке немцев за границей какому-либо грузинскому властному образованию противопоставить организованную на месте, в лоне патриотически настроенной грузинской интеллигенции структуру, куда вошли бы пользующиеся доверием народа авторитетные люди. Они, предполагалось, под протекторатом Герма-

нии станут руководить независимой, но «просоветской» Грузией, чтобы уберечь страну от ожидаемых караклизмов. Так возникло «рассчитанное на случай оккупации временное грузинское правительство» – «комитет всех культурных сил грузинского народа» или, короче, «комитет профессоров», который вначале, кажется, должен был возглавить Иванэ Джавахишвили (Г.Цицишвили. Газ. «Чвени мцерлоба», № 12-13).

О существовании данного комитета должно быть была информирована грузинская политическая эмиграция, целью которой являлось восстановление независимости Грузии. Не следует исключать возможность того, что «профессорский комитет» имел определенную связь с представителями эмиграции или наоборот. Однако пока не обнаружены материалы, свидетельствующие о контактах между созданными в Грузии группами заговорщиков с борющимися за рубежом за освобождение родины соотечественниками.

Если верить Гиви Габлиани, грузинская эмиграция не удовлетворилась работой только в Германии и начала искать другие пути. «Выход из положения стали искать в установлении связи с самой Грузией и ее тогдашними официальными кругами для создания необходимой почвы. В том случае, если бы немцы ступили на нашу землю, грузины немедленно должны были объявить независимость и составить временное правительство. Таким образом, немцы оказались бы перед свершившимся фактом, а по мнению инициаторов этого плана, они не стали бы упразднять его. Существующие же в немецкой армии грузинские части составили бы национальное грузинское военное ядро» (Г.Габлиани. Журн. «Ивериа», 1981, № 24, Париж).

К сожалению, желания остались желаниями. Мечтам и рискованным планам грузинских эмигрантов не

суждено было осуществиться в годы мирового кровопролития. Бои в «чужой войне» и под чужим флагом грузинам и Грузии ничего путного не принесли.

После окончания войны Советская власть решила отомстить эмиграции, окончательно разложить ее и ликвидировать. Если до того засланные в среду эмиграции агенты пытались действовать тайно, то отныне стали вести себя открыто и откровенно. Петрэ Шариа, Илья Тавадзе, Серго Кавтарадзе и другие один за другим ездили за рубеж, давали ложные обещания, приглашали бывших соотечественников вернуться на родину, убеждали их, что режим изменился, и каждый может жить свободно.

И. Тавадзе долго общался со Спиридоном Кедиа, но вернуть его в Грузию не смог. Эмиграция вернется в том случае, если освободят сосланных в Сибирь грузин, выведут из страны русскую армию, введут свободу слова и печати – таким был ответ Спиридона Кедиа (С. Чиджавадзе, 2002, стр. 381).

Известный партийный и советский деятель Серго Кавтарадзе в 1946 году, находясь в Париже, специально посетил своего одноклассника по кутаисской гимназии, лидера народных демократов, но Спиридон Кедиа не принял и его предложения вернуться на родину и сказал ему: «В Грузии нет свободы и жить мне там невозможно» (С. Кавтарадзе. Журн. «Мнатоби», 1966, № 4).

«Мы принадлежим самим себе» – этот чавчавадзевский принцип свободы родины был высшим принципом жизни Спиридона Кедиа, которому он никогда не изменял. Он отдал всю свою сознательную жизнь борьбе за независимость Грузии, и в мечтах о ее свободе покинул этот мир, немало потрудившись на благо своей родины. Это произошло 17 мая 1948 года.

Перевод
Георгия ЧАРКВИАНИ

«В ГРУЗИИ И СМЕРТЬ – СЧАСТЬЕ!»

В немецкой литературе XX века известны три писателя, три прозаика по фамилии Нейман.

Первый – Альфред Нейман – автор популярного в свое время романа «Дьявол» (переведен и на русский). Второй – Гюнтер Нейман, по его сценариям сняты известные фильмы «Харчевня в Шпессарте» и «Мы – вундеркинды». Третий – Роберт Нейман, и в данном случае интересуем нас именно он: в одном из романов писателя главным героем выведен грузинский князь, некий Грегор Иозуа Карахиэрашвили. Прежде чем высказать определенные предположения о том, кто скрывается под этим персонажем, или, говоря иначе, о его реально-историческом прототипе либо прототипах, необходимо вкратце сказать несколько слов о Роберте Неймане. Довольно значительный по европейским масштабам этот романист, переведенный на 28 языков мира, совершенно неизвестен не только грузинскому читателю, но и грузинским германистам.

Р.Нейман родился в 1897 г. в Вене. Отец его, профессор математики, был директором банка, а по политическим взглядам социал-демократом. Роберт Нейман изучал в Вене сначала медицину и химию, а затем – германистику. Много лет вел торговую деятельность, после чего полностью посвятил себя литературе. В 1934 г., после аншлюса Австрии нацистами, он переехал в Англию и в 1938 г. принял гражданство Великобритании. В Англии писатель стал президентом австрийского пен-клуба и помог в ту пору очень многим немецкоязычным авторам

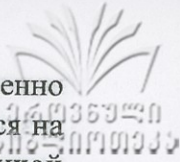
выбраться из нацистского ада. В 1945 г. он переезжает в Швейцарию. Нейман издал в Англии некоторые свои ранние романы на английском языке.

Первого большого успеха писатель добился в 1927 г., когда опубликовал сборник литературных пародий – «Чужими авторучками» и его продолжение «Под ложным флагом» (1932). Роберт Нейман обладал удивительной способностью воспроизведения чужого писательского стиля и оставил нам иронически-агрессивные литературные портреты известных авторов. Его первый роман назывался «Потоп», писатель нарисовал в нем широко-масштабную картину периода инфляции в Австрии. Своего рода продолжением его стал второй роман – «Власть», где описан послеинфляционный период, стремление нацистов к власти и махинация с выпуском фальшивых купюр, следы которой ведут к грузинским эмигрантам. Это было на шумевшее в Европе 20-х годов дело о подлоге денег (русских «червонцев»), вызвавшее большое волнение не только в Советском Союзе, но и во Франции и Германии. Главным героем именно этого романа является грузинский князь Грегор Иосуа Карахиэрашвили.

Ряд романов писателя опубликован только на английском языке, ряд – только на французском, некоторые из них позднее были переведены и на немецкий.

В 1933 г. нацисты сожгли книги Неймана. В последние годы писатель жил в Швейцарии, в Локарно, где и скончался в 1975 г.

Вкратце об историко-реальных обстоятельствах, легших в основу сюжета романа «Власть», где действие частично происходит в Грузии, а центральный персонаж и несколько эпизодических действующих лиц – грузины.

Сразу же отмечу, что историческая часть статьи, а именно факты и детали дела о подлоге целиком опираются на исследования историка, специалиста по новейшей истории Германии, профессора Нодара Киквадзе, которые, в свою очередь, подкрепляет иностранный источник – «Национал-социализм и грузинские профессора» («Дрони», 20 марта, 1993 г.).

Кроме того, следует отметить, что Роберт Нейман писал не историко-документальное исследование или сочинение, а художественное произведение, роман, следовательно, и не пытался сохранять историческую и документальную точность.

Как известно, 25 февраля 1921 г., после оккупации Грузии российской Красной Армией, правительство демократической республики и большая часть интеллигенции оказались в эмиграции и обосновались, в основном, во Франции, в Париже (согласно западным источникам, в эмиграцию отправилось примерно 2000-2500 человек). Как видно, определенная часть грузинской эмиграции, разочарованная в государствах Антанты, искала союзников и защитников среди правых кругов Германии, поскольку они придерживались ярко выраженных антирусских и антисоветских позиций. Именно с этой целью лидер национал-демократической партии Грузии Спиридон Кедиа в марте 1925 г. послал в Германию со специальным поручением своего представителя Шалву Карумидзе. Он должен был передать письмо С.Кедиа Ойгену Веберу, бывшему капитану немецкой армии, политическому деятелю правого толка. В своем письме С.Кедиа писал, что интересы грузинского народа в вопросе России и большевизма совпадают с интересами немецких националистов, а это делает

возможным разработку практического соглашения. В результате определенных контактов Шалвы Карумидзе и его товарища Василия Садатерашвили в Париже состоялась встреча Спиридона Кедиа с Эммануэлем Нобелем, одним из бывших владельцев бакинских нефтяных разработок, а также начальником Генерального штаба Восточного фронта во время Первой мировой войны генералом Максом Хофманом. И Нобель, и Хофман, известные своими антисоветскими настроениями, были связаны с владельцем гигантского нефтяного концерна «Роял Датч Шелли» сэром Генри Детердингом, являвшимся одним из лидеров европейского антисоветского альянса и фактически инициатором почти всех антисоветских акций.

По инициативе сэра Генри Детердинга и герцога Георга фон Лойхтенберга в июне 1926 г. в Лондоне состоялась конференция, на которой генерал Хофман представил план, в котором обосновывались возможность и целесообразность подготовки совместной англо-немецкой интервенции против Советского Союза и стимулирования выступлений проживавших там немцев. Тогда же возникла идея выпуска фальшивых советских денег, «червонцев», и их массового ввоза в Советский Союз, что, по мнению собравшихся, должно было вызвать кризис советской финансовой системы. Осуществление этой идеи, ее реализация были поручены Карумидзе и Садатерашвили. Примечательно, что об этом знали и тогдашние правящие круги Германии (Министерство иностранных дел, Райхсвер, «Дрезден банк»). Некоторые из исторических личностей под измененными фамилиями фигурируют и в романе,

например, сэр Генри Детердинг, что впоследствии подтвердил сам писатель.

Весьма активно участвовали в этой акции бывший начальник немецкой армии в Грузии барон Фридрих Зигмунд фон Кресенштайн и капитан Герман Эрхарт – один из влиятельнейших лиц национал-социалистической партии, пославший в помощь Карумидзе в Мюнхен авантюриста Джорджа Белля. Осенью 1926 г. в Мюнхене в типографии Шнайдера в присутствии Карумидзе, Садатерашвили, Вебера и Белля была напечатана первая партия фальшивых купюр – 15000 штук – достоинством в один, два и десять червонцев. Затем они перебрались во Франкфурт-на-Майне, в типографию Бьёле, где было напечатано купюр на сумму в миллион. Однако фальшивомонетчиков одолел соблазн, и они изменили своим принципам: фальшивые купюры хотя и отправлялись в Советский Союз, но часть их параллельно обменивалась на немецкие марки в самой Германии. Естественно, это не могло остаться незамеченным: в августе 1927 г. арестовали сперва Карумидзе, затем Садатерашвили и др. Более того, в Париже по подозрению в соучастии были задержаны Спиридон Кедиа и барон фон Штайнхаль, «товарищ» Карумидзе. Но поскольку немецкое правосудие не затребовало их, обоих вскоре освободили. В сентябре публикации о фальшивых «червонцах» и судебном процессе стали появляться в печати. 25 ноября 1927 г. газета «Берлинер бьёрзен-куррьер» связала арестованных грузинских эмигрантов с именем сэра Генри Детердинга, однако в результате вмешательства влиятельных кругов дело замяли. Судебный процесс мог раскрыть много весьма неприятных для официальных кругов Германии тайн, поэтому Минис-

терство иностранных дел Германии потребовало подвести обвиняемых под амнистию и закрыть дело. В это время в Ленинграде была арестована группа некоего Шиллера, у которой обнаружили отпечатанные в Мюнхене фальшивые «червонцы». Народный комиссар иностранных дел Советского Союза Максим Литвинов выразил в связи с этим категорический протест в адрес немецкого правительства, после чего оно уже не могло покрывать это явное преступление. Начался открытый судебный процесс, который весьма широко освещался в тогдашней немецкой и европейской прессе. С этими материалами, опубликованными в газетах, ознакомился в свое время писатель Роберт Нейман. Как видно, они и послужили импульсом к созданию интересующего нас романа.

На процессе судья Вартенбергер проявил чрезмерную мягкость по отношению к обвиняемым.

8 февраля 1930 г. обвиняемые Беккер, Бьёле и Шмит были освобождены, а Карумидзе, Садатерашвили, Белль и Вебер подпали под амнистию, однако из-за резких протестов СССР правосудие вынуждено было пересмотреть приговор и летом 1930 г. апелляционный суд присудил Карумидзе два года и десять месяцев тюрьмы, а Садатерашвили – два года. Шмита и Белля приговорили к денежному штрафу. Садатерашвили засчитали за срок период предварительного ареста, Карумидзе же к этому времени оказался в Швейцарии, где получил перечисленные на его имя от «неизвестных доброжелателей» 50 тысяч долларов. После прихода к власти в Германии национал-социалистов 28 июня 1934 г. были отменены и эти приговоры, оба «фальшивомонетчика» – и Карумидзе, и Садатерашвили нашли убежище в Третьем рейхе.

Как мы уже отмечали, главным героем романа Р.Неймана «Власть» (1932 г.) является грузинский князь Грегор Иозуа Карахиэрашвили, прозванный Караханом.

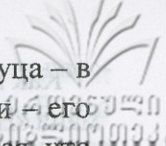
Сразу же отметим, что этот Карахан, как зачастую он упоминается на протяжении всего романа, не имеет ничего общего с советским дипломатом и политиком Л.М.Караханом (Караханяном), расстрелянным в 1937 г. по приказу Сталина.

Трудно сказать, откуда берет писатель ту или иную фамилию. Мне кажется, главным историко-реальным прототипом героя романа князя Грегора Иозуа Карахиэрашвили был грузинский князь Каихосро Чолокашвили по прозвищу Какуца (1888-1930 г.; он был похоронен сначала на кладбище Сент-Уан, близ Парижа, затем его прах перенесен на кладбище грузин-эмигрантов в Левиле).

По существу и в своих основных моментах жизнь героя романа Карахана повторяет жизнь Какуцы Чолокашвили (повторяю, Роберт Нейман писал не историческое или историографическое исследование, а потому многое менял в угоду своей фантазии и художественной интенции – в романе историческая реальность переплетается с художественным вымыслом).

И Какуца Чолокашвили, и Грегор Карахиэрашвили – князья, борющиеся против русского большевизма и русских поработителей, оба скрываются в лесу и в 20-е годы вместе со своими малочисленными партизанскими отрядами воюют с русскими большевиками-оккупантами и их грузинскими приспешниками, предателями родины (К.Чолокашвили в 1922-24 гг., Карахан – в 1929 г.).

Оба являются бывшими офицерами царской армии, оба учились в тбилисской грузинской дворянской

гимназии, оба родились в горных селениях: Какуца – в Матани, в Кахети, Карахан – в Бедехти (Бедехти – его родное село и родовой замок). В романе говорится, что село, якобы, расположено высоко в горах, в Самегрело, и сражения происходят в основном в горах.

Восстание в действительности началось в 1922 г. в Хевсурети и перекинулось в Душети. В романе восстание также вспыхивает в горах. В обоих случаях восставшие наступали на русских оккупантов с гор. Какуца и его соратники засели и укрепились в Тианетских горах и крутых скалах Хевсурети.

Какуца Чолокашвили очень скоро осознал, что борьба явно неравная, бесперспективная для грузин и изначально обречена на неудачу, а после провала, в результате предательства, восстания в 1924 г., потопленного в крови, он решил перебраться в Европу, чтобы не попасть в руки большевистских палачей.

Вот как это нашло отражение в романе: «...нельзя было отрицать, что с самого же начала непокорные горцы решили принести кровавую жертву – продемонстрировать геройство – когда ради свободы готовы были пожертвовать своими лучшими сынами, лишь бы подать стране некий знак, высечь некую искру, чтобы когда-нибудь потом, под порывом ветра, из нее возгорелось настоящее пламя. Это был всего лишь знак».

После поражения восстания Какуца Чолокашвили вместе с несколькими соратниками перебрался из Грузии в Стамбул, а уже оттуда на греческом судне – во Францию. Он и там не переставал думать об освобождении родины...

Карахан на старом греческом судне тайком бежит из Батуми в Стамбул. «Грегор Иозуа Карахан, кавказский князь,

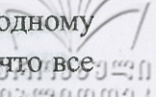
владелец лесов, гор, земельных угодий и двух разрушенных замков, последний отпрыск своего рода, решил стать странником, отправиться в Женеву, чтобы подать в Лигу наций жалобу грузинского народа». Но к тому времени заседание Лиги наций закрылось. Следующее заседание должно было состояться через полгода. Карахан не мог ждать столько времени и отправился в Вену.

Тамар Папава так описывает Какуцу в его парижский период жизни: «Этот свободно разгуливавший по Тианетским горам и крутым скалам Хевсурети тигр, так ожесточенно сражавшийся против господства русских, собирался продолжить борьбу здесь, в Париже, но не мог разобраться в новых, сложных обстоятельствах, не мог понять, зачем и ради чего ему и его соратникам необходимо находиться в бездействии в этом большом и бессердечном Париже. Зачем его воинов-молодцев бросили в этот водоворот? И озлобленный, словно раненый тигр, он метался по бесконечным улицам Парижа, бился о его глухие стены...»

И вновь из воспоминаний Тамар Папава: «... я отправилась в Европу и, наконец, встретила здесь, в Париже, с Какуцей, это был совсем другой человек. Вождя борющейся Грузии словно лишили арены действия, отняли у него мечту; и теперь бушевавший в душе этого орла с перебитыми крыльями огонь гасило вино, а подступавшие слезы осушала песня».

Т. Папава приводит слова самого Какуцы: « – А помнишь, Тамар, нашу Грузию? Хорошо помнишь? Будь проклята эта жизнь! (т.е. в Париже – **Н.К.**) Там (т.е. в Грузии – **Н.К.**) и смерть – счастье, разве не так, Тамар?»

Столь же бесполезным чувствует себя и герой романа Грегор Карахиэрашвили. В Вене он мучается от страшного

одиночества и отчужденности. Карахан говорит одному из действующих лиц романа – Альберту Розену, что все здесь против него, он до конца остался чужаком на чужбине, одиноким, словно дитя в ночном лесу.

Карахан, как и Какуца Чолокашвили, честный, порядочный человек, безгранично добрый (это качество особо подчеркивают его соратники по борьбе, в том числе Александр Сулханишвили), немного наивный, излишне доверчивый и скромный, совершенно равнодушный к деньгам и стяжательству, что так резко отличает его от других персонажей романа. В художественно-функциональном мире романа Р.Неймана он самый человечный, гуманный, добрый человек. Карахану претит суета большого города, шумная, суетливая жизнь. Он – дитя природы, ее неотъемлемая часть, возмущенная бездушием города. Карахан остро чувствует и переживает, что человек в Европе обречен на одиночество и затерян в анонимности больших городов.

Карахан всегда держится на расстоянии от меньшевиков и вообще представителей других партий (он не принадлежит ни к одной партии, он стоит выше их узких интересов; когда интересуются его партийностью, он отвечает, что представляет Грузию). Так, к примеру, Альберт Розен (бывший Розенбаум), влиятельный венский адвокат, близкий к высшему обществу и правящим кругам, спрашивает Карахана, является ли тот лидером национальной партии или предводителем дворянской партии Грузии. На что Карахан отвечает: «Никаких партий. Мы представляем всю Грузию. Она выбрала меня. Здесь я и есть Грузия!»

Сам Карахан внушает себе: «Будь начеку, ты – Грузия!»

Карахан испытывает антипатию к меньшевикам: «Все они, устроившиеся в Париже, объявившие республику после войны и изгнанные потом большевиками, все они из городов! Меньшевики! Они – не наши!»

Роберт Нейман прекрасно знает, что Советская Россия, завоевав независимую Грузию огнем и мечом, бессовестно нарушила мирный договор, заключенный с Грузинской республикой, – «Союз Советов признал свободное государство Грузию, созданное в мае 1918 г., поддержал ее независимость, объявленную 21 мая 1921 г., а затем занял ее, поглотил и поработил». Этот факт констатируется в романе неоднократно.

В произведении показан определенный альянс грузинских и немецких националистов. Немецкие националисты, в частности нацисты, пытаются переманить и привлечь грузин на свою сторону, воздействуя на их национальное самолюбие и прибегая к комплиментам.

Один из персонажей романа, доктор Ласаль, директор Ллойд-банка отмечает, что род Карахана – Карахиэрашвили намного древнее рода Романовых.

Другой персонаж Лиофлер думает, что Карахиэрашвили – кавказский герцог, а кавказские горцы – индонемцы, древнейший фонд расы, «с расовой точки зрения Карахан наш брат»... и пр.

В романе рассказывается о конференции грузин и немцев, которой руководят с грузинской стороны – Карахан, с немецкой же – пожилой генерал Корнелиус фон Трота ауф Клесин, и о заключенном договоре, начинающемся словами «Замученные оковами рабства народы – немцы и грузины – заключают договор» и т.д.

Корнелиус фон Трота обещает Карахиэрашвили:

«Мы начнем войну с Советской Россией... Если мы победим, в Грузии вновь будет восстановлена частная собственность!»

Присутствует в романе и женский персонаж – красивая, стройная Мириам Фойербах, которая чуть старше Карахана; они любят друг друга. Порой возлюбленные спорят. Для Карахана превыше всего – отечество и народ, Мириам же воспринимает это как ограниченность. «Да, народ! И ничто этого не изменит! Человек сходит в могилу, а народ живет вечно!» – говорит Карахиэрашвили. «Нет, – спорит с ним Мириам, – это слишком однобокое суждение, примерно то же, что поделить людей на светлокожих и темнокожих: не это главное; главное – всеобщая нищета...»

Влиятельный адвокат и финансист Альберт Розен делает вид, что его интересует союз Германии и Грузии, в действительности же им движет расчет – «хотя взаимоотношений между Германией и Грузией еще нет (поскольку не существует независимой Грузии), есть внутренняя связь между немецким и грузинским народами», – лжет Розен Карахану.

«Господа, на этой конференции, честь открытия которой выпала мне и которая еще не может считаться контактом между Германией и Грузией, – пока еще нет! – тем не менее, все же можно говорить о единении немецкого и грузинского народов, если рассматривать народ не юридически, а с точки зрения морали, народ, представленный его вождями и лучшими сыновьями; да, на этой конференции, господа, необходимо найти тот фундамент, опираясь на который немцы и грузины встанут на службу своим общим интересам», – так открыл совместную конференцию Альберт Розен.

Приехавший в Европу Карахан первое время надеялся, что Германия поможет Грузии в ее освободительном движении против Советской России. «Европа не спит. Она нам поможет. Осенью в Женеве европейские народы собираются на большой совет», – писал Карахан другу в Грузии.

С течением времени Карахиэрашвили поймет, что интерес к судьбе Грузии в Европе и в Германии не бескорыстен, всеми движет «тайная мысль». В конце он открыто говорит Альберту Розену, которого поначалу считал добрым ангелом грузин: «Все, все они – против меня».

Хоть исторически афера с подлогом и произошла в среде грузинских эмигрантов, а ее инициаторы и участники находились в Париже, однако связь Чолокашвили с ними ничем не подтверждается.

А вот в романе Карахан непосредственно участвует в процессе печатания фальшивых купюр (печатные пластины находятся именно у него). Их привозят в Мюнхен, где в действительности и печатались фальшивые «червонцы»; обо всем этом Роберт Нейман знал, как видно, из тогдашних газет, и, согласно роману, прибыль делилась поровну между грузинскими и немецкими националистами.

Несмотря на то, что Карахан в романе выступает как фальшивомонетчик, т.е. преступник и лицо, так или иначе связанное с нацистами (хотя все это в субъективном осмыслении служит делу освобождения Грузии от большевиков), писатель, тем не менее, явно симпатизирует своему герою. Двадцативосьмилетний Грегор Карахиэрашвили – красивый, представительный, высокого роста, с небольшой бородой, с открытым, приятным

лбом, густыми бровями и большими голубыми глазами. Белая кожа, копна русых волос, словно выточенные из слоновой кости зубы дополняют портрет этого мужественного, пользующегося успехом у женщин человека.

Карахан на редкость честный, бесхитростный, простодушный, верный, излишне доверчивый. Он слишком щедр и любит тратить деньги. Нечистоплотные люди пользуются этим, выманивают у него деньги, обманывают. В романе Карахан упоминается как «мечтатель и настоящий смельчак». Из-за своего безграничного бескорыстия, абсолютного равнодушия к деньгам он производит впечатление полного идиота (в понимании Достоевского) на европейцев. Мириам Фойербих с любовью говорит о Карахане: «Спокойный, такой вельможный и все же по-детски простодушный...»

Как непохож князь Карахиэрашвили (он же Какуца Чолокашвили) на наших современных «новых грузин», нуворишей, которые, подобно стервятникам, накинулись на обессиленную Грузию и безжалостно терзают ее!

В романе Р.Неймана произошло примерно то, что в литературоведении и текстологии называют контаминацией, т.е. два исторически реально не связанных друг с другом случая оказались связанными воедино (история Какуцы Чолокашвили и дело фальшивомонетчиков), а в одном персонаже были собраны черты Какуцы Чолокашвили, с одной стороны, и Шалвы Карумидзе, Василия Садатерашвили, Спиридона Кедиа, с другой.

Создание одного персонажа из нескольких прототипов не редкость в истории литературы. Для примера вспомним, что прототипами Адриана Леверкиуса Томаса Манна («Доктор Фауст»), т.е. «стройматериалами» его

литературного образа разные исследователи называют Ницше, Арнольда Шонберга, Густава Малера, Гюго Вольфа, Албана Берга и других.

В 1969 г., т.е. через 37 лет после опубликования романа я отправил 72-летнему Р.Нейману письмо, в котором спрашивал у писателя, какими источниками он пользовался при написании романа. Он почти сразу же ответил мне (к сожалению, на письме нет точной, конкретной даты). «Роман «Власть» впервые вышел уже в 1932 г., я не могу точно назвать вам мои источники, но насколько помню, в ту пору в газетах писали о фальшивых червонцах и судебном процессе – центр фальшивомонетчиков находился в Париже. Это были грузинские эмигранты, но я не знаю, были ли они грузинскими аристократами или же меньшевиками, во всяком случае, человек, который изготавливал фальшивые купюры, был в романе оправдан (эти купюры не представляли собой международной «денежной единицы», защищаемой государством). Еще до прихода к власти Гитлера меня как политика-антифашиста особенно интересовала связь фальшивомонетчиков с нацистскими кругами, а также помощь сэра Генри Детердинга в их политической деятельности. В романе он является президентом большой нефтяной компании «Роял Датч Шелли». Семья его жены, владевшая в Баку нефтяными разработками, которые отобрали у них большевики, естественно, была заинтересована в их возвращении. Если не принимать эти факты во внимание, все остальное я придумал. Фальшивые купюры я видел собственными глазами, а персонаж Карахана – плод моей фантазии».

Что касается фамилии Карахизрашвили, можно предположить, что писатель где-то услышал или прочел

грузинскую фамилию, начинающуюся на «Кара». Я думаю, у Р.Неймана кроме европейских газет того времени должны были быть и другие источники информации (письменные либо устные).

Обычно писатели после опубликования своих произведений не хранят «сырой» материал и другие документальные источники (так поступал, к примеру, Томас Манн). Поэтому вполне естественно, что спустя столько времени он мог забыть, какими материалами пользовался много лет назад.

Перевод

Майи МЕРАБИШВИЛИ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ И ГРУЗИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ (1936-1939)

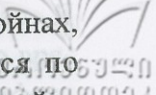
В конце тридцатых годов двадцатого века главной ареной военного и геополитического соперничества между СССР и Германией, двумя мощными тоталитарными режимами, жаждущими упрочить свое влияние в Европе, стала Испания. Обе стороны имели свой четко определенный интерес. Советское руководство помогало Испанской республике с целью «приостановить фашистское наступление», главари же нацистской Германии вместе с итальянскими фашистами поддерживали испанского генерала Франко, который вел непримиримую войну с «антинациональными силами» и коммунистическим интернационалом.

Франсиско Франко Баамонде (1892-1975) – одна из колоритных фигур в галерее мировых политических деятелей 30-70-х годов двадцатого века.

У нас о нем известно немного.

Будущий испанский каудильо и генералиссимус родился 4 декабря 1892 года в городе Эль-Ферроль в семье Николаса Франко и его супруги Пилар Баамонде. В этом галисийском городе, расположенном на северо-западе страны, находилась военно-морская база. Оба деда Франко были военными – генерал-интендантами флота, что в какой-то мере определяло стремление к военному делу парня из Галисии.

После окончания с отличием Академии пехотных войск (1910) лейтенант Франко был отправлен в северную

Африку, где активно участвовал в колониальных войнах, которые вела Испания. Он быстро продвигался по служебной лестнице. В 22 года – капитан, в 23 – майор (команданте), в 33 – самый молодой в Европе генерал.

В 1928 году Франко назначили начальником Военной Академии, а с 1934 года он стал руководителем Главного штаба испанских сухопутных войск¹.

В июле 1936 года в Испании произошло восстание, которым руководил генерал Франко, заслуженно пользовавшийся авторитетом в армии. Бытует мнение, что одной из основных причин, из-за которой солдаты подчинялись введенной Франко жесткой дисциплине, была его поразительная отвага. Вместе с тем успехам Франко способствовали проявляемые им во время военных операций спокойствие и одаренность полевого офицера. За отвагой молодого офицера скрывалось поразительное самообладание, которое позволило ему пережить тяжелейшие дни гражданской войны, а затем Вторую мировую и позднее холодную войны.

В трехлетней (1936-1939) гражданской войне победу одержал Франко. Республиканское правительство, которому активно оказывали поддержку оружием, боевыми материалами, деньгами и специалистами руководство Советского Союза и добровольцы разных национальностей, потерпело поражение. Известно, что в Испании воевали до 3000 советских военных специалистов (советники, артиллеристы, танкисты, летчики и т.д.)². Среди них были и грузины, в частности будущий контр-

¹ Хельмут Гюнтер Дамс. Франсиско Франко – солдат и глава государства. Изд. «Феникс», Ростов-на-Дону, 1999, с. 13—37.

² Советские Вооруженные Силы; история строительства. Воениздат. М., 1978, с.165.

адмирал Симон Рамишвили (1903-1973), которого в 1936 году послали в Испанию советником начальника Картахенской военно-морской базы. Смелый и проницательный грузинский офицер, в те годы капитан II ранга, был известен под именем «Дон Хуан Гарсия»¹.

Плечом к плечу с франкистами воевали и многие иностранные добровольцы. Основную помощь генералу Франко оказывали немецкая и итальянская армии, пославшие в Испанию до 300 000 бойцов². Среди них отличалось подразделение военно-воздушных сил Германии (люфтваффе) – полк «Кондор», для которого гражданская война в Испании стала в некотором роде генеральной репетицией Второй мировой войны³.

Наряду с добровольцами из разных стран на стороне франкистов сражалось и соединение российских эмигрантов. Они считали, что, воюя в Испании, помогают своей родине избавиться от большевизма. Известны фамилии 72 воинов из российского добровольческого отряда⁴.

Следует отметить, что бок о бок с франкистами воевали и грузинские эмигранты. Они искренне верили, что победа Франко ослабит похоронивший независимость Грузии большевистский режим.

Известны имена некоторых представителей грузинских эмигрантов, принимавших участие в гражданской

¹ Леван Долидзе. Генералиссимус, маршалы, генералы, адмиралы, наши соотечественники (1700-2000), Тб., 2000, с. 178 (на груз.яз.).

² Национально-освободительная война испанского народа 1936-39, Военный Энциклопедический Словарь, М., 1982, с. 482.

³ «Кондор», Энциклопедия Третьего Рейха, М., 1996, с. 261-262.

⁴ Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-1945 гг.). Материалы по истории русского освободительного движения (Статьи, документы, воспоминания). Выпуск 2. М., 1998, с.46-50.

войне в Испании вместе с русскими добровольцами. Среди них – кавалерийский офицер Российской царской армии, впоследствии полковник армии демократической Грузинской республики, Фридон Цулукидзе и полковник императорской гвардии Александр Амилахвари. Оба упомянуты в списке добровольцев.

В том же списке находится пока что неизвестный нам грузинский офицер поручик К.А. Гогниджаношвили¹. Думается, его фамилия искажена. Известно, что упомянутое лицо пользовалось псевдонимом «Константино». Боец был трижды ранен.

Еще один грузин – живший в Париже эмигрант Илларион (Луарсаб, Ларик) Александрович Магалашвили принимал участие в гражданской войне в Испании. Он добровольно воевал на стороне генерала Франко и погиб в апреле 1937 года. Его отцом был проживавший в Париже эмигрант князь Александр Луарсабович Магалашвили (1878-1927), а мать – Ольга Думбадзе.

Полковник Фридон Цулукидзе был прославленным военным деятелем. В 1918 году он работал комиссаром Артвинской области. В 1921 году отличился во время изгнания из Батуми турецких оккупантов.

Руководитель героической батумской эпопеи генерал Георгий Мазниашвили вспоминал: «До 4 часов пополудни не прекращалась стрельба из ружей и пулеметов в районах Барцхана и Кахабри. Наши войска заняли позиции от порта до грузовой станции, пытаясь вынудить османов бросить оружие. В это время со стороны Чакви показался солдатский поезд. Решив, что в нем находится

¹ Захаров В.В., Колунтаев С.А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-1945 гг.). Материалы по истории русского освободительного движения (Статьи, документы, воспоминания). Выпуск 2. М., 1998, с.120.

призванная для сражения с ними грузинская военная часть, османы вышли из форта, остановили поезд и стали разоружать солдат. На самом деле это был первый эшелон советских войск, отправившийся со станции Саджавахо. Воспользовавшись этим моментом, наши солдаты приблизились к форту. За пакгаузом станции стоял конный отряд, возглавляемый отчаянно смелым полковником Фридоном Цулукидзе. Цулукидзе со своим отрядом вышли из-за пакгауза и, окружив форт, ворвались в открытые его ворота. Османы, выпустив своих солдат с целью захвата бойцов из поезда, забыли закрыть их.

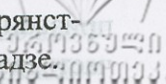
Через полчаса весь гарнизон Барцхана был разгромлен. Часть перебили, часть числом в 218 аскеров захватили в плен и прислали в мой штаб. Поезд в конце концов прекратили разоружать, и все имущество эшелона вернули»¹.

Свидетель героического поступка Фридона Цулукидзе Мито Гогуа вспоминал: «Я находился у турецкой казармы, когда началась стрельба. Турецкие солдаты стали опускать шлагбаум. В это время неожиданно выскочил всадник, с поразительной скоростью бросивший коня к шлагбауму. Ему удалось проскочить под шлагбаумом. С саблей наголо он бросился на турок, нескольких свалил наземь, другие убежали. Потом он поднял шлагбаум, и грузины ворвались во внутрь. Как я позже узнал, этот всадник был Фридон Цулукидзе»².

Эмигрировавший во Францию Фридон Цулукидзе был членом организации «Тетри Гиорги». Одно время он работал в Париже шофером, заместителем председателя

¹ Георгий Мазнишвили. Воспоминания (1917-1925), Батуми, 1990, с.203-204 (на груз.яз.).

² Грузины под немецким флагом во Второй мировой войне. Подготовил материалы для печати, предисловие и замечания Виктор Рихиладзе, Тб., 1994, с.192.

основанного в Париже «Общества грузинского дворянства». Председателем был Дмитрий (Мито) Джорджадзе.

Генерал Шалва Маглакелидзе вспоминал, что полковник Фридон Цулукидзе «во время гражданской войны в Испании вместе с несколькими членами «Тетри Гиорги» добровольно ушли к генералу Франко. Вернулись оттуда в испанских беретах. Он хотел создать эскадрон. Не надо, говорю, что толку сегодня от всадников. Нет, отвечает, они нужны. Видно, он в большей степени хотел создать комендантский эскадрон. Теперь же где ему было взять лошадей? В Польше и далее лошадей много, там с их помощью землю пашут. Но армии нужны настоящие «заводские» лошади. С Фридоном сотрудничал Мамаладзе, тоже кавалерист... Еще Данелия. Фридон ткнулся туда, сюда и, наконец, с помощью ведомства Розенберга и при содействии Георгия Магалашвили (вообще Фридон был совершенно аполитичным человеком) отправился в Венгрию, откуда и привез лошадей. Сформировал свой эскадрон. В нем служило много мегрелов»¹.

Вышеназванный эскадрон подчинили эсэсовским вооруженным силам («Wabben SS»). Официальное название этого военного подразделения было «Грузинский конный СС». Его командиром был назначен полковник Фридон Цулукидзе, которому присвоили звание штандартенфюрера (что соответствовало полковнику).

Следует отметить, что против подчинения грузинского конного подразделения СС выступили члены организации «Тетри Гиорги», в частности Калистратэ Салиа, а также Гиви Габлиани и другие, считавшие, что тем самым разобщаются воюющие на стороне Германии

¹ Грузины под немецким флагом во Второй мировой войне. Подготовил материалы для печати, предисловие и замечания Виктор Рихладзе, Тб., 1994, с. 192.

грузинские вооруженные силы. Несмотря на это, грузинский конный полк все равно был сформирован и послан в северную Италию, где одним из его руководителей стал Дмитрий Шаликашвили¹.

В мае 1945 года, благодаря разумным действиям Фридоны Цулукидзе, члены грузинского конного полка избежали передачи в качестве пленных советской стороне, где их ждала тяжелая участь. Часть осталась в Италии, остальные без осложнений перебрались в другие страны².

О воевавшем бок о бок с франкистами втором грузинском офицере Александре Владимировиче Амилахвари (1880-1968) у нас есть более подробные биографические сведения.

Сын блистательного грузинского князя Владимира Ивановича Амилахвари Александр родился 20 ноября 1880 года в Царском Селе. Был придворным пажем (с 1899 года). В Пажеский корпус попал из Тбилисского кадетского корпуса (3.XI.1899).

Звания хорунжего (что соответствовало подпоручику или лейтенанту) Александр Амилахвари удостоился во время службы в Кизляр-гребенском казачьем полку. Служил в III теркской лейб-гвардии казачьей сотне (с 1903 года), где ему было присвоено звание сотника. Одно время находился в Ливадии на службе у семьи императора Николая II (1909). После получения звания подъесаула награжден орденом св. Станислава III степени, зачислен в запас гвардейской кавалерии и отмечен Почетным Знаком за пребывание в конвое.

В 1917 году Александру Владимировичу Амилахвари было присвоено звание гвардейского полковника. Он

¹ Гиви Габлиани. Мои воспоминания (Вторая мировая война), т. II, Кутаиси, 2000, с. 184-189.

² Науменко В.Г. Великое предательство, том 2, Нью-Йорк, 1970, с.100.

становится командиром им же сформированного грузинского драгунского полка. Эмигрировавший после революции в Западную Европу А.Амилахвари активно участвовал в гражданской войне в Испании.

После Второй мировой войны А.Амилахвари живет в США и является председателем Союза русских военных инвалидов в Нью-Йорке. Он был женат на шведской баронессе Цецилии-Елене-Регине-Эммануэле фон Гротхус, от которой в 1906 году родилась его единственная дочь Русудан (Дана). Александр Амилахвари скончался в Нью-Йорке в 1968 году¹.

Следует отметить, что за участие в гражданской войне в Испании Александр Амилахвари в мае 1939 года был награжден Почетным знаком за военное отличие, которое Российское землячество Германии специально изготовило для русских добровольцев. Есть сведения, что русские эмигранты колебались – присуждать Почетный знак считавшему себя грузином Амилахвари или нет. В конце концов, присудили².

Воевавшие вместе с франкистами грузинские офицеры Фридон Цулукидзе и Александр Амилахвари рассказали о своих военных впечатлениях, полученных во время гражданской войны в Испании, в статьях, которые были опубликованы в выходившем в Париже журнале «Картлоси».

В статье Ф.Цулукидзе «Борьба национальной Испании» подробно рассматривается военно-политическое положение тогдашней Испании, характеризуются три основные группировки, входившие в руководимые

¹ С.Думин, П.Гребельский. Дворянские роды... с.112-113.

² Знак русских добровольцев в испанской гражданской войне. Журнал «Цейхгауз», № 4, М., 1966, с.37.

Франко вооруженные силы. Это – традиционалисты (карлисты), фалангисты, а также регулярные войска и «иностраннный полк». Ф.Цулукидзе пишет в статье, что прибыл в Испанию в сентябре 1936 года и находился там пять месяцев, чтобы воочию увидеть «процесс возрождения великой нации». Ф.Цулукидзе отмечает, что на стороне карлистов «воевали и грузинские рыцари. Я узнал об этом и приехал с Южного фронта к ним. Свиделся с ними на передней линии. Испанцы их чрезвычайно уважали»¹.

Факт нахождения грузин среди карлистов удостоверяет и Александр Амилахвари в своей статье «В Испании (по направлению к Бильбао)». Он пишет: «Среди карлистов находилось несколько грузин. Хотя на нашей линии было относительно спокойно и достаточно было лишь сохранять созданное положение, грузины, тем не менее, смогли отличиться образцовой службой, и начальство возвело их, рядовых солдат, в офицерское звание.

Разумеется, эти грузинские воины ранее являлись офицерами, но в среде добровольцев, будучи иностранцами, числились как солдаты»².

Определив соотношение сил в тогдашней Испании, А.Амилахвари говорит о духе сражавшихся рядом с франкистами грузинских эмигрантов: «Мы, грузины, пребывающие ныне в рядах карлистов, счастливы тем, что нам дается возможность хотя бы здесь, в Испании, в горах Наварры, воевать с носителями разрушающей нашу Родину идеи.

¹ Ф.Цулукидзе. Борьба национальной Испании. Журнал «Картлоси», Париж, 1937, № 2-3, с.15 (на груз.яз.).

² А.Амилахвари. В Испании (по направлению к Бильбао). Журнал «Картлоси», Париж, 1937, № 2-3, с.18.

Недалеко, вероятно, время, когда зазвонит колокол, освобождающий нашу страну.

Тогда мы хотим быть и будем вместе с грузинским народом в первых рядах борцов»¹.

Определенная часть грузинских эмигрантов, правда, непосредственно не участвовала в гражданской войне в Испании, но явно сочувствовала генералу Франко. Среди них были политические силы националистического толка: национал-демократическая партия Грузии, организация «Тетри Гиорги» и другие.

На военные успехи генерала Франко откликнулся специальной статьей известный представитель грузинской эмиграции, член Национально-демократической партии Александр Цомае (1907-1956). Его статья – «Победа Франко» напечатана в выходившем в Париже молодежном журнале Национально-демократической партии «Ахали Ивериа»². Примечательно, что публикация появилась до того, как Франко добился окончательной победы.

В упомянутой статье читаем: «Генерал Франко победил. Проиграли Сталин и Коминтерн! Для всех ясны величие и значение этого события. Коминтерн изгоняется из Западной Европы. Отныне эта губительная злая сила вынуждена вернуться в свою берлогу, запереться в Москве, пока ее не прикончат там. Надо думать, что поражение в Испании приближает нас к окончательному разгрому Коминтерна»³.

¹ А.Амилахвари. В Испании (по направлению к Бильбао). Журнал «Картлоси», Париж, 1937, № 2-3, с.18.

² Александр Цомае. Победа Франко, журн. «Ахали Ивериа», 1938, № 12.

³ А.Цомае. Избранные сочинения, Тб., 2000, с.106.

И в заключение А.Цома я писал: «Победа генерала Франко для нас очень важна потому, что это поражение Москвы, изгнание Коминтерна из Европы и укрепление воюющего с губительным для Грузии коммунизмом лагеря. Насколько усилятся борющиеся против московского коммунизма силы, настолько мы приблизимся к часу освобождения Грузии»¹.

Итак, во время гражданской войны в Испании националистическое крыло грузинской эмиграции явно почувствовало генералу Франсиско Франко, который стремился низвергнуть республиканское правительство и искоренить большевистскую опасность. В рядах его сторонников вместе с другими иностранными добровольцами воевали и грузинские эмигранты – полковники Фридон Цулукидзе и Александр Амилахвари, поручик Константин Гогниджаношвили, Илларион Магалашвили и др. Они верили, что победа Франко ослабит похоронивший независимость Грузии большевистский режим.

Перевод

Геоργია ЧАРКВИАНИ

¹ А.Цома я. Избранные сочинения, Тб., 2000, с.112.

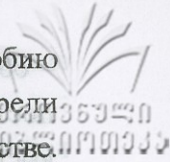
ВСТРЕЧА НА МОНПАРНАСЕ

К 100-летию художника

Феликса Варламишвили (Варла)

В первые десятилетия XX века грузинские художники проложили пути в европейские страны. Некоторые из них учились в известных художественных училищах, другие набирались мастерства за рубежом, приобщаясь к тамошним богатым традициям, а главное, активно участвовали в художественной жизни, в том поразительном процессе «кипения смелых мыслей», который радикально изменил направление и концепцию европейского искусства. Все это происходило в Париже, и, естественно, ориентиром грузинских художников являлась сия Мекка деятелей искусства. Здесь среди множества течений, калейдоскопической пестроты убеждений отличились оригинальностью видения, почерка и мышления некоторые из наших мастеров кисти (Давид Какабадзе, Ладос Гудиашвили). Затем некоторые из них вернулись в Грузию и продолжили свою деятельность в тогдашних трудных условиях.

Однако большая часть грузинских художников так и не смогла вернуться на родину. Они остались навсегда на чужбине (Феликс Варламишвили, Вера Пагава, Михаил Биланишвили, Ванос Енукидзе, Джемлет Гвазава, Нино Чеишвили и др.). Одни из них погнались за известными новациями и тем самым привлекли к себе внимание

общества. Другие благодаря способностям и трудолюбию выработали собственную манеру и стиль, приобрели определенную известность в европейском пространстве. Прежде всего это можно сказать о Феликсе Варламишвили, однако хочу обратить внимание читателя на один общий аспект – творчество каждого из упомянутых художников тематически или невидимыми нитями ностальгии связано с грузинской действительностью и представляет своеобразную часть грузинского искусства. К сожалению, нами по сей день не осознано это соответствующим образом. О многих мы почти ничего не знаем и, тем самым, немало интересных граней грузинского искусства XX столетия остаются для нас неизвестными.

Кто должен открыть их? Любой из нас – будь он специалист или просто любитель искусства, кто пожелает получить хотя бы небольшой материал о названных художниках или соприкоснуться с их работами. Но, в первую очередь, это все-таки дело музеев, в частности общенациональной сокровищницы – Государственного музея искусств Грузии. Два десятка лет назад музей заложил основу славному делу более активного собирания и широкой популяризации богатейшего духовного наследия грузинского народа. Вместе с тем он делал все для того, чтобы ближе ознакомить наше общество с искусством других народов, в среде которых трудились живущие за границей грузинские художники. Это была попытка осмысления завоеваний грузинского художественного мышления в мировом контексте, нашедшая отражение в основном в устройстве выставок. Выставка

– обычная форма деятельности музея, который наряду с постоянной экспозицией часто устраивает временные выставки, важность которых определяется представленными работами.

Факт, имевший место в начале 1987 года, был весьма значительным и волнующим. В Музей искусств Грузии из Парижа поступили десять живописных и графических работ Феликса Варламишвили. До этого супруга художника сообщила нам печальную весть о том, что 6 февраля 1986 года Феликс Варламишвили скончался. Госпожа Зирре Варламишвили просила музей выполнить последнюю волю художника и принять в дар его работы.

Полученные картины созданы на грузинскую тему в разное время. Назовем некоторые. «Старый Тбилиси» – на переднем плане изображен накрытый стол, вокруг которого сидят пирующие. Вдалеке виднеется город, Кура, Метехи и Мтацминда. «Праздник» – горная деревушка, церковь, на склонах рассыпаны веселящиеся группы людей. «Жатва» – на окруженном лесом поле идет сбор урожая. «Путешествие» – за одетыми в грузинскую национальную одежду людьми следует арба с навесом, а робщик погоняет волов прутом. Эти картины явно вдохновлены сюжетами Пиросмани. «Отец и сын» – мужчина в архалуке и кахетинской шапке с ребенком на коленях. Там же жертвенный ягненок. «Мацонщик» – тбилисский мальчишка, подняв голову, зовет покупателей, а рядом с ним – ослик с переметной сумой и т.д. Это ностальгия, тоска по родной стране, память, которую

не смогли стереть в чистой и чувствительной душе художника годы, проведенные на чужбине.

Феликс Варламишвили всегда много работал, рисовал быстро, но почти ничего не оставлял у себя. Продавал работы – другого источника дохода у него никогда не было. Вот только с этими десятью картинами он не расставался. По-видимому, они нравились ему, и он решил принести их в дар родине и таким образом оставить память о себе.

Раньше о Феликсе Варламишвили у нас мало что было известно, хотя цену ему как художнику мы знали. Интерес к его творчеству был совершенно особым. В Музее искусств находилась малая коллекция его ранних, в основном, графических работ, сохраненная ценой немалого риска сотрудниками музея. В музейных документах данные о художнике были зашифрованы и понятны только сотрудникам. В шестидесятых-семидесятых годах это постепенно выявилось. К имевшимся произведениям добавилось несколько обнаруженных в Тбилиси живописных полотен.

28 мая 1982 года я встретился с художником в Париже, на Монпарнасе, на улице Дагера. В Центральном выставочном зале Парижа (Гран Пале) торжественно открылась организованная Лувром грандиозная выставка – «В стране Золотого руна, древнее грузинское искусство на протяжении пяти тысяч лет», имевшая большой резонанс. Как раз о ней я сообщил Феликсу Варламишвили. Он уже слышал о ней, но из-за болезни не смог придти на открытие. С детской радостью он листал блестяще изданный каталог,

журналы и газеты с материалами о выставке. Несколько раз повторил – обязательно ее посету.

Он был невысоким, худым, бледнолицым человеком с мягкими чертами и живыми глазами. Говорил мало, с имеретинским акцентом, явно избегал разговора о себе и своем творчестве. Но в таких случаях супруга и друг их семьи, тоже пожилой, весьма образованный и словоохотливый Николоз Мамулашвили вступали в беседу и отвечали на поставленные вопросы. Художник время от времени соглашался с ними, произносил несколько слов или подшучивал над собой.

Я посмотрел и его последние работы – числом двенадцать, прислоненные к стене. Они заполняли крошечную мастерскую. По сравнению с ранними произведениями в них более отчетливо проявлялись магическая сила линии и цвета, своеобразное видение предметов и явлений и безбрежная фантазия...

Ему было весьма приятно, когда я сообщил, что к его творчеству в Грузии относятся особенно трепетно, нами собраны ранние работы и есть желание открыть в стенах Музея искусств большую выставку его работ. Однако, как только я назвал количество требуемых картин, настроение у него испортилось. В последние двадцать пять лет, сказал он, все, что я создаю, отдаю торговцу картинами, поэтому собрать такое число работ для выставки невозможно. Находящиеся в мастерской произведения тоже вскоре будут унесены и, где пролягут их пути-дороги, трудно сказать. Он достал маленький каталог, несколько фоторепродукций своих работ, на каждой написал – «Для тбилисского музея» и передал мне. Это были репродук-

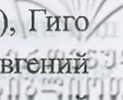

ции именно тех десяти работ, которые затем, согласно завещанию, получил Музей искусств Грузии.

Выставка все же состоялась. Открылась 27 марта 1987 года. К десяти упомянутым картинам добавились существующая в музее коллекция и подаренные художником тбилисским друзьям и знакомым работы. Таким образом, высветилось исключительно интересное лицо художника, который, если бы не превратности судьбы, мог сыграть совершенно особую роль в истории современного грузинского искусства. Затем выставка переместилась в Кутаиси. И там, и в столице не было недостатка во внимании и восхищении зрителей.

Недавно я узнал, что в Кутаиси создан не то фонд, не то общество Варламишвили. Факт сам по себе положительный, хотя мне неизвестно, что собираются предпринять объединенные там люди. Дел же, которые им предстоит выполнить, множество и каждое крайне сложное. Прежде всего надо найти разбросанные по всему миру произведения художника (интересные картины я видел в Париже в семье Зураба Кедиа и других грузин), потом издать альбом и каталог, изучить творчество мастера, установить детали биографии...

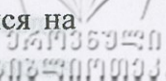
Феликс Варламишвили родился в 1903 году в Кутаиси. Там же окончил реальное училище и в 1920 году поступил на факультет естествознания Тбилисского государственного университета. Впрочем, недолго оставался в данном вузе. В 1922 году с детства увлекающийся рисованием юноша поступил в Тбилисскую академию художеств. Здесь он отличился среди студентов талантом и трудолюбием и с самого начала оказался в центре внимания педагогов.

Георгий Чубинашвили (первый ректор академии), Гуго Габашвили, Яков Николадзе, Иосиф Шарлеман, Евгений Лансере, Борис Фогель – представители той большой плеяды преподавателей, под руководством которой Феликс Варламишвили сформировался как художник. Уже в те годы он принимал активное участие в выставках, оформил одну книгу, а после окончания академии основал собственную художественную школу.

В ранних выполненных карандашом зарисовках и портретах Ф.Варламишвили четко прослеживаются зоркость глаза художника, владение линией и формой, точность передачи внешнего вида и характера изображаемого предмета или лица, одним словом, хорошая академическая школа мастера, которому современники предсказывали большое будущее.

Особое внимание привлекает одно живописное полотно того времени – «Портрет старой женщины». Необычная композиция – полностью заполненная человеческим лицом картинная плоскость, изломанная широкими мазками форма и смелое сочетание красок – делает изображение чрезвычайно экспрессивным. Ясно, что художник искал неординарные изобразительные приемы, стремился к новому объяснению сущности и смысла искусства, пытался найти свой путь. Вместе с тем художник понял, что в условиях советской действительности ему мало чего удастся добиться – в искусстве уже явно чувствовались коммунистические тиски. Это обстоятельство вынудило его совершить свойственный молодости смелый шаг, оказавшийся необратимым – в 1928 году он тайно перебрался в Турцию, оттуда отпра-

вился в Париж и больше никогда не возвращался на родину.

Прошедшему через огонь и воду молодому художнику пришлось прежде всего позаботиться о добывании средств существования. Он поселился на Монпарнасе, но заветное место художников, где стирается грань между мечтой и реальностью, оказалось к нему, как и ко многим другим, неумолимым. Хотелось учиться, но об этом не могло быть и речи. Он примкнул к ателье Сюжеля и предоставленный самому себе начал усердно работать. Лишь несколько лет спустя добился желаемого – в 1933 году устроил выставку в небольшой галерее Парижа. Так в столице Франции появился художник Феликс Варла, но его первое появление не вызвало желаемого резонанса. И не могло вызвать. В художественной жизни Парижа процесс напряженных поисков к этому времени достиг пика. Матисс, Пикассо, Кандинский и с ними целая армия молодых художников с поразительным рвением старались похоронить старое и утвердить радикальные новации в искусстве. Критериями в искусстве считались иррациональная интуиция, подсознательная активность художника, импровизация, свободная фантазия, оригинальность. Естественно, на этом фоне сюжетно-фигуративные композиции Варлы не могли привлечь особого внимания общества.

В то же время Феликс Варламишвили создает семью. Женится на увлеченной живописью Зирре Биндер, датчанке по происхождению. В их семье я видел и работы госпожи Зирре – натюрморты и замечательные образцы

художественной вязки, большинство которых выполнено по рисункам супруга.

Вскоре семья окрепла материально, и молодые расправили плечи. Попутешествовали по миру. Объездили страны Европы и Америки. Варла везде работал интенсивно и увлеченно. Появилось немало поклонников и ценителей и, естественно, немало прекрасных работ было продано или подарено им в разных точках мира.

Четыре года они жили в Аргентине, где Варла устроил несколько выставок, его высоко ценили как художника. Однако в конце концов семья вернулась на Монпарнас.

В первые годы пребывания в Париже творчество Феликса Варламишвили питали грузинские темы и сюжеты. Более того, в работах данного периода в определенной степени ощущается влияние Пиросмани и Гудиашвили, однако в дальнейшем для Варлы творчество других художников перестало иметь существенное значение. Он выработал собственное эстетическое кредо, стиль, манеру, которые можно считать своеобразным проявлением модернизма.

В зрелый период Ф.Варла создал несколько интересных портретов, в которых проявил себя как реалист и аналитик. Помудревший мастер «глубинно» видит и других, и себя самого, характер и нюансы настроения конкретного лица, его индивидуальных черт как внешних, так и внутренних. Вспоминается блестящий графический автопортрет – волевое, с резкими и напряженными чертами лицо мужчины средних лет, пронзительный взгляд, перед которым никто и ничто не может

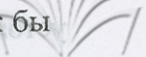

устоять (во время моего визита старый художник совсем не походил на свой автопортрет). Чрезвычайно большое впечатление производят и другие портреты, и все-таки, похоже, это был не его жанр.

Оригинальные особенности почерка и мышления Ф.Варлы как творца прежде всего проявляются в сюжетных произведениях. Сюжет всегда в общем импульсивен или отмечен незначительными (незначительными, наверное, для других) деталями видимой действительности. Он как будто знаком нам, но столь преобразован, что у зрителя не возникает даже вопроса, такова ли Грузия, Португалия, Венеция, Буэнос-Айрес, – он без колебаний соглашается с художником. Развернутые на фоне многоцветного, многопланового, красивого пейзажа деревенские сцены, городские мотивы с древними дворцами и крепостями находятся где-то на грани между реальностью и иллюзорностью, они и сказочны, и реальны одновременно.

Композиции всегда осмыслены до конца, легки и изысканны. Они зачастую включают в себя множество фигур. Люди и животные как бы находятся в чуждой среде, и сами отчуждены, но ничего лишнего и неуместного в них нет. Сосуществование фигур обусловлено и соединено единым ритмом места, движения и деятельности.

Разумеется, художественный эффект картины зависит в основном от линии и цвета. Линия – резкая, но одновременно изящная и виртуозная. Цвет – уравновешенный множеством тональных нюансов, порой мажорно контрастный, глубокий и интенсивный. Светящие местами

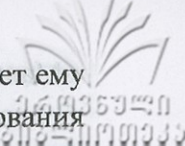
цветовые акценты сразу привлекают внимание, как бы поясняя замысел художника.

И, наконец, главное — человек, смысл и существо любой живописной или графической композиции Феликса Варламишвили и еще лошадь, присутствующая не в каждой работе, но всегда отмеченная необычным обаянием. Тонконогие, с развевающейся гривой, скачущие или спокойно идущие кони порой изображаются в сложнейшем ракурсе, что в полной мере проявляет великолепное мастерство художника.

Персонажи Ф. Варлы простые, но отмеченные высокой духовностью люди. Худые, элегантные, с несколько удлиненными пропорциями тела, с необычной внешностью и одеянием — они приковывают внимание. Они трудятся, борются, делают общее дело, они связаны друг с другом, но между ними нет взаимодействия. Отчетливо видно — они как бы застыли, замерли в действии. Стоят на земле и одновременно не стоят. Их отчетливо смоделированные формы невесомы. Неконкретизированные образы представляют лишь отдельные компоненты зрелища и часто повторяются. Или в одной картине, или переходят из одной композиции в другую. Художник как бы стремится объединить тело и душу, земное и небесное и пытается перевести свой персонаж, а вместе с ним и зрителя из бытовой реальности в романтически воображаемый мир.

Расположение духа идиллически-грустное. Грусть всегда сопутствует творчеству Варлы и, видимо, в большей степени связана с утраченным прошлым, с родиной, чем с общечеловеческими проблемами.

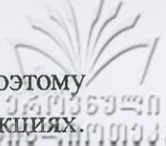
Художник редко обращается к сложной социальной, философской или эпической проблематике. Он создает

свою виртуальную реальность, которая доставляет ему истинное удовольствие и не дает никакого основания для глубокого размышления или избыточных эмоций. Картины привлекательны, интересны, такое изобилие таланта не оставит равнодушным человека любого интеллекта и происхождения. А художнику ничего другого и не надо, это и есть его главная цель, и добивается он ее с легкостью, свободно, опираясь на рафинированный артистизм. И еще. Варла ни на кого не похож. Его творчеству фактически невозможно подобрать хотя бы самый общий фон. Вряд ли можно найти родственного ему художника в современном мировом искусстве.

Разве только обособленного от всех во времени и пространстве Пиросмани, о котором Варла сказал мне при встрече: «Пиросмани большой художник, гений». Он вспомнил замечательную выставку его работ, организованную в 1969 году Музеем искусств Грузии в Париже, которая принесла признание грузинскому художнику во всей Европе. Развернутая в залах Лувра экспозиция очень понравилась Варле, он не забыл тот факт, что Пикассо затем нарисовал портрет Пиросмани. Со стариковской печалью заметил: «Наверное, уже не увижу картины Пиросмани». Видно было, что он обожествляет своего предтечу. Ему, похоже, хотелось, чтобы я почувствовал его духовную близость к Пиросмани, которая, помимо всего прочего, быть может, была обусловлена их в какой-то степени «одиноким существованием».

Композиции Феликса Варламишвили в основном небольшого размера и предназначены для семейного, интимного интерьера (об этой функции искусства после

«Малых голландцев» как-то редко вспоминают). Поэтому большинство их сосредоточено в частных коллекциях. Это еще одна из причин, по которой при необходимости будет затруднен поиск работ художника. Могу сказать, что существует довольно большой фотоальбом работ Варлы, составленный его супругой. Я видел его в их семье. Мне известно также о существовании каталогов некоторых выставок художника.

Работы Феликса Варламишвили неоднократно выставлялись во многих местах – в Париже, Монте-Карло, Сан-Франциско, Детройте, Нью-Йорке, Буэнос-Айресе, Токио и в других городах Японии и Америки, Италии и Испании, Португалии и Бельгии, Швейцарии, странах Скандинавии, Австралии, Иране. Выставки обычно сопровождал автор. Они вызвали большой общественный интерес, о чем свидетельствуют отклики в прессе. Картины Варлы хранятся во многих музеях мира.

Такой географии позавидовали бы многие прославленные художники. Однако Феликса Варлу редко упоминают рядом с их именами. Надлежащее признание его творчества вновь остается делом будущего, заботой нашего и последующих поколений. Это непременно должно произойти, ибо необычайно поэтичное, музыкальное, возвышенное искусство Феликса Варлы того заслуживает.

Перевод

Георгия ЧАРКВИАНИ

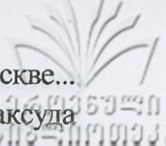
ОГРАБЛЕНИЕ ПО-ГРУЗИНСКИ*Памяти Шота Нишнианидзе*

Несколько лет назад меня ограбили – ранним вечером, в Москве, на одном из главных ее проспектов. Обыкновеннейшее по нынешним временам событие не заслуживало бы упоминания, если б не некоторые подробности. Они оказались столь необычны, что вот уже который год я с удовольствием (и успехом) потчую ими слушателей. В сущности, по их настоянию и записываю свой рассказ.

Итак, событие преступления имело место четвертого декабря 1997 года, около девятнадцати часов, на Ленинском проспекте, примерно в полукилометре от Дома мебели – если ехать из Внукова. Однако, приступая к его описанию, я чувствую потребность отступить вспять еще часа на три.

...Я возвращался в Москву после затянувшейся поездки по Закавказью. Две недели сложились на редкость удачно. Стояла прекрасная погода, почти летняя теплынь, редкая в конце ноября даже на юге. Мне довелось пообщаться с коллегами, внушавшими профессиональную и человеческую симпатию; удалось кое-что сделать для журнала, который незадолго до того возглавил и каким-то, загадочным даже для меня, образом вытаскил из кризиса... Подробностей было много, все они заслуживают воспроизведения, но не в этом сюжете. Здесь я буду конспективен.

В Ереване мы полдня провели с Грантом Матевосяном и Левоном Мкртчяном в летнем ресторане на горке, в зеленой выгородке из слабо пахнувшей подстриженной туи – перед едой мои сотрапезники (или собутыльники?) ополоснули руки водкой «Северное сияние», и я с

удовольствием перенял этот жест, невысказанный в Москве... В Баку мы провели чудесный вечер на даче у Максуда Ибрагимбекова, стоящей на берегу Каспия в окружении экзотических деревьев, напоминавших картины Гогена... А в Тбилиси мне удалось получить аудиенцию у президента Шеварднадзе, и хотя встреча состоялась поздно вечером, после рабочего дня, он уделил мне целый час и был полон энергии и легкого грузинского обаяния...

В тбилисских редакциях и издательствах я повидал литераторов-земляков, захваченных, озабоченных или удрученных происходящими событиями. Среди них был Шота Нишнианидзе – блестящий поэт, равно органичный как в выражении эпической мощи, так и утонченного лиризма. Пожалуй, Шота относился к числу удрученных происходящим и откровенно делился со мной тревогами. Запомнилось его горестное признание: «Я часто вспоминаю, как нас возмутили слова Валентина Распутина на писательском съезде о том, что грузинская нация больна. А сегодня, глядя на происходящее, порой думаю, что, может быть, этот пронзительный человек со стороны видел больше нашего...» В день отъезда по моему настоянию Шота передал мне доверенность на получение гонораров за стихи, опубликованные в «Литературке» и в «Дружбе народов» – обстоятельство, сыгравшее впоследствии решающую роль...

Удачи закавказского турне продолжились в аэропорту: подходя к самолету, я увидел у трапа Колю Пшенецкого. Кроме земляческой приязни, в Москве нас связывал тот самый журнал, который мне удалось спасти: некогда Коля работал в нем художником, ему, в частности, принадлежит логотип «Дружбы народов», похожий на китайский иероглиф, изображающий двух нахохленных ворон.

Колю привели в Тбилиси печальные обстоятельства – кончина матери. Распродав и раздарив оставшееся добро (в том числе квартиру), он возвращался в Москву. Коля был возбужден и взволнован пережитым, к тому же, кажется, под хмельком. В самолете сели рядом. В кресле у иллюминатора уже сидел симпатичный грузин лет сорока пяти, назвавшийся, если не ошибаюсь, Дмитрием, как выяснилось впоследствии, директор одной из московских кондитерских фабрик.

Едва самолет набрал высоту, Коля подозвал стюардессу, попросил принести коньяк и предложил нам выпить за родителей – помянуть усопших, пожелать долголетия здравствующим... Его хрипловатый басок звучал проникновенно. Мы соприкоснулись пластмассовыми стаканчиками, выпили. Коньяк был превосходный – мягкий, душистый «Греми». У Дмитрия, самого молодого из нас, родители оказались живы; наклонясь к нему, Коля долго объяснял, как он должен ценить такое счастье и ни в коем случае, никогда не обижать стариков... – при этом его глаза блестели от слез.

Погодя он опять подозвал стюардессу и попросил еще коньяка. Мы выпили по второй. Потом по третьей... Коля заметно успокоился. Он говорил так же много и проникновенно, но уже без слез. Его рокочущий бас, гармонично сочетающийся с хорошим коньяком, создавал уют. Есть такая категория людей, довольно редкий человеческий тип – точнее всего он воспроизведен в диккенсовском мистере Пиквике; для создания уюта им не нужен ни ковер с диваном, ни кузнецовский фарфор, достаточно физического присутствия. Таких людей, как Коля Пшенецкий, я советовал бы вербовать в трудные экспедиции, в Заполярье, на дрейфующие льдины – с ними даже

сложенное из снежных блоков зимовье покажется обжитым и славным домом... Насколько же славным сделался для нас лайнер, наполненный ровным гулом двигателей и благодушным посапыванием вентиляторов!..

Когда, не дождавшись стюардессы (похоже, она уклонялась от очередного заказа), Коля отправился на ее поиски, Дмитрий удивленно поллюбопытствовал, что за человек так щедро потчует нас дорогим коньяком, — преуспевающий бизнесмен, или...

— Он художник, — ответил я. — Книжный график, — и почему-то пояснил, — из кавказских поляков, — словно происхождение должно было объяснить поведение Пшенецкого.

— Из поляков?! — удивился Дмитрий. — Да таких теперь и грузин-то не осталось!..

Коля вернулся с бутылочками «Греми», распиханными по карманам. Отвинтив крышечки, разлил по стаканам.

— Я вас прошу! — взмолился Дмитрий. — Вы ставите меня в неловкое положение. Я сижу тут затиснутый между креслами и даже не могу выбраться, чтобы ответить вам тем же... Пожалуйста, не надо больше!

— Хорошо, — согласился Коля. — Выпьем за мягкую посадку и все...

В аэропорту меня встретил шофер редакционной машины Рустам Галеев, Дмитрия — сотрудник его фабрики, элегантный молодой человек. Погрустневший и озабоченный Коля Пшенецкий сказал, что ему придется ждать багажа и пошел к месту выдачи, а Дмитрий, которому наконец-то представилась возможность отблагодарить широкого попутчика, сообщил своему сотруднику, что они непременно должны подвезти до дома «хорошего человека». (Впоследствии Коля рассказал мне, что через неделю после возвращения в Москву, Дмитрий явился к нему с роскошным тортом, специально изго-

товленным на его фабрике.) У меня была только ручная кладь – чемодан и портфель; после слов Дмитрия я решил, что могу не дожидаться своего приятеля и направился к выходу. Угрызения совести по поводу того, что оставляю Коллю на чужое попечение, вязали по ногам, но я все-таки сел в машину...

Мы резво катили по Внуковскому шоссе, покрытому расшлепанной крупчатой жижей. Падал редкий водянистый снег. Рустам рассказывал редакционные новости. Миновали МКАД и развилку с проспектом Вернадского, в ту пору еще не реконструированную. Машин на трассе было мало, ничто не мешало дорожной беседе, приправленной анекдотами «от Рустама». Примерно около «Дома туриста» нас стал обходить черный «Рейндж Ровер», агрессивно-мрачный, как новорусский пахан в трауре по убитому корешу. Едва обогнав, он вдруг вильнул вправо и сбавил скорость. Рустам ударил по тормозам, но поздно – мы уже подчинялись не правилам дорожного движения, а законам физики. В результате наша хрупкая светлая «Волга» врезалась в зад мощному, как танк, черному «Рейндж Роверу». Я чуть не вышиб лбом ветровое стекло и сквозь звон в ушах подумал: «Это мне за брошенного Коллю!..»

К нашему удивлению черный «Рейндж Ровер», который мог преспокойно катить дальше – наш удар был для него не чувствительней шлепка – въехал на пустырь и стал, виновато притушив фары. Подойдя к нему, мы увидели за рулем то ли напуганного, то ли очень смущенного человека.

– Как ты едешь! – грозно начал Рустам. – Ты что, второй день за рулем?!

– Виноват...

– Ясно, что виноват, но как нам дальше быть? – не ослаблял напора Рустам. – Может, ГАИ позвать? – в отдалении у тротуара маячила милицейская машина.

– Нет, нет, не надо никого звать! – торопливо ответил хозяин «Рейндж Ровера». – Я виноват и все оплачу. Сколько скажете... Здесь недалеко моя фирма... Поедемте и я заплачу, сколько скажете...

Скорее всего странный фирмач был под «кайфом» – такой пришибленный и рассеянно-отсутствующий у него был вид; единственное, что цепко держало сознание, это нежелательность встречи с законом.

Осмотрев разбитую «Волгу», Рустам назвал кругленькую сумму, которая была принята без обсуждения, и они уехали.

Я походил вокруг изувеченной машины, исследовал покореженное железо. Бампер и передок были сильно вмяты, капот – в гармошку. Удивительно, что такой удар никак не сказался на громиле «Рейндж Ровере». Из чугуна он, что ли, отлит?!

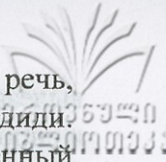
С неба продолжал падать мокрый снег, дул ветер. Я предпочел залезть в машину и, устроившись поудобнее, стал ждать возвращения Рустама.

Погодя, откуда-то из сумрака проспекта возник молодой человек. Деловито подошел к машине, что-то сказал. Я не расслышал, приспустил оконце. Молодой человек наклонился, спросил:

– Как праиехать рэстаран Ханой?

Я услышал сильно выраженный грузинский акцент, точнее – его мингрельскую разновидность, которой в точности соответствовала физиономия говорящего: конопатая, светлоглазая, с рыжеватой щетиной на мальчишеских щеках. Предвкушая его удивление, я невозмутимо ответил по-грузински, слегка имитируя мингрельскую интонацию.

– Чем калечить русский язык, давай я по-нашенски растолкую, как тебе проехать.

Молодой человек не отреагировал на родную речь, как будто слышал ее не в Москве, а в Поти или Зугдиди. «Видно, много нас тут развелось...» – слегка озадаченный подумал я, и принялся объяснять маршрут. Я хорошо знал местоположение «Ханоя», да и схема получалась простая, поскольку он находится на Профсоюзной. Молодой человек внимательно слушал, понимающе кивал. Потом разбитую «Волгу» объехала красная иномарка с низкой посадкой и гоночным силуэтом, подобрала молодого человека, и мои земляки покатали в сторону центра. «Зачем им «Ханой», когда в Москве столько вкусных грузинских заведений», – подумал я.

Погодя появился Рустам – хозяин «Рейндж Ровера» не только выдал затребованную сумму, но доставил к месту аварии. Рустам сунул уемистую пачку в «бардачок», еще раз осмотрел машину и сказал, что придется тащиться на буксире. Я выбрался из машины, вышел на мостовую и стал «голосовать», а он полез в багажник за тросом.

– Что за черт! – услышал я через некоторое время.

– В чем дело, Рустам? Нету троса?

– Трос-то есть, – ответил он. – А вот твоего чемодана и портфеля нету.

– То есть как это?! – оторопел я и тоже заглянул в багажник. – Может, в салон положил?

– Еще чего!.. – проворчал он. – Исключено... – но на всякий случай заглянул в салон.

– В аэропорту не мог оставить?

– Скажешь тоже! Как всегда, сложил в багажник. –

Он раздумчиво уставился на меня. – Что здесь было, пока я с этим типом ездил?

– Ничего... – ответил я и, сосредоточась, стал припоминать. – После того, как вы отъехали, я ходил вокруг машины, осмотрел вмятину, потом сел и больше не

вылезал. – И вдруг вспомнил: – Ко мне подошел паренек и спросил, как проехать в ресторан «Ханой». Оказалось – земляк. Мы с ним покалякали по-грузински. Потом он сел в красную иномарку и уехал.

– Все понятно! – Рустам сокрушенно покачал головой. – Пока вы калякали по-грузински, багажник и обчистили...

Мне вдруг отчетливо припомнилось, точнее, если воспользоваться классическим клише, я увидел мысленным взором, как, наклоняясь ко мне почти лицом к лицу, молодой человек разок-другой глянул куда-то мимо: похоже, следил за действиями напарника, колдующего над багажником.

– Может быть, хоть номер иномарки запомнил?

– С какой стати? Я и не смотрел.

– Понятно, – Рустам в сердцах захлопнул багажник. – Что будем делать? Заявлять в милицию себе дороже. Ищи ветра в поле! Грабанули тебя земляки. Что унесли-то?

– В чемодане шмотки. Считаю, полгардероба.

– А в портфеле? Портфель тяжелый был, я еще удивился.

– Бумаги и отборный коньяк, бутылок десять, от Гурама Панджикидзе подарок.

– Эх, выпьют бандиты за земляка, и спасибо не скажут!..

Мы стояли позади разбитой «Волги», сокрушаясь и припоминая подробности. Рустам высказал предположение, что, может быть, и «Рейндж Ровер» не случайно подставился, однако версия показалась мне надуманной. Попробовал запустить двигатель «Волги», но тут же вылез, чертыхаясь. Казалось, он был расстроен не меньше меня. Я же сокрушался от беспомощности и бессилия и от того, что стал жертвой не тамбовских или солнцевских, а своих дорогих земляков. Ищи ветра в поле! В поле хоть есть шанс углядеть, а в Москве...

Нас долго никто не брал на буксир, машины мчались мимо, не замечая двух немолодых мужчин, уныло голосующих возле разбитой «Волги».

Вдруг от оголтелого потока отделилась красная иномарка – низкая посадка, гоночный силуэт – мягко подрулила к тротуару и притормозила. Сидящий за рулем мужчина наклонился к дверце, обратился по-грузински:

– Батоно, можно вас на минуту...

Я направился к нему и, подходя, увидел на заднем сидении свои вещи – чемодан и портфель. В сущности, это уже не было неожиданностью, я знал, кто их увез, но увидев воочию, искренне вознегодовал (перевозку дословно):

– Поллбуйся на них! На что это похоже?! Чем вы тут занимаетесь?!

– Работа такая, – по-русски ответил сидящий за рулем мужчина и сдержанной улыбкой смягчил как свой ответ, так и мою горячность.

Дальше он перешел на грузинский и наш разговор быстренько съехал в привычную колею: из каких вы краев, да откуда родом, какими судьбами в Москве и давно ли из Грузии?.. Движение по наезженной колее чаще всего приводит если не к общей родне, то к общим знакомым, однако для результата нужно время. У нас его не было, поэтому я успел узнать только, что мои грабители – беженцы из Сухуми, и что им случалось проезжать мимо моей родной деревни. Совсем немало для короткого разговора. Впрочем, со мной разговаривал только сидящий за рулем мужчина – молодняк помалкивал, неспешно, по цепочке передавая мне вещи.

– Ваше возвращение все меняет, – сказал я. – Слов нет, оно настолько все меняет, что я буду рассказывать о нем и здесь, в Москве, и там, у нас расскажу!..

Чемодан был возвращен с рук на руки и опять уложен в багажник. Но портфель, который ребята протянули мне, сильно полегчал.

— Э, нет! — сказал я. — Он был полный и очень тяжелый. Спросите Рустама...

Послушно, как дети, они поставили в портфель с полдюжины коньяка.

— Одну оставьте, — разрешил я. — Отметите нашу встречу, — моя щедрость, несопоставимая с их, позабавила меня. — Ну все, ребята, счастливо! Советую сменить работу. А лучше возвращайтесь в родные края!

— Куда возвращаться? Ни кола, ни двора...

— Тоже верно, — вздохнул я и, не зная, чем их обнадежить, добавил: — Дай вам Бог радости, как вы меня обрадовали!...

— Будьте счастливы, батоно, — отвечали они. — Гора с горой не сходится, а человек с человеком...

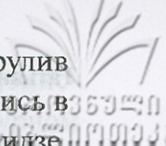
Мы расставались, довольные друг другом, с веселой легкостью на сердце. Я шагнул к нашей машине, к ее распахнутому багажнику, и тут услышал те самые слова, ради которых и взялся описывать свое необычное приключение.

— Извините, батоно! — сказал сидящий за рулем мужчина и голос у него был не такой, как при разговоре в «наезженной колее». — У вас там бумаги, подписанные Шота Нишнианидзе... Это тот самый Шота Нишнианидзе — наш замечательный поэт?...

Я так и оторопел. Обернулся изумленно.

— Ну вы даете! С ума сойти! Вы не только машины грабите посреди Москвы, но и поэтам цену знаете!...

Сидящий за рулем мужчина со смущенной улыбкой покачал головой. Красная иномарка объехала нашу «Волгу» и влилась в пестрый поток машин...

В сущности, ничего загадочного. Все просто. Зарулив в темный проулок, они покопались в вещах, порылись в бумагах и обнаружили доверенность Шота Нишнианидзе, переданную при нашей последней встрече. А дальше... А дальше вмешалась поэзия. Поистине, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется!..

За прошедшие годы я десятки раз рассказывал эту историю – и в застолье, и в студенческих аудиториях, и случайным попутчикам, но тот, кому она предназначалась прежде всех – главный герой, волшебник, своим поэтическим словом преобразивший грубый житейский анекдот, так и не услышал ее. Меньше чем через год Шота Нишнианидзе – волоокый молчун с внешностью чемпиона-тяжеловеса, умер от скоротечной болезни.

Что ж, дорогой Шота, вместе с твоими стихами, вместе с воспоминаниями о нашей молодости мне осталась и эта притча о наших лихих земляках и силе поэтического слова...

Перечитав написанное, я вдруг задумался: из упомянутых друзей-литераторов сегодня нету в живых не только Шота Нишнианидзе, но и Гурама Панджикидзе, Гранта Матевосяна, Левона Мкртчяна... Как повыкосило! А ведь они едва переступили за шестьдесят – не возраст для кавказца!..

Что и говорить, трудно писательской братии дается реставрация капитализма: душа ноет, сердце болит, почки отказывают, желудок не принимает...

«Я больше не пишу», – сказал мне Грант в ресторане на горке, в выгородке из подстриженной туи. «Почему?» – спросил я. Он пожал плечами: «Когда заглядываю на несколько лет вперед, не вижу девушку, читающую мою книгу...»

Но это уже другая тема. Или все та же?..

«БЛОКАДНАЯ ТЕТРАДЬ» ТАМАРЫ КИПИАНИ

В 2003 г. журнал «Литературная Грузия» издал воспоминания Тамары Кипиани «Блокадная тетрадь». Прежде чем рассказать об этой книге и ее авторе, мне бы хотелось напомнить о роли, которую на протяжении нескольких десятилетий играет «Литературная Грузия» в развитии русско-грузинских литературных и культурных связей. Журнал был основан в 1957 г. и занимал, насколько это было возможно, последовательно либеральную позицию. На его страницах часто печатались произведения – стихи, статьи, мемуары – «не проходившие» по цензурным соображениям в московских и ленинградских журналах, в частности неизвестные ранее стихи поэтов «серебряного века», творчество которых было тесно связано с Петербургом – Петроградом – Ленинградом. Так, например, еще в 1967 г. в «Литературной Грузии» (№ 2) были впервые опубликованы стихи О.Мандельштама 1930-х гг., в 1971 (№ 8) – неизвестные ранее стихотворения М.Кузмина, в 1979 (№ 7) – стихи из архива А.Ахматовой, в 1985 (№ 11) – стихи переводчика грузинской поэзии Б.Лившица, а в 1988 (№ 1) – стихи из альбома ученика тбилисской гимназии Н.Гумилева. Один из публикаторов – ленинградский ученый В.Петрановский специально поехал в Тбилиси, где «пристроил» гумилевские стихи, охотно принятые редакцией. В 1970-х – начале 1980-х гг. литературовед Г.Маргвелашвили помещал на страницах «Литературной Грузии» подборку под общим заглавием «Свидетельствует вещий знак», в которой публиковались стихи современных русских поэтов, писавших о Грузии, в частности ленинградцев

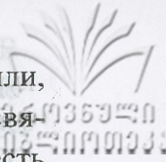

А.Кушнера, Е.Рейна, Н.Соколовской. Из статей грузинских учёных назову работу Л.Авалиани о литературном турне Ф.Сологуба и И.Северянина по Грузии в 1913 г. (1981, №3) и Н.Элизбарашвили о И.Зданевиче (1981, № 8). Из многочисленной мемуарной литературы, связанной с питерскими писателями, побывавшими в Грузии, упомяну воспоминания замечательного грузинского ученого, с которым мне посчастливилось неоднократно встречаться, А.Гацерелия о Ю. Тынянове – («Литературная Грузия», 1975, № 12, 1976, № 1) и главы из мемуарной книги вдовы поэта Т.Табидзе – Нины Табидзе, рассказывающие о встречах с Ю.Тыняновым, А.Толстым, Н.Заболоцким (1984, № 5, 6).

В годы перестройки на страницах «Литературной Грузии» стали публиковаться произведения забытых и запрещенных при советской власти грузинских писателей, например, одного из крупнейших грузинских прозаиков и эссеистов XX в. Гр.Робакидзе, тесно связанного с петербургской культурой. Так в 1988 г. были опубликованы главы из написанной Гр.Робакидзе в 1919 г. на русском языке книги «Портреты», содержащие эссе о В.Розанове, М.Лермонтове, А.Белом, статья Робакидзе о Ф. Достоевском, написанная к 100-летию со дня рождения писателя, и эссе о Петербурге «Фантастический город». В связи с трагическими событиями 9 апреля 1989 г. в «Литературной Грузии» (1990, № 5-7) было опубликовано заключение Комиссии Съезда народных депутатов СССР под председательством А.Собчака, память которого в Грузии высоко чтут. К 300-летию Санкт-Петербурга именем первого мэра северной столицы в Тбилиси назвали улицу и открыли памятник ему в парке им. 9 апреля.

За время существования журнала его редакторами были К.Лордкипанидзе, М.Мревлишвили, Г.Цицишвили, Г.Асатиани, Т.Буачидзе, Р.Миминошвили. В настоящее время журнал возглавляет З.Абзианидзе*. Известно, что экономическое положение в Грузии крайне тяжелое, поэтому журнал выходит далеко не каждый месяц тиражом в 300-400 экземпляров. Тем ценнее, что к 300-летию Петербурга был выпущен специальный номер (2003 г., № 1-3) объемом в 409 страниц. В этом выпуске опубликованы многочисленные материалы о жизни грузинской колонии в Петербурге в прошлом и настоящем, статьи об А.Ахматовой – А.Гацерелия, Д.С.Лихачеве – Р. Сирадзе, И.Бродском – И.Кулишовой. Особо хочется отметить работы о восприятии Петербурга грузинскими писателями и поэтами – «Петербург глазами грузинских мемуаристов» Д.Менабде и «Петербург в грузинском отражении» И.Кенчошвили, в которых дается различная трактовка мифа города. Мемуарный раздел представлен воспоминаниями Г.Торадзе о И.Соллертинском, М. Тоидзе о И.Репине, о Г.Товстоногове рассказывают его ученики – режиссеры Г.Лордкипанидзе и С. Мревлишвили. Особо хочется отметить воспоминания ученика Н.Я.Марра И.Мегрелидзе, учившегося в Ленинграде в начале тридцатых годов, из которых мы узнаем, что в 1931 г. в Ленинградском доме писателей была открыта секция грузинской литературы, которая проводила вечера грузинской поэзии, устраивала лекции о грузинской литературе, встречи с грузинскими писателями – Т. Та-

* Заза Абзианидзе – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой Тбилисского театрального института, автор книг для детей, член ассоциации писателей «Европейский форум», с 1995г. главный редактор журнала «Литературная Грузия».

бидзе, В.Гаприндашвили, Г.Табидзе, М.Джавахишвили, П.Иашвили, С.Чиковани, И.Гришашвили. В посвященном юбилею Петербурга журнале можно прочесть стихи Галактиона и Тициана Табидзе о городе на Неве, А.Кушнера, Н.Соколовской, И.Сергеевой о Грузии. С ленинградской блокадой связан сюжет автобиографического рассказа Г.Цицишвили «Дольше всего живет надежда». Герой произведения – молодой военный пробирается в блокадный Ленинград, чтобы помочь женщине, которая была его первой любовью. В опустошенном морозном городе, обезображенном артобстрелами, он находит дом и квартиру своей возлюбленной и не узнает ее обитательницу, молодую красивую женщину, превратившуюся в дряхлую старуху. Для тех, кто не знаком с воспоминаниями блокадников, такая метаморфоза может показаться художественным вымыслом. Однако схожую историю описывает в «Блокадной тетради» Т.Кипиани. Оставшись одна в квартире родственницы, она зашла в пустую комнату и «заметила какую-то иссохшую, пожелтевшую женщину, укутанную в серую шаль. Я ее не узнала, но поздоровалась, она тоже кивнула мне в ответ. Присмотревшись к ней, вижу что-то знакомое, и мы направились друг к другу. Оказалось, это зеркало, и я вижу свое отражение. Ведь я давно не заглядывала в зеркало, сознательно избегая его всюду. Я зажмурилась и быстро ушла из этой комнаты» (с.78). Автор «Блокадной тетради» Тамара Кипиани (1908-1978) родилась в грузинском селе Цнори, училась в Кутаиси и Тбилиси, затем для продолжения образования приехала в конце 1930-х в Ленинград и поступила в Педагогический институт иностранных языков. На последних

курсах Тамара совмещала учебу на отделении немецкой филологии с работой в Институте востоковедения АН СССР, где заведовала кавказскими фондами. Ее коллегами были востоковеды Варлам Дариспанович Дондуа, который перевел на русский язык книгу царевича Иоанна Багратиони «Калмасоба» и хронику «Жизнь царицы царей Тамар», Борис Тихонович Руденко, автор первой, написанной на русском языке, академической «Грамматики грузинского языка», секретарь кавказского кабинета азербайджанский историк Абдулкерим Али-заде. Просто и бесхитростно Тамара Кипиани рассказывает, как изменилась жизнь города, Института востоковедения и ее собственная с первых дней войны. В начале августа 1941 г. она вместе с другими сотрудниками научных учреждений Васильевского острова была вывезена под Новгород на оборонные работы, где ученые, многие из которых до этого не держали лопаты в руках, копали траншеи и на время оказались отрезанными от Ленинграда. Вспоминает о дежурствах на крыше Библиотеки Академии наук, где тогда помещался Институт востоковедения, о наступившем после введения карточной системы голоде, неудавшейся попытке эвакуации. Во время одной из стоянок парохода – они эвакуировались по водному, еще открытому в первые месяцы войны пути – муж настоял на возвращении в Ленинград. Они добрались до Шлиссельбурга, попали там под обстрел, а затем на последнем вошедшем в город поезде вернулись. Началась блокада. Тамара с мужем жили у Московского вокзала и поэтому боялись ночевать дома, уходили на ночь к друзьям, жившим в более безопасных районах города. Однажды ночевали у зоопарка в квартире литовских друзей, супругов Аудзе. Именно в эту ночь бомба попала в

зоопарк, но дом, где жили Аудзе, чудом уцелел. В блокадной обстановке Тамара и ее муж Валентин не только, пока хватало сил, работали, но и сдали госэкзамены. По случаю получения дипломов супруги разломали свой последний стул на дрова, сварили суп из картофельных очисток, подаренных Тамаре Б.Руденко, и таким образом отметили окончание учебы.

В воспоминаниях Т.Кипиани много выпуклых деталей, живых штрихов, зарисовок. К примеру, она вспоминает встреченную на пароходе бывшую балерину Марию Карловну Андерсен, которая на фоне испуганных войной пассажиров выглядела как инопланетянка. Она раскладывала на полу свои фотографии в ролях, «объясняла женщинам, где и когда снято то или иное фото. Помню один ее снимок в роли Кошечки в «Спящей красавице» П.Чайковского. Мария Карловна говорила, что Петру Ильичу она очень нравилась, и роль Кошечки он написал специально для нее. На фотографии рукой композитора было написано: «Моей кошечке – Чайковский». Не обращая внимания на опасность и царивший вокруг ужас, Мария Карловна, сидя на полу перед уборной, с обычной для нее увлеченностью весело болтала о днях своей молодости, подтверждая свои рассказы вырезками из газет, восхваляющими ее мастерство (с.26). А вот другой эпизод: «Пришла я на работу, заглянула в книгохранилище. Вижу, профессор Варлам Дондуа укладывает книги в ящик.

– Что это за книги, Варлам Дариспанович? – спрашиваю я его.

– Мои собственные. Все, что было ценного в моей библиотеке, я принес сюда. Уложу их в ящики и вместе с раритетами этой библиотеки снесу в подвал. Может, мы

не выживем, а вот грядущие поколения найдут и используют эти книги.

– Если есть возможность, разрешите и мне принести две-три книги, они у меня тут, в кабинете, – попросила я и быстро сбежала за «Витязем в тигровой шкуре» и русско-грузинским словарем в издании Н. Чубинашвили» (с.43). Интересно, что эти книги уцелели и были возвращены Тамаре через двадцать лет после окончания войны, в то время как оставшиеся дома пришлось использовать на растопку печки. Т.Кипиани приводит и такую деталь блокадного быта: «Вдруг нас догнала машина с белым полотнищем на боку, на котором огромными красными буквами было выведено «Взрыв». За машиной тянулась прицепленная к ней маленькая тележка на резиновых колесах, а на ней лежала не взорвавшаяся фашистская бомба замедленного действия. Ее везут за город, чтобы взорвать где-нибудь на пустыре. Никто не знает, когда она взорвется и слово «Взрыв» предупреждает прохожих об опасности» (с.34-35).

Муж Тамары Валентин Стеблин не пережил первой блокадной зимы и погиб у нее на руках в начале 1942 г. На краю гибели от голода была и она. Спасение пришло от семьи Аудзе. Христофор Петрович Аудзе работал врачом в госпитале. Тамару взяли на освободившееся место санитарки. Организм женщины был настолько ослаблен, что она с трудом справлялась с работой и вскоре слегла. В критический момент жена Христофора Петровича – Домицилия Адамовна достала ей мяса и, как считает Тамара, именно это спасло ей жизнь. Впоследствии она узнала, что это было мясо любимой кошки Домицилии. В марте 1942 г. Тамаре удалось вместе с сотрудниками Института иностранных языков выбрать-

ся по Дороге жизни из осажденного города. Через Алма-Ату она вернулась на родину, в Грузию. Тамара настолько изменилась внешне, что родная сестра в первый момент ее не узнала и приняла за нищенку.

Блокадные воспоминания Т.Кипиани написала в 1968 г. Побудил ее к этому В.Дондуа, который также остался жив. Однако Т.Кипиани не делала попыток опубликовать свои мемуары. Более того, она скрывала написанное даже от своих детей. Только через несколько лет после ее смерти дети – Нана и Шио Васадзе нашли эту тетрадь, написанную почти без правки, неразборчивым почерком, в бумагах матери.

В предисловии к «Блокадной тетради», изданной к 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга, редактор книги З.Абзианидзе пишет: «Воспоминания Тамары Кипиани завладевают нами не только потому, что она описывает леденящие душу картины Ленинградской блокады, но потому, что благодаря своему литературному дару она живо воссоздала характерные портреты попавших в смертельный капкан людей (...) Все они увиденны сквозь призму трагического – видимо, самую верную и беспощадную в своей правдивости (...) Сама биография Тамары Кипиани и с редкой достоверностью воссозданная ею картина тяжелейшего испытания, какое только может выпасть на долю человека, сегодня в пору обесценения извечных человеческих ценностей, в пору ожесточения отношений – и между людьми, и между народами – более чем своевременна...» (с.6)

АМИРЭДЖИБИ ШАЛВА (1887-1943). Грузинский писатель-эмигрант, политический и общественный деятель. Один из лидеров национал-демократической партии Грузии, член Учредительного собрания Демократической республики Грузии (1918-21). После окончания дворянской гимназии отправился в Европу. Был слушателем Венского университета. В 1909 г. вернулся на родину, сотрудничал в журнале национал-демократического направления «Клде» и символистских газетах и журналах. После поражения восстания 1924 г. уехал в эмиграцию. Жил в Париже и Берлине. Сотрудничал в грузинских эмигрантских газетах и журналах «Кавкасиони», «Самшобло», «Кавкасиа», «Дамоукидебели «Сакартвело», «Сакартвело». Редактировал журнал «Ахали дрозба». Был членом созданного в Париже «Общества грузинских писателей и журналистов». Скончался в Париже, похоронен на грузинском кладбище в Левиле.

БЕРЕЖИАНИ СИМОН (1899-1941). Грузинский поэт-эмигрант. После окончания тбилисской дворянской гимназии в 1920 г. отправился на учебу в Германию. В 1924 г. переехал в Париж, стал одним из основоположников и активным членом непартийной националистической организации «Тетри Гиорги». Сотрудничал в грузинских эмигрантских журналах и газетах «Кавкасиони», «Орнати», «Тетри Гиорги», а также «Картлоси», где часто печатал свои стихи, рассказы, статьи и карикатуры. Был членом созданного в Париже «Общества грузинских писателей и журналистов», а также грузинского драматического театра. В 1941 г. записался в действующую немецкую армию, однако в Румынии у него выявились признаки душевного заболевания, где он вскоре скончался в лазарете.

Могила утеряна. В 1943 г. в Берлине по почину его друзей была издана книга стихов и рассказов С.Бережиани.

ГАМКРЕЛИДЗЕ ГЕОРГИЙ (1903-1975). Грузинский поэт-эмигрант. Закончил кутаисскую гимназию. В 1923 г. отправился на продолжение учебы в Германию и не вернулся. Учился в техническом училище Кенета. Долго жил в Мюнхене. Во время Второй мировой войны переехал на жительство в Америку. Работал в грузинской редакции радиостанции «Голос Америки». Печатался в грузинских эмигрантских газетах и журналах «Кавкасион», «Картули азри», «Кребули», «Чвени гза», «Беди Картлиса». Первый сборник стихов вышел в Тбилиси в 1920 г., второй – в Париже, третий – в Сантьяго де Чиле, последний четвертый – в Вашингтоне. Перевел на грузинский Гессе, Бодлера, Гете, Шиллера, Гейне, Верлена, Рембо. В 70-е годы вернулся в Германию, в Мюнхен, где и скончался.

ДАУШВИЛИ РУСУДАН (1953). Историк, кандидат исторических наук (1997). Работает в музее эмиграции Тбилисского государственного университета им. И.Джавахишвили, доцент кафедры мировой истории Тбилисского государственного педагогического университета им. Сулхан-Саба Орбелиани. Автор книг «Грузинские промышленники и изобретатели в Америке», «Европейские исторические произведения в Грузии во второй половине XIX века», а также около 150 научных исследований и публицистических статей.

ДЖАВАХИШВИЛИ НИКО (1972). Историк, доктор исторических наук (2003). Закончил исторический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Автор около 70 научных работ, в том числе 9 книг, две из них изданы на русском языке и

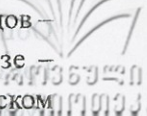

посвящены 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга. В настоящее время – профессор кафедры истории Грузии Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили.

ДЖАНЕЛИДЗЕ ОТАР (1954). Историк, доктор исторических наук, профессор. Работает в Государственном университете языка и культуры им. И. Чавчавадзе на кафедре истории. Исследует проблемы новой и новейшей истории Грузии, грузинской культуры, журналистики, вопросы внешнеполитических взаимоотношений Грузии. Автор книг «От 26 мая к 25 февраля», «Иванэ Джавахишвили», «Нико Николадзе», «Расстрелянная свобода», «Спиридон Кедиа» (политич. портрет), а также очерков по истории национально-демократической партии Грузии и др.

КАКАБАДЗЕ НОДАР (1923). Закончил германское отделение западно-европейского факультета ТГУ. Специалист по немецкоязычной литературе. Автор работ о немецко-грузинских культурно-литературных взаимоотношениях и ряда статей о художественных особенностях творчества Ф. Кафки и Т. Манна. Работает на кафедре истории западно-европейской литературы ТГУ.

КИШИАНИ ГЕОРГИЙ (1910-1985). Грузинский поэт-эмигрант. Как участник августовского восстания 1924 г., вынужден был эмигрировать. В Париже сблизился с известным грузинским писателем и общественным деятелем Виктором Нозадзе, взявшим его под свое покровительство. Первую книгу стихов издал в 1935 г. в Париже, последнюю седьмую – в 1975 г. Сотрудничал в грузинских эмигрантских газетах и журналах «Кавкасион», «Орнати», «Сакартвело», «Беди Картлиса». Был членом созданного в Париже «Об-

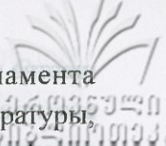

щества грузинских писателей и журналистов», с 60-х годов – его председатель. В 1975 г. после кончины В.Нозадзе – редактор журнала «Кавкасиони». Похоронен на грузинском кладбище в Левиле.

НИШНИАНИДЗЕ РУСУДАН. Окончила филологический факультет ТГУ им. И.Джавахишвили, а также факультет общественных профессий по специальности искусствоведения. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию. Работает на кафедре истории новейшей грузинской литературы ТГУ, а также в Музее грузинской эмиграции. Автор 32 научных работ и книги «Из истории грузинской литературы XX века».

САНИКИДЗЕ ТАМАЗ. Доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств, в прошлом – директор Государственного музея искусств Грузии. Автор более чем 150 публикаций, в том числе двух десятков книг, альбомов, каталогов и нескольких монографических исследований, охватывающих вопросы истории как древнего, так и современного грузинского, а также мирового искусства. Исследователь творчества грузинских художников, проживающих за границей. В настоящее время работает в Техническом университете Грузии, а также заведует кафедрой культуры и искусства Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили.

ШАРАДЗЕ ГУРАМ (1940). Литературовед, член-корреспондент АН Грузии с 1997 г., доктор филологии (1975), профессор (1975). С 1967 г. работал в Институте грузинской литературы им. Ш.Руставели. В 1991-92 гг. директор Литературного музея им. Г.Леонидзе. С 1994 г. – директор Музея грузинской эмиграции при ТГУ. Председатель

Общества Иванэ Мачабели. С 1995 г. член Парламента Грузии. Исследовал вопросы древнегрузинской литературы, руствелологии и грузинской эмигрантской литературы. Автор фундаментальных трудов и множества публикаций по этим вопросам. Лауреат Государственной премии (1992). Трагически погиб в мае 2007 года.

ЭБАНОИДЗЕ АЛЕКСАНДР. Родился в 1939 г. в Тбилиси. Окончил московский Литературный институт им. Горького. Переводчик с грузинского. Автор нескольких оригинальных произведений, в том числе «Свадьбы поимеретински». Живет в Москве. Является главным редактором журнала «Дружба народов».

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის
სამეცნიერო განყოფილება

„ლიტერატურნაია გრუზია“

საქართველოს მწერალთა ჟურნალი
რუსულ ენაზე

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის
სამეცნიერო განყოფილება

© «ლიტერატურა», 2007

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის
სამეცნიერო განყოფილება

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის
სამეცნიერო განყოფილება

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის
სამეცნიერო განყოფილება

საქართველოს ეროვნული ბიბლიოთეკის
სამეცნიერო განყოფილება

№1/2008.

ინტელექტი
გამომცემლობა

Общества Ивана Мачабели. С 1995 г. член Парламентского
Грузии. Исследовал вопросы древнегрузинской ли-
руствоведологии и грузинской эмигрантской литературы. Автор
фундаментальных исследований по этим
вопросам, Лауреат Государственной премии (1992).
Трагически погиб

Бесплатно. Некоммерческое издание.

უფასო. არაკომერციული გამოცემა.

ЭБАНОНДЗЕ АЛЕКСАНДР. Родился в 1939 г. в
Тбилиси. Окончил московский Литературный институт им.
Горького. Преподавал в грузинского. Автор нескольких
оригинальных произведений, в том числе «Свадьба по-
имеретински». Живет в Москве. Является главным редак-
тором

Формат бумаги 84x108 1/32.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Тираж 300.

© «Интеллекти», 2007

Напечатано в типографии издательства «Интеллекти»
Тбилиси, пр. И. Чавчавадзе 17^б, тел.: 25-05-22.

დაიბეჭდა გამომცემლობა „ინტელექტი“

✉ თბილისი, ილია ჭავჭავაძის გამზირი №17ბ
☎ 25-05-22, 29-31-33, 8(99) 53-05-22, 8(99) 55-66-54

ელ-ფოსტა: intelecti@ip.osgf.ge

T 10347

2007